

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 4(30)
2023**

ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ
OCTOBER–DECEMBER

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2023

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правопедения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЦЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department «State and Municipal Law», Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Российская Федерация

К 30-летию ЦИК России

- 11 Э.А. Памфилова**
Биография Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации: промежуточные итоги

Теория права

- 19 Ю.А. Веденеев**
Юриспруденция развития в определениях языка
исторической эпохи

Актуальные проблемы правоприменения

- 39 И.Б. Борисов**
Обеспечение и защита государственного суверенитета
в электоральной сфере

Избирательный процесс

- 57 А.А. Нигметзянов**
Правовое мотивирование как способ воздействия на участников
избирательного процесса

Международное избирательное право и стандарты

- 66 В.И. Лысенко**
Избирательный залог на президентских выборах:
зарубежный опыт

Политические институты

- 88 А.А. Ерыгин**
О взаимодействии общественных палат субъектов
Российской Федерации с региональными органами власти

Дорожная карта: идеи и концепции

- 97 О.В. Цветкова**
Национальная и гражданская идентичность: проблемы
формирования в России
- 104 И.Г. Чистобородов**
Государственное управление общественно-политической сферой
в условиях становления многополярного мира

Экскурс в историю

- 119 **И.В. Галкин**
Феномен абсолютизма в западноевропейской
политико-правовой мысли раннего Нового времени
- 147 **В.С. Жилинская**
Политическая теология Жана Кальвина
- 157 **И.Е. Минтусов, А.Г. Доруш**
Анализ избирательной системы в Веймарской республике

Реплика

- 181 **В.В. Сошников**
О проведении предвыборной агитации посредством публичных
мероприятий

Конкурс «Атмосфера»

- 187 **А.В. Ильиных, А.Ю. Кузьмина**
Правовые основы отказа от выборной должности и депутатского
мандата: теория и практика
- 200 Указатель статей журнала «Гражданин. Выборы. Власть»
за 2023 год
- 204 Сведения об авторах

To the 30th Anniversary of the CEC of Russia

- 11 E.A. Pamfilova**
Biography of the Central Electoral Commissions of the Russian Federation: Subtotals

Theory of Law

- 19 Y.A. Vedeneev**
Urisprudence of Development in Definitions of the Language of the Historical Epoch

Current Problems of Law Enforcement

- 39 I.B. Borisov**
Ensuring and Protecting State Sovereignty in the Electoral Sphere

Electoral Process

- 57 A.A. Nigmatzyanov**
Legal Motivation as a Way of Influencing the Participants of the Electoral Process

International Electoral Law and Standards

- 66 V.I. Lysenko**
Electoral Pledge at Presidential Elections: Foreign Experience

Political Institutions

- 88 A.A. Erygin**
On the Interaction of Civic Chambers of the Constituent Entities of the Russian Federation with Regional Authorities

Roadmap: Ideas and Concepts

- 97 O.V. Tsvetkova**
National and Civic Identity: Problems of Formation in Russia
- 104 I.G. Chistoborodov**
The Influence of Economic Actors on Public Administration of the Socio-political Sphere

Excursion into History

- 119 I.V. Galkin**
The Phenomenon of Absolutism in the Western European Political and Legal Thought of the Early Modern Period
- 147 V.S. Zhilinskaya**
Political Theology of John Calvin
- 157 I.E. Mintusov, A.G. Dorush**
Analysis of the Electoral System in the Weimar Republic

Remark

- 181 V.V. Soshnikov**
On Conducting Pre-election Campaigning Through Public Events

Contest «Atmosphere»

- 187 A.V. Ilyinykh, A.I. Kuzmina**
The Legal Grounds for the Refusal of Elective Office and Deputy Mandate: Theory and Practice
- 200** Index of Articles of the Journal «Citizen. Elections. Authority» for 2023
- 204** Our Authors

БИОГРАФИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

***Аннотация.** Статья посвящена 30-летию юбилею ЦИК России. Автором прослеживается путь становления избирательных комиссий России всех уровней и эволюционного развития отечественной избирательной системы, начиная с 24 сентября 1993 года, когда Указом Президента страны была образована Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. С того же времени был дан старт формированию уникального общественно-государственного института — избирательной системы в новом качестве. Уникальность ее в том, что она не входит ни в законодательную, ни в исполнительную власть. В то же время, если исходить из того, что в России действует порядка 100 тысяч избирательных комиссий, а это около одного миллиона организаторов выборов — членов комиссий, то фактически избирательная система даже в физическом восприятии является срезом всего российского общества.*

***Ключевые слова:** избирательная система, избирательные комиссии, избиратели, электорат, электоральное пространство, ЦИК России, цифровизация, электронное голосование.*

BIOGRAPHY OF THE CENTRAL ELECTORAL COMMISSIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SUBTOTALS

***Abstract.** The article is dedicated to the 30th anniversary of the CEC of Russia. The author traces the path of formation of election commissions of Russia at all levels and the evolutionary development of the national electoral system, starting from September 24, 1993, when the Central Election Commission of the Russian Federation was established by the Decree of the President of the country. At the same time, the formation of a unique public and state institution — the electoral system in a new capacity — was launched. Its uniqueness lies in the fact that it is not part of either the legislative or the executive branches. At the same time, if we proceed from the fact that there are about 100,000 election commissions in Russia, and this is about one million election organizers who are members of commissions, then in fact, the electoral system, even in physical perception, is a cross-section of the entire Russian society.*

***Keywords:** electoral system, election commissions, voters, electorate, electoral space, CEC of Russia, digitalization, electronic voting.*

30 лет тому назад — 24 сентября 1993 года — Указом Президента России была образована Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. С того же времени началось формирование уникального общественно-государственного института — избирательной системы нашей страны в новом качестве. Уникальность ее в том, что она не входит ни в законодательную, ни в исполнительную власть. В то же время, если исходить из того, что в России действует порядка 100 тысяч избирательных комиссий, а это около одного миллиона организаторов выборов — членов комиссий, то фактически избирательная система даже в физическом восприятии является срезом всего российского общества.

Участковые и территориальные комиссии, комиссии субъектов Федерации, как и ЦИК России, формируются на похожих принципах и в обязательном порядке наполовину состоят из представителей политических партий. В федеральной комиссии таковыми могут выступать выдвиженцы от парламентских партий; в региональных избирательных комиссиях представлены партии, добившиеся депутатских мест в законодательных органах субъектов Федерации; а членами территориальных и участковых комиссий могут быть представители всего спектра политических партий страны.

Другая половина состава комиссий комплектуется теми, кто направлен в избирательную систему гражданским обществом. Здесь в относительно небольшом количестве присутствуют государственные и муниципальные служащие (6%), — организаторами выборов в основном выступают выдвиженцы от различных учреждений. А если взглянуть на эти сухие статистические данные шире, то избирательные комиссии можно назвать по-настоящему народными, так как в них представлена сама страна как в политическом и экономическом, так и социокультурном, этническом, религиозном, профессиональном и во многих других аспектах.

На наш взгляд, принцип формирования избирательной системы в России, по крайней мере для современных исторических условий, актуален в том, что отвечает требованиям времени и оптимален в своем охвате наиболее важной общественной и государственной проблематики. Но в данном контексте нужно учитывать один нюанс, который придает отечественной избирательной системе особую рациональность: этот принцип не только гарантирует соблюдение интересов всего социума, но и обеспечивает перекрестный контроль внутри самих комиссий.

Наша избирательная система вышла на некую магистраль, которая позволяет ей двигаться дальше по собственной траектории, — без оглядки на естественные и искусственные препятствия, но опираясь на богатейшую историю и традиции народовластия в России и чутко отзываясь на современные вызовы. Был у нас период, когда почти непреодолимым барьером для электорального пространства выступал определенного рода кризис доверия избирателей, который проявлял себя в различных сферах общественных отношений и по-разному. Зачастую избирательные комиссии вынуждены

были дискутировать с электоратом с позиции оправдания. Практически постоянно рассуждая о транспарентности избирательных кампаний, мы не могли продемонстрировать и таким образом в максимальной мере доказать обществу, что наши выборы чисты и честны. Выборам не хватало той прозрачности, которая могла быть основой доверия во взаимоотношениях социума с органами власти разных уровней, а нередко — и с государственной властью в целом.

По сути дела, вопрос доверительных отношений между гражданами и властью являлся в своем роде экзаменационным: во-первых, он требовал немедленного решения, во-вторых, посредством ответа на этот вопрос отечественная избирательная система, а вместе с ней и система избирательных комиссий страны (организаторы выборов), могли выйти на другой, значительно более высокий качественный уровень функционирования. Таким образом, наиболее важным критерием оценки качества для организаторов выборов выступает рост их доверия, так как главный экзаменатор и главный судья для избирательной системы — это избиратели. Мы сверяем свою работу именно со степенью доверия людей, которое либо есть, либо его нет.

Как правило, существенной проблемой является достижение доверия отдельного индивида, а когда речь идет о доверии общества, уровень сложности многократно возрастает. Естественно, мы исходили в том числе и из традиционных соображений: очистили систему от всевозможных злоупотреблений, сосредоточили внимание на качественных изменениях системы, усилили контроль на разных этапах, плоскостях и уровнях избирательных кампаний, поработали с их содержанием, исключая из него так называемые «грязные» или «черные» технологии и добиваясь реальной прозрачности. Временами результаты работы по совершенствованию системы радовали, но все же не так, чтобы считать задачу выполненной.

Ключевым моментом в решении проблемы доверия, на которое мы вышли путем долгих изысканий, стало обращение к актуальным технологиям. По большому счету, избирательная система России практически со времени своего создания, была ориентирована на применение технических и технологических достижений. Но за исключением ГАС «Выборы», сыгравшей огромную роль в совершенствовании отечественного электорального пространства, подобного рода новинки в течение долгих лет рассматривались в качестве вспомогательных средств. Они применялись, — и нередко в достаточно широких масштабах, но в основном, если исходить из потребностей нашей страны, на экспериментальном уровне. Нам удалось кардинально изменить подход к новым технологиям и, таким образом, придать им другое — практически приоритетное — значение.

Думается, что успехи российских организаторов выборов последних лет связаны со значительно бóльшим масштабом использования электронных технологий. На наш взгляд, в данном случае основная причина кроется

в верном выборе цели, — направив свои усилия на достижение доверия избирателей к системе избирательных комиссий, а через них — и к выборам, мы сумели выйти на решение множества промежуточных задач. Ведь можно было подолгу задерживаться и на частностях, шаг за шагом снимая отдельные — заслуживающие пристального внимания, назревшие, наболевшие, актуальные — проблемы. Но подобным путем мы, действуя как бы по старым (можно сказать и «устаревшим») лекалам и исходя из чужой практики, обрекли бы себя на положение догоняющих или вечно вторых. Взятием ориентира на полномасштабное изменение технического и технологического содержания избирательной системы нам удалось превратить казавшиеся глобальными электоральные проблемы в попутные задачи. Речь здесь идет не только о трудностях, связанных с досрочным голосованием, голосованием на дому, маломобильными избирателями, открепительными удостоверениями, голосованием в труднодоступных и отдаленных местах, всевозможными нарушениями избирательного законодательства, но и о многих других вопросах, возникающих в процессе выборов, на которые у системы не всегда имеются готовые ответы.

Надо отдать должное и вышеупомянутым «экспериментальным» вариантам электронного голосования. Комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) и комплексы для электронного голосования (КЭГ), как «первые ласточки» электронного голосования, сыграли свою особую роль в такой форме, что к более продвинутым технологиям, да и к самой цифровизации электоральной системы наши избирательные комиссии вышли, если не во всеоружии, то морально и в существенном смысле технически подготовленными.

Начиная с 2017 года мы стали формировать максимально открытую, прозрачную, доступную для гражданского и общественного контроля систему. Исходя в том числе и из современных международных избирательных стандартов, свои силы направили на то, чтобы внести в них собственную лепту. Добивались того, чтобы отечественная избирательная система соответствовала уровню развития общества, его запросам и требованиям в отношении честности и чистоты, а значит, и легитимности выборов. Мы и сегодня действуем в этом направлении. Но нынешняя ситуация в электоральной сфере существенно отличается от той, в которой мы находились относительно недавно. К тому, что было, добавились технологии, которые являются для нас больше чем подспорьем. «Мобильный избиратель», цифровые сервисы, система видеонаблюдения, QR-кодирование, информационно-справочный центр, автоматическая проверка подписных листов, интерактивный рабочий блокнот и многое другое представляют собой реальные инструменты совершенствования системы. Притом это только с одной стороны. С другой, возможно, гораздо более значимой позиции, эти технические и технологические новинки расширяют пространство взаимодействия общества

с электоральной системой, если иначе, то выступают средствами сближения власти и народа.

Прежде чем обратиться к конкретике, напомним, что организаторы выборов в России имеют дело со страной не только с десятками миллионов избирателей, мобильность которых год от года только растет, но и с огромной территорией с 11-ю часовыми поясами. Здесь неслучайно упомянута такая характеристика населения, как мобильность. Именно данное обстоятельство с каждым годом все сильнее усложняет задачу избирательных комиссий, которые по своим функциональным обязанностям должны изыскать возможность дойти до каждого избирателя.

Разумеется, данная проблема решалась и раньше, но она влекла за собой как значительные ресурсные потери, так и множество побочных вопросов. С учетом ее сложности внедрение механизма технологического средства «Мобильный избиратель» в 2017 году оказалось во многих смыслах прорывным моментом в биографии современной избирательной системы России. Мы как будто распахнули дверь в новую, более сложную, но в то же время более открытую и предсказуемую реальность, в которой нет места «избирательному крепостному праву».

Эта технология предоставляет гражданам возможность проголосовать по месту нахождения в пределах своего избирательного округа на выборах федерального и регионального уровня. В течение лет, прошедших со времени запуска системы «Мобильный избиратель», ею воспользовались более 20 миллионов избирателей, и это число с каждым годом растет. Чтобы проголосовать посредством данной технологии, избирателям достаточно подать заявление через многофункциональные центры (МФЦ), сайт Госуслуг, территориальные избирательные комиссии и выбрать удобный участок для голосования. Она позволила нам как организаторам выборов снять дистанционные и временные барьеры и дать возможность избирателю самому выбрать варианты, каким образом проголосовать, независимо от того, где он находится.

Применение технологии «Мобильный избиратель» не было первым шагом в направлении цифровизации, которая уже является основой для кардинальных изменений глобального масштаба, в то же время именно она выступила значительным препятствием на пути абсентеизма, вернув на избирательные участки или направив в лоно выборов множество граждан, которые хотели бы, но по тем или иным причинам не могли реализовать свое конституционное право. Но это не все.

На основе «Мобильного избирателя» мы смогли пойти дальше по пути технологической эволюции и стали применять дистанционное электронное голосование (ДЭГ), которое, являя собой громадный шаг вперед по сравнению со всеми технологиями-предшественниками, снимает практически все препятствия, тем или иным образом мешающие волеизъявлению. В пределах

страны для него нет ни временных, ни пространственных расстояний и преград. На выборах, где оно применяется, ДЭГ позволяет избирателю проголосовать не отходя от телефона или компьютера из любой точки России. Процедура такого голосования впервые была апробирована в 2019 году в Москве. Но уже в нынешнем году оно получило широкое применение в 25 регионах, включая столицу нашей страны. Потенциальный охват ДЭГ составил более 22 миллионов избирателей.

Необходимо подчеркнуть, что, как и «Мобильный избиратель», дистанционное электронное голосование является системой в полном смысле этого слова. Выборы — это не то поле, где и один — воин. То есть, у этой системы имеется не только множество подсистем или сетевых элементов, но и целый спектр относительно самостоятельных технологических инструментов. Речь в данном случае идет о цифровых сервисах, которые способны дать полную информацию о голосовании для всех участников избирательного процесса. В первую очередь, конечно, для избирателей, но они удобны как для партий, участвующих в выборах, кандидатов-самовыдвиженцев, так и для наблюдателей за выборами и представителей средств массовой информации.

В настоящее время активно реализуется процесс внедрения избирательной системы в программу «Цифровая экономика», в рамках которой создано около 20 цифровых сервисов для участников избирательного процесса, в их числе — информирующие сервисы, предоставляющие сведения об избирательных комиссиях и комиссиях референдума; о подаче заявления по поводу включения в список избирателей по месту нахождения; кандидатах и избирательных объединениях; включении в список избирателей на избирательном участке, участке референдума; выборах и референдумах и сроках их проведения; результатах выборов и референдумов. Сервисы подачи заявлений помогают с включением в список избирателей по месту нахождения; предоставлением возможности проголосовать вне помещения для голосования; участием в электронном дистанционном голосовании. Также функционирует специальный сервис сбора подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов или списков кандидатов.

Система QR-кодирования — машиночитаемого кода, применяемого с 2016 года — позволяет отсканировать протокол сразу после подсчета голосов и в присутствии наблюдателей — до того, как бюллетени будут доставлены в территориальную комиссию и введены ГАС «Выборы». Сегодня данная система, обладающая способностью в том числе и устранять ошибки, допущенные при составлении протоколов об итогах голосования, функционирует на всех российских избирательных участках.

Информационно-справочный центр ЦИК России предоставляет около 7,5 миллионов информационных услуг, выполняя функции: автоинформатора — голосового помощника, рассчитанного на одновременный прием сообщений более чем по 1000 каналам; операторов контакт-центра,

которые могут одновременно принять до 200 обращений избирателей. Он содержит в себе региональные контакт-центры в 89 субъектах Федерации; интерактивную карту «ГИК и УИК на карте России», принимающую до 10 000 обращений в единицу времени; смс-информатора с возможностью отправки до 1000 смс-сообщений в секунду; чат-бота, одновременно ведущего до 10 000 диалогов.

В информационно-справочный центр можно позвонить из любой точки России по бесплатному номеру для уточнения тех или иных сведений. По сути, он представляет собой всероссийскую закольцованную систему, в которую включены все избирательные комиссии страны.

В актуальной электоральной реальности наша избирательная система устроена так, что партии и кандидаты до половины подписей избирателей могут собирать дистанционно, — электронным образом. Автоматизация и ускорение процесса проверки подписей с помощью специального программно-технического комплекса распознавания и интеллектуальной обработки оцифрованных изображений подписных листов (СПТК-ПЛ) четко делают свое дело. На основании выводов экспертов решение о признании подписей действительными принимает избирательная комиссия во всех субъектах Федерации. Скорость проверки почерка избирателей СПТК-ПЛ составляет примерно 200 человек/час; объем хранения — до 2 миллионов подписных листов; точность распознавания и классификации почерка — до 97 процентов.

Интерактивный рабочий блокнот (ИРБ) содержит пошаговые инструкции для членов участковых избирательных комиссий (с первого дня работы до сдачи финансового отчета). В нем вся документальная библиотека и сервисы для оперативного получения информации и подготовки документов. Для информирования и оперативной поддержки пользователей создан специальный телеграм-канал «ИРБ — работаем вместе».

Несколько слов хотелось бы сказать о видеонаблюдении. На выборах 2012 года В.В. Путин предложил ввести в процесс выборов видеонаблюдение как дополнительную систему контроля. С того времени оно стало неотъемлемой частью электоральной практики. Сначала оно применялось только на федеральных выборах, — сейчас развивается вместе со всей избирательной системой, охватывая практически все виды выборов. Теперь это — 72 часа непрерывной работы камер видеонаблюдения и средств фиксации; им охвачены 96 процентов всех избирательных участков страны. Весь процесс голосования, подсчета голосов и установления итогов выборов фиксируется с помощью видеонаблюдения. Полученные видеозаписи могут быть использованы в том числе кандидатами на выборные должности и политическими партиями при рассмотрении жалоб в избирательных комиссиях и судах. Надо отметить, что сегодня ни в одной стране мира технологии видеонаблюдения на выборах и референдумах не применяются в таком масштабе, как в России.

* * *

Цифровизация избирательной системы России идет динамичными темпами. Мы стараемся развивать новые стандарты. С гордостью отмечу, что многие из них разработаны нами. Пока нет полного всероссийского охвата до самого крайнего уголка страны, но с каждым годом цифровые технологии расширяют пространства своего применения. Это — наш ответ глобальным вызовам нынешней действительности.

Очень важно, что меры по развитию цифровых технологий и их внедрению в избирательную систему в целом и в ее отдельные структурные элементы осуществляются не взамен традиционного вида голосования. Для многих граждан России выборы представляют собой некую традицию, можно сказать, определенного рода семейный праздник и значительное событие в жизни. Посредством введения современных технологий в суть и содержание избирательной практики мы стремимся сделать выборную среду более доступной, притом для всех без исключения избирателей.

30 лет — срок немалый. К тому же, как в истории страны, так и в биографии избирательных комиссий эти десятилетия были далеко не простыми. Но мы должны помнить о том, что отечественная избирательная система возникла не на пустом месте. Да, мы добились того, что сегодня она невероятно прозрачна, динамична и развивается высокими темпами. Но это все только потому, что у нас есть точки опоры. Наша страна, а вместе с ней и отечественная избирательная система, движутся вперед не только за счет современных техники и технологий, но и за счет своих глубоких корней и исторических традиций. Именно благодаря им мы в прямом значении этого слова чувствуем свою страну и стремимся к новым достижениям.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ЯЗЫКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. *Инновационная юриспруденция — открытая перспектива концептуального и инструментального развития юридической науки эпохи постмодерна или эпохи сдвигов юридических картин мира, стилей правового мышления и сопровождающих их социально-экономических и политико-правовых трансформаций. Становление и формирование нового юридического дисциплинарного комплекса связано как с определениями предметов и способов исследования, так и разработкой конкурирующих аналитических языков описания и объяснения происходящих изменений правовой реальности. Все три структурные составляющие дисциплины представлены в границах понятийного кластера: традиции и новации, правовое развитие и современный мир. Традиции и новации вечные категории наличных практик социального существования с инвариантными и подвижными историческими формами и содержаниями. То, что для одной культурной формации — традиция, для другой может рассматриваться в качестве новации. Это — выражение накопленного опыта управления развитием, смещений и пересечений правовых коммуникаций, культурной памяти и наследия, передаваемого от поколения к поколению. Развитие институтов, процессов, идей, доктрин и языков юриспруденции имеет три вектора и стратегии своих проявлений и репрезентаций: эволюционные, инволюционные и парадигмальные переходы и сдвиги. Современность — это характеристика движения правовых систем в историческом времени и пространстве как процессов и остаточных состояний эпох до модерна и модерна, так и еще неизвестных в своих следствиях правовых формаций постмодерна. Институциональные вызовы современного правового развития в определяющей степени зависят от способности юридической науки находить конструктивные аналитические и инструментальные решения. Инновационная юриспруденция и есть возможный концептуальный и культурный ответ на запросы новой реальности.*

Ключевые слова: *инновационная юриспруденция, правовое развитие и современность, юридические картины мира и стили правового мышления, концептуальные и институциональные нововведения, язык социокультуры, дисциплинарный кластер, постюриспруденция, политика и семантика языков правового общения, культурный капитал, право социальных и корпоративных сетей.*

URISPRUDENCE OF DEVELOPMENT IN DEFINITIONS OF THE LANGUAGE OF THE HISTORICAL EPOCH

***Abstract.** Innovative jurisprudence is an open perspective of the conceptual and instrumental development of legal science in the postmodern era or the era of shifts in legal pictures of the world and styles of legal thinking and the accompanying socio-economic and political-legal transformations. The formation and formation of a new legal disciplinary complex is associated with the definition of subjects and methods of research, as well as the development of competing analytical languages for describing and explaining the ongoing changes in legal reality. All three structural components of the discipline are presented within the boundaries of the conceptual cluster: traditions and innovations, legal development and the modern world. Traditions and innovations are eternal categories of existing practices of social existence with invariant and mobile historical forms and contents. What is a tradition for one cultural formation may be regarded as an innovation for another. It is an expression of accumulated experience in development management, the mixing and intersection of legal communications, cultural memory and heritage passed down from generation to generation. The development of institutions and processes, ideas and doctrines, and languages of jurisprudence has three vectors and strategies of its manifestations and representations: evolutionary, involitional and paradigmatic transitions and shifts. Modernity is a characteristic of the movement of legal systems in historical time and space, both the processes and residual states of the pre-modern and modern epochs, and the legal formations of postmodernity, which are still unknown in their consequences. The institutional challenges of modern legal development depend to a decisive extent on the ability of legal science to find constructive analytical and instrumental solutions. Innovative jurisprudence is a possible conceptual and cultural response to the demands of the new reality.*

***Keywords:** innovative jurisprudence, legal development and modernity, legal worldviews and styles of legal thinking, conceptual and institutional innovations, the language of socio-culture, disciplinary cluster, post-jurisprudence, policy and semantics of the languages of legal communication, cultural capital, law of social and corporate networks.*

Постановка вопроса

Правовые традиции и новации в широком метафизическом смысле — это социокультурные основания становления и развития правовых систем, институтов социально-нормативного общения, включая правовые идеи, принципы, правовые ценности и доктрины. Это цивилизационные рамки и критерии идентификации принадлежности к определенной культуре социальных коммуникаций, культуре юридических трансформаций и обменов, культуре поведения открытых или закрытых правовых систем. В узком, прикладном смысле это структурные и функциональные проекты, решения и модели, обеспечивающие производство правовых систем. То есть политики, направленные на преобразования наличных правопорядков или политики, обеспечивающие сдерживание развития институтов, их консервацию в меняющихся контекстах существования. Мы привыкли

отождествлять приверженность традиции как проявлениям инерционности и архаичности правопорядков и приверженность к новациям как проявлениям их динамичности и актуальной востребованности. Считается, что традиционно-ориентированные правовые системы закрыты и консервативны, а инновационно-ориентированные — открыты и современны. Мы не должны забывать, что нечто, прежде чем стать традицией, когда-то было новацией, а самые передовые новации когда-то будут традициями.

Еще одним элементом понятийного кластера выступает правовое развитие или развитие правовых систем. С точки зрения современных подходов сюда включают взгляд на право, как многомерное — многокомпонентное, многоуровневое и полицентрическое (*гетерархическое*) ментальное — бытие права в его восприятиях, переживаниях и оценках правосознанием эпохи, так и существование права в сетевой структуре взаимодействий социальных отношений и политических решений, правовых доктрин и юридических концептов действительности. Это функция множества переменных с весьма неопределенной логикой процессов и границ изменений или возможных траекторий развития и конечных результатов. Полная реалистическая онтология права охватывает институты, ценности, концепты и эпистемы. Это также еще много чего, о чем мы можем только догадываться, но в том числе и вариативные отношения и процессы, события и состояния, константы своей культурно-исторической эпохи в ее прошлом, настоящем и будущем. Каждая культурно-историческая эпоха имеет дело со своим правом и знает о праве только то, что способна понять и осмыслить *в определениях* своего социального и культурного контекста и своего языка понимания права и рассуждения о праве. Феномен мифа, феномен веры и феномен логических построений правовых систем — всего лишь установленные в исторических практиках правового развития модусы и модальности их существования.

Правовое развитие обнаруживает себя не только в изменениях системы государственно-правовых институтов с точки зрения преобразований в предметах и режимах правового регулирования социальных отношений (институциональное развитие), но также (прежде всего) и в изменениях внутри систем знаний об институтах с точки зрения подходов, предметов и методов изучения государственно-правовых явлений (концептуальное развитие); среды обитания правовых институтов и юридических знаний или социальных, политических и культурных координат их становления в историческом времени и пространстве (контекстуальное развитие). Правовое развитие охватывает разнообразные процессы консервации и преобразований наличных порядков социальных отношений: актуальные и потенциальные возможности изменения правовых систем; линейные и циклические парадигмальные сдвиги в составе и структуре государственно-правовых институтов; сдвиги в системах концептуальных, институциональных и культурных рамок, ограничений, оснований и форм социального поведения. Квалификация как *традиционных, так и инновационных* юридических практик сама по

себе условна, вариативна и зависит от степени понимания последствий сохранения или изменения обстоятельств собственного существования; то есть, политики развития или политики консервации наличных состояний права и науки права, практического и теоретического юридического языка.

Третье измерение понятийного кластера — современный мир. Резонно возникает сакраментальный вопрос, а именно, что есть современный мир, и в каком смысле он современный? В радикальном варианте ответ был дан одним из самых глубоких отечественных филологов О.М. Фрейденберг: «В плане постановки новых научных проблем современность есть понятие хронологическое, а не методологическое» [1, с. 286]. В более широком культурно-историческом контексте понимание современности предложено Фернаном Броделем: «...современность есть продолжение — в разной степени — тех событий, которые имели место в ближайшем и далеком прошлом» [2, с. 29]. Современность — не только фазовое состояние истории. Это ее срез, которому предшествуют точки бифуркации или накопления социальных дисфункций и переходов в другие культурные и политико-правовые состояния. Это, прежде всего, новое видение и понимание проблем развития правовой реальности в определениях ее социокультурных оснований, факторов и качественных параметров развития и будущих кризисов. Современность живет одновременно в структурных отношениях старых, переходных и новых институтов и их проявлений в системе базовых ментальных и аналитических рамок социального поведения, концептуальных оснований изменений или консервации в системах социально-правовых мотиваций и действий. Можно соглашаться и не соглашаться с такой постановкой вопроса, но это — уже предмет критической юриспруденции.

Современный мир представляет собой многоуровневую и многополюсную систему социальных взаимодействий и пересечений исторических практик и механизмов социального общения. В нем обнаруживают себя практики параллельного сосуществования разнонаправленных архаичных и традиционных, религиозных и светских, секулярных и рациональных механизмов правового регулирования и самоуправления, знаниевых систем их аналитического описания и объяснения. Здесь имеет место сложное сочетание режимов повторяемости и инерции, сдвигов и трансформаций в формах и механизмах социального развития, процессов преемственности и разрывов. Нечто приходит, а ничто не уходит: инновации становятся регулятивным ядром правовой системы, традиции превращаются в ее маргинальную периферию и, наоборот. В реальности имеет место динамическое сосуществование и традиций, и новаций.

Сегодня мы наблюдаем кризис сложившейся глобальной модели государственно-правового развития. С одной стороны, попытки возвращения к ее исходным национальным государственно-правовым границам, а с другой, — поиски альтернатив социальным, культурным и технологическим основаниям собственного воспроизводства. В этом плане XXI век

демонстрирует системный кризис сложившегося глобального правопорядка своей макрокультуры. Это — и новые аномальности, и негативные юридические практики в существующей системе трансграничных правовых институтов, реализации прав человека и гражданина. Это — переход от гражданского общества к сетевому обществу; от права социальных традиций и иерархий к праву институциональных и культурных деконструкций; от права письменных текстов к цифровому праву или праву социальных сетей.

Пророчество Пифагора или в современной терминологии — прогноз — сбывается, — «мир управляется числами», правда не с метафизическими коннотациями, а вполне реальными и практическими. Магия чисел сменяется прозой цифр. Постреальность обращается исчисляемым социальным фактом, где уже не будет места многому из той культурной и политико-правовой среды обитания, которая пока окружает и еще обеспечивает привычный приватный порядок социальных отношений в границах понимания конститутивного значения неотчуждаемых прав человека и гражданина. На смену гражданскому обществу и демократическому государству приходят сообщества корпоративных сетей и регуляций. Иначе говоря, речь может идти о процессах развития внутри и вне отдельных правовых цивилизаций в границах пересечений и взаимодействия трансграничных институтов, культур и контактов.

Проблема в том, что если раньше в рамках отдельных культур то, что являлось нормой для одной правовой системы, выступало новацией для другой правовой системы в силу неравномерности социального развития, то сегодня культура идентичности становится размытой и неопределенной. Таким образом, проблема выбора и предпочтений решений и моделей в условиях неравномерности и неопределенности социокультурного, институционального и концептуального развития превращается в кризисный фактор социального поведения. Границы имплементации новаций и сохранения традиций в настоящее время — функция множества переменных, прежде всего, способности правовой системы сохранять старые эффективные правовые институты и их языки и осваивать новые правовые институты и их языки, не разрушая онтологические и аксиологические основания своего воспроизводства. Здесь лежат точки бифуркации в историческом движении правовых систем или смены гештальта в терминах языка Освальда Шпенглера.

Важно иметь в виду, что ключевые принципы юридического освоения действительности, ее понимания и конструирования остаются тождественными самим себе. Как были базовые институты, процедуры и языки права *respondere, cavere u agere*, так ими и остаются. Это институциональные ядра любой правовой системы, разрушая которые, система разрушает самоё себя. Меняются контексты существования институтов, их конституирующие и обслуживающие дискурсы, но в конечном счете, при всем разнообразии юридических подходов и решений, все сводится к их квалификациям — правильное или неправильное, адекватное или неадекватное, должное или

недолжное, правомерное или неправомерное, законное или незаконное. И, что немаловажно, признанию эффективного или неэффективного правопорядка в выработанных в нем практиках политико-правового регулирования. А это уже вопрос взаимоотношений культур модерна и постмодерна в историческом пространстве и времени, точнее, цивилизационной принадлежности и идентичности правовой системы ее базовым ценностям. У каждой исторической эпохи свои представления и аксиология нормальности и приемлемости динамики институциональных и концептуальных превращений в системах традиций и новаций, свои выгоды и издержки их сохранения и освоения.

Концептуализация категории правовое развитие правовых систем

Изменения правовых систем охватывают своими практиками как институциональные, так и концептуальные составляющие правопорядка. В сфере их воздействия — элементы формального механизма правового регулирования: предметы, методы, субъекты, объекты и границы правового регулирования; элементы социокультурного механизма правового воздействия: ценности, представления, юридические картины мира и системы юридических знаний. Риторический вопрос «правовое развитие чего?» остается открытым. Видимо, — правовой системы в целом со всеми ее элементами, по крайней мере, в определениях современного правопонимания, а именно — системы права или институтов, системы источников — законодательства (романо-германской правовой системы) или судебных прецедентов (англосаксонской правовой системы); системы доктрин или идеологически санкционированных представлений об онтологических основаниях правовых систем; системы ценностей или регулятивных нормативных дискурсов юридической организации социального порядка; системы юридических языков (практических и теоретических), языка права и языка науки права, то есть, практического и аналитического инструментария юриспруденции; систем правовых знаний и систем юридической техники или техники прикладного юридического анализа, производства, реализации и применения права.

Правовые системы существуют и воспроизводят себя в границах наличных юридических картин мира. Правовое развитие — категория не только юриспруденции, но и социальных, политических и гуманитарных наук. Ее аналитические значения терминологически и понятийно связаны с процессом изменений и трансформаций социальных и политических институтов и языков их описания и объяснения.

В составе языков описания и объяснения правовых явлений различают такие уровни и аспекты процессов политико-правового развития как институциональные и концептуальные революции, институциональные и концептуальные новации, преемственность, совместимость или несовместимость институтов и концептов. В практическом языке особое место начинает занимать юридическая конструкция института развития. То есть,

финансово-экономические и административные комплексы учреждений и процедур, обеспечивающие разработку и внедрение юридических нововведений в практику социального развития, их экспертизу.

Правовое развитие составляет ключевой аспект и юридический механизм воспроизводства правовых систем, поскольку касается государственно-правовых решений и директив, определяющих тенденции и условия их собственного существования и воспроизводства. Актуализация категории инновации правового развития обусловлена тем, что решение проблемы социальных вызовов и ответов составляет объективное условие предвидения изменений в структуре действующих институтов или изменений в системах нормативных связей и сетей, переходов от юридической логики формальных институтов к логике сетевых институтов или цепочек взаимодействий внешних, протяженных и трансграничных. Основными характеристиками правового развития являются изменчивость, преемственность, непрерывность и их альтернатива — завершенность, консервативность, инерционность. Фазовые циклы процессов правового развития — непрерывность и преемственность и ее альтернативные версии — консервативность и инерционность — входят в категориально-понятийный кластер социально-правового континуитета.

В юридической литературе этот термин в основном употребляется в международно-правовом значении применительно к вопросам предметного и функционального взаимодействия современных государственно-правовых систем. Континуитет следует рассматривать как пространство и процесс воспроизводства правосубъектности участников правового общения без утраты способности принимать самостоятельные и суверенные решения. В нем формируются и функционируют конкурирующие и альтернативные технологии будущего. Разрывы формальных и культурных связей вносят неопределенность в практики социально-правового общения и постепенное угасание субъектности как таковой. Суть инновационных процессов и состоит в поддержании необходимого уровня континуальности структур взаимодействия и способности в границах приемлемости реагировать на меняющиеся условия социального и культурного развития.

Культурно-исторические технологии правового развития

Выявление эволюционных и парадигмальных сдвигов и переходов правовых систем от одних типов и форм правового регулирования к новым моделям связано с адаптацией и разработкой адекватного языка юриспруденции. Механизм преемственной эволюции права невозможен без сохранения и пролонгации позитивных практик социального общения и выработанных ими форм языка правового поведения и мышления, как своего рода словаря своей культурно-исторической эпохи. В этом плане преемственность — исходная база границ и возможностей правового развития, поскольку здесь совмещаются прошлое, настоящее и будущее правовых систем, накопленные

традиции и востребованные новации. Пересечения традиций и новаций выражают и заключают в себе совместимость ценностей социально-правового общения в истории становления и развития правовых цивилизаций.

Для современного состояния правового развития фундаментальное значение имеет нормативная ценность таких представлений о должном правопорядке, как поддержание необходимого и достаточного уровня правовой определенности социального общения, своевременное разрешение социально-правовых конфликтов, подвижный баланс публичных и частных интересов, нормативное значение прав человека и гражданина в практиках деятельности государственно-правовых институтов. Определяющее значение имеет анализ методов и форм взаимодействия институтов гражданского общества и институтов законодательной, исполнительной и судебной власти, поскольку здесь устанавливается (или не осуществляется) баланс-равновесие каждой составляющей гражданского и политического общества.

В социокультурных практиках развития правовых систем операциональное значение с различными последствиями их самосохранения и воспроизводства имеют три политико-правовые технологии: радикальные сдвиги или революции, постепенная имплементация новаций и преемственность базовых оснований существования и воспроизводства. Их можно *измерять, взвешивать и оценивать только на* весах истории. Революции как способ смены систем и режимов политико-правового развития являются радикальной формой разрешения социальных и культурных противоречий. Значение революции как фактора правового развития обусловлено наличием новой или модифицированной правовой идеологии, поскольку идеологии мотивируют институциональные изменения, а преобразования и конвергенции институтов предполагают глубоко эшелонированную систему доктринальной аргументации и определений. Исторический опыт революционной смены политико-правовых систем, наряду с позитивными результатами, показывает и негативные, влекущие необратимые разрушения в практиках социально-правового общения.

Другой инструмент и институт преобразований — правовые реформы, снимающие социальные напряжения и конфликты. Однако они нуждаются в гражданском признании или легитимации нововведений. Реформационные процессы и их результаты рассматриваются как процедуры и решения, влияющие на пролонгированные траектории, динамику и структуру правового развития. Обеспечение инновационного развития как регулярного процесса разработки и внедрения новых институтов составляет актуальное направление современного политико-правового развития. Вопрос эффективности инновационных решений — это дело экономии ресурсов развития и проблема способности осваивать инновационные решения в условиях сложившихся социально-экономических и политических ограничений. В современных условиях наличие технологически и юридически продвинутых механизмов инновационного развития выступает залогом успешной конкуренции

на рынках институциональных изменений и решений. Формирование и реализация инновационной политики основывается на создании систем, которые решают проблемы не только адаптации к меняющимся практикам развития, но и внесения изменений, заключающих в себе ее будущее: новые стандарты и новые практики социально-правового развития.

Управление инновационными проектами — это предмет таких правовых образований, как институты правового консалтинга и менеджмента, институты правовых экспертиз и программ. Это технико-юридические инструменты и элементы инновационной практики и юриспруденции. Успешное развитие современных обществ в условиях глобализации предполагает формирование не только одновременно устойчивых и подвижных правовых институтов, но и новых вариативных культурных стандартов социально-правового общения и поведения. Поэтому проблема правовых новаций, это и проблема новой институциональной системы юридического образования, и проблема новой институциональной системы организации и проведения научных исследований. Современное развитие связано с переходом к экономике знаний, для которой производство инноваций и их практическое освоение становятся ключевым фактором выживания в условиях глобальной конкуренции образовательно-исследовательских институтов.

Историческая логика развития систем социально-правового общения предполагает преемственность институционального развития. Институты живут в правосознании своего времени. С культурной динамикой отношений нового и старого сознания связаны процессы отрицания и сохранения сложившихся стереотипов и стандартов социально-правового поведения. Преемственность — существенное условие самосохранения положительного опыта общения. Хотя очевидно, что положительное и отрицательное в любом явлении сосуществуют не просто одновременно и вместе, но имеют симбиотическую природу: одно сопровождает другое и не существует без другого. Преемственность является особым механизмом исторической памяти и адаптаций к меняющимся условиям существования конкретного общества.

Историческая память — это и форма, и способ репрезентации социокультуры. Ее динамическая составляющая — культура памяти, и есть механизм преемственности в границах признания нового порядка отношений. Следовательно, преемственность может рассматриваться и как институт легитимации историко-генетической связи и взаимозависимости традиций и инноваций. Тем более сами традиции когда-то имели статус новаций, а новации постепенно и неизбежно расходуют и утрачивают внутренний потенциал развития. Значение института преемственности правового развития связано с проблемой преемственности в практиках организации власти и нормативного регулирования. Это — проблема системности и взаимозависимости в практиках институционального развития.

Таким образом, проблема сохранения или утраты нормативного континуитета в практиках правового регулирования — это вопрос совмещения

непрерывности и преемственности правового развития, совмещения традиций и новаций в ситуации сдвигов в институциональных полях социально-правового общения. То есть, сохранение наличной правовой системой своего потенциала через обновление институтов, что является общей темой и проблемой современного существования. Эволюция институтов предполагает эволюцию в формах и способах осмысления правовой реальности. Поэтому понимание места и роли самой юриспруденции в практиках правового общения и развития также фундаментально, оно является безусловным предметом и темой изучения парадигмальных институциональных и концептуальных сдвигов в правовых системах взаимодополняющих друг друга на принципах субсидиарности и комплементарности, транзитивности и инклюзивности.

Инновационная юриспруденция: предмет и система

Инновационная юриспруденция и ее учебная редакция «*Традиции и новации правового развития в современном мире*» касаются как проблем понимания политики переходов в будущее, так и проблем понимания политики консервации наличных практик социально-правового общения в культурно-историческом пространстве и времени. Ее предметная и аналитическая структура отражает взаимозависимые аспекты существования правовой реальности в ее разнообразных проявлениях, наложениях и трансграничных пересечениях — в институциональных, концептуальных, социокультурных, языковых и ментальных основаниях права, что делает ее собственное развитие, как научной и учебной дисциплины, актуальной темой и проблемой юридической науки и практики в целом. Именно здесь лежат глубокие основания преобразований дисциплинарной системы юридической науки, ее методологии и междисциплинарных связей. Каждая историческая эпоха в развитии юридической науки, ее аналитического языка и методов существует в рамках определенного политико-правового, социокультурного и концептуального *Контекста*. То есть в собственной системе конвенций относительно категорий, понятий и определений или аналитического *Языка* своего исторического времени, его философских, аксиоматических и догматических положений и представлений, принципов и ценностей. Поэтому, с методологической точки зрения, важнейшими дисциплинами в изучении государственно-правовых явлений в рамках современного кластера юридических дисциплин должны быть история политических и правовых учений и ее аналитическое продолжение — история и методология юридической науки, эпистемология и аксиология права.

Собственный предмет инновационной юриспруденции и ее категориально-понятийный аппарат имеют концептуальное значение в составе содержательных и формальных связей и пересечений, заимствований и обменов с идеями и концепциями, теориями и подходами с другими социальными и политическими науками. Отсюда формирование в общей системе юридической науки

таких научных и учебных междисциплинарных комплексов, как социология права, политическая юриспруденция, антропология права, правовая лингвистика. В этом исследовательском или предметно-концептуальном поле открывается актуальная аналитическая перспектива изучения развития институтов государства и права в широком культурном контексте, пролонгированном в будущее. Во-первых, современных социальных оснований государственности или современных конститутивных правообразующих практик в динамике меняющихся социальных интересов и потребностей. Во-вторых, современных трансграничных политических оснований и влияний государственно-правового развития или динамики и условий совмещения внешних и внутренних факторов преобразований национальных правовых систем. В-третьих, меняющихся культурных оснований или правообразующих культурных практик, ценностей или представлений о новой институциональной и концептуальной реальности и сложности.

В этом плане изучение юридических явлений включает в свой предмет не только изучение социальных, политических и культурных условий и процессов правового развития институтов, но и, прежде всего, фундаментальных сдвигов в предметной и дисциплинарной структуре самой юридической науки. Постюриспруденция — новый междисциплинарный формат и статус аналитико-концептуальной модели юридической науки и система взглядов на правовое развитие современного мира или текучей неопределенности реальности в терминах Зигмунта Баумана [см. 3; 4].

Юридическое знание исторически (в своих исходных эпистемологических основаниях и в своих первоначальных формах выражения) всегда носило практико-ориентированный характер. Классическим примером может выступить формат римской юриспруденции, в основании языка которой лежали юридические обобщения наличной эмпирической практики или юридические конструкции. Наименование фактически означало квалифицированное мнение юристов о юридических ситуациях, выявленных в реальных процессах публично-правового и частно-правового общения, — своего рода юриспруденция повседневности. Уже там просматривалось деление юридического языка на язык юриспруденции как науки или языка правовых понятий и язык юриспруденции как практики или правовых конструкций. Поэтому в литературе вопроса (эпистемологии) различают *язык объекта* (реальный конструкт социального факта) и *язык науки* (понятийный конструкт социального факта), язык существования явления и язык выражения или концептуальной реконструкции явления, язык юридической практики — институтов и язык юридической науки или аналитический язык, со своей исторической лексикой, семантикой и грамматикой. Причем, учитывая разнообразие форм правовых коммуникаций в различных сферах социальной деятельности, различают язык, то есть лексику, жанровые конструкции и стили мышления и изложения текстов различной правовой природы с их особыми правилами и процедурами формальной организации юридического

материала. А именно — язык материального и процессуального, публичного и частного права, язык правовых актов — деклараций, законов и подзаконных актов, правоприменительных актов и актов интерпретации права, язык юридических концептов, правовых доктрин и аналитический язык. Особое место в системе юридической науки занимает язык формально-догматической юриспруденции, язык юриспруденции как таковой, то есть очищенной от концептуальных влияний других социальных и политических наук. Это язык формальных юридических конструкций вне культурно-исторического контекста их существования и выражения; своего рода чистое учение о праве в концептуальных и аналитических построениях Ганса Кельзена [см. 5].

Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридического текста, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не язык формальных высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это культурная грамматика насыщенных воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, право — это то, в чём и чем живет Текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства. Наибольший интерес представляет язык, возникающий на пересечении отдельных юридических и неюридических дисциплин, или язык междисциплинарных тем и предметов исследования, язык многосоставных и многоуровневых, комплексных предметов понимания и объяснения социально-правовой реальности.

В общем дисциплинарном кластере юридической науки особое место занимают когнитивная юриспруденция и эпистемология права, общий предмет которых образуют правовое мышление и формы его культурно-исторической репрезентации, то есть внутреннее и внешнее право, — концепты и институты. В этом аспекте понимания предмета и методологии, ее аналитического ядра юриспруденция включает в себя изучение правовой реальности как языковой реальности. А именно, реальности регуляторных или рамочных и конкретных или операциональных определений и понятий; юридических дискурсов или способов и форм осмысления социальных фактов как юридических фактов; юридических текстов, структурированных по составу своих исторических элементов, по их семантике и грамматике. Новое направление ее правовой рефлексии — поэтика (метафорика) и семиотика юридического мышления или мышления в определениях понятий (гносеология права), мышления в определениях ценностей (аксиология права) и мышления в определениях нормативно-должного (деонтология). Юриспруденция как таковая превратилась в собственно правовую науку тогда и только тогда, когда стала предметом собственной концептуальной и аналитической рефлексии. То есть понимания того, что есть и что не есть

юридическое знание. В этом значении юриспруденция в собственном смысле данного явления и понятия — это одновременно теория и технология, эпистемология и познавательная практика.

Генезис государственно-правовых институтов есть также генезис юридических картин мира, форм юридического мышления и юридических знаний. В общем процессе культурно-исторической эволюции права и науки права различают эпохи правовой архаики, эпохи до модерна, модерна и постмодерна. В них обнаруживают себя культурно-исторические практики сдвигов и трансформаций в системе базовых парадигм, эпистем и концептов социально-правового развития. Любые содержательные и формальные изменения связаны с переходами от органических фаз эволюции первоначальных правовых систем к политическим, от линейной логики изменений в системах иерархий, традиций и авторитетов к консенсуальным и контрактным формам взаимодействий, основанным на принципах симметричной взаимозависимости сторон, от донаучных форм юридических знаний (мифопоэтических) к научным (рационально-логическим).

Современная юридическая наука конституирует себя в трех ключевых направлениях понимания права: юридический позитивизм (правовой формализм), социологический позитивизм (правовой реализм) и философско-правовые концепции права (правовая метафизика). Им корреспондируют три формата знаниевой репрезентации права: классическая, неклассическая и постклассическая юриспруденция, со своими предметами и подходами, аналитическими языками описания и объяснения политико-правовых явлений. В рамках юридического позитивизма основной объект теории составляют законодательство, система источников права, позитивное или установленное государством право. В рамках социологического подхода основным объектом теории выступает живое реальное государство и право, обнаруживающие себя в деструктивной правоприменительной практике и судебной деятельности. В рамках метаюриспруденции основной объект теории — базовые, фундаментальные юридические ценности и образы актуальной реальности в их юридических представлениях о будущем государственно-правовых институтов. Новый подход развивает понимание теоретической юриспруденции и как интегральной научной дисциплины, основанной на системном видении государственно-правовых явлений, существующих в широком контексте социальных, политических и культурных связей, взаимодействий и зависимостей, и как комплексной научной дисциплины, включенной в сеть междисциплинарных научных обменов, заимствований и аналитических коммуникаций. Данное понимание вытекает из основной функции юридической науки в целом, то есть из представления о правовых явлениях, категориях и институтах как о сложных, многосоставных и многоуровневых исторических формах социального общения и их концептуализации.

Особое место в аналитике и методологии современной юриспруденции занимает понятие-категория «концепт» — своего рода доктринальное

ядро политических и юридических полей и практик отдельных социально-правовых систем. Концепты характеризуют правовую реальность в форме восприятия, переживания и отношения к праву. Концепты получают свое выражение и связаны с правопониманием или представлениями о природе феномена права. В этом аспекте концепты — когнитивные основания и источники права. Вне концептов и манифестирующих их текстов нет ничего. Правовая реальность существует не только в системе институтов и изучается в предметной логике их развития, но также ментально переживается и оценивается, — положительно или отрицательно. Переживание права является важнейшим моментом репрезентации права в коллективном и индивидуальном сознании и предметом научной саморефлексии. Поэтому право как явление и институт по своей сути имеет психологическое измерение. В терминах диалектического языка К. Маркса право — не что иное как опредмеченная глубинная психология. Факт исторического существования права лежит в определениях языка социокультуры определенной эпохи. Институты существуют в рамках юридикто-психологических картин мира — предметов культурно-исторической юриспруденции и психоанализа. Именно в этом смысле право — не только институциональная, но и ментальная, когнитивная и языковая реальность. Акцентирование внимания на данных аспектах существования и выражения правовой реальности и лежит в основании перехода от классического формата юриспруденции к неклассическому формату и постюриспруденции; традиции и новации исторических феноменов культурной психологии определенного времени и пространства и внутренней готовности или способности конкретной правовой системы сохранять или принимать их в институциональных и концептуальных границах сложившихся траекторий развития и воспроизводства.

Культура постмодерна vs культура модерна

Правовые системы со всеми своими элементами — живые пульсирующие культурные реальности, существование которых определяется способностью реконструировать, обновлять и менять языковые и формальные практики социального общения. Ценностно-ориентированное юридическое знание — ключевой элемент культурно-исторического процесса образования новых институциональных и концептуальных оснований и механизмов развития и воспроизводства правовых систем. В этой логике самоопределения инновационная юриспруденция — составная часть общего процесса системных изменений и освоения нововведений в практиках политико-правового развития, то есть управления сознанием и поведением в мире глобальных трансформаций или борьбы за концептуальное доминирование в наличных и будущих юридических системах власти, собственности и регулирования. Новый поворот права и науки права заключен в переходе от юриспруденции технических нововведений (патентоведение) к юриспруденции культуральных новаций. Осознание значения ценностно-доктринальных

текстов как факторов институционального развития права предполагает смещение в дисциплинарной структуре юридической науки от формально-догматической к социокультурной составляющей дискурса их общего предмета и методологии.

Сетевое будущее открыто изменениям и неопределенно в своих промежуточных и конечных результатах. Отсюда собственно и проистекает настоящая потребность, а значит, необходимость поиска и самоопределения языков юриспруденции, языков социального общения и познания правовой реальности, способных адекватно понимать и гибко реагировать на меняющиеся условия развития наличных правовых систем эпохи постмодерна в условиях перманентных деструкций. Постмодерн не обязательно позитивная фаза движения социально-правовых систем образа будущего в зеркале перемен при разрушенном настоящем. Оно проблематично, если не трагично, поскольку множество привычных форм социального общения должны исчезнуть, освобождая формальные пространства для этически и этнически подвижных культурно-биопсихологических трансформаций. Отсюда проблема критериев отнесения тех или иных состояний и событий, институтов и процедур, реформ и заимствований к современным или несовременным, открытым — гражданским, или закрытым — теневым. Это также вопрос самосохранения и адекватной или неадекватной государственно-правовой политики в системах унифицированных языков общения грядущих эпох сетевого существования. Если классическая юриспруденция — юриспруденция санкционированных фактов и формальных определений застывшей в себе реальности, а неклассическая — юриспруденция конкурирующих концептуальных представлений и образов живой реальности, то новая юриспруденция — юриспруденция технологий и моделей реальности невидимых сетей и правил, задаваемых самой сетью.

На место права субъект-субъектных отношений — права крови и права почвы, эгалитарного и сегментарного права, права политических иерархий, права индивидов и корпораций, приходит право трансграничных, глобальных и самовоспроизводящихся, непрерывно меняющих свою конфигурацию анонимных квазисубъектных отношений. Индивида классической юриспруденции сменяет другой востребованный персонаж юридической сцены — человек-функция, индивид, ставший дивидом — продуктом информационно-цифровой разработки сетевых траекторий статусов и ролей. На обломках эпохи модерна с его проблемами легитимности и свободы выбора, права собственности и прав человека и гражданина маячит Нечто — постреальность или реальность конца времени человеческого общения — общества спектакля Ги Дебора, симулякров Жана Бодрийера, деконструкций Жака Деррида, предчувствия сетевой модели социальных коммуникаций — ризомы Жюльена Делёза и Феликса Гваттари. Это — вестники неотвратимо грядущей судьбы греческой трагедии, которая всех нас поджидает, не испрашивая разрешения быть или не быть, — она уже есть. То, что существовало в воображении

маргинальной философии жизни вытеснения и замещения социальной реальности означающими без означаемых, состоялось.

Очередной поворот очередного цикла конца истории рождает свою скрытую и обезличенную юридическую реальность, и она имеет имя. Ее зовут постмодерн или возвратно-поступательное движение к регулируемому хаосу — предмету юридической палеонтологии отсутствия общего права при обилии операциональных правил. Экстраполируя возникающий на глазах мир, появление которого спрятано в наличных и невидимых практиках прихода и ухода социальных институтов, их вытеснения и замещения имитациями или субститутами, в определениях философии социальной мобильности Джона Урри — офшорами, аутсорсингами и франшизами и тому подобное — уже можно увидеть контуры будущего, которое нас подкарауливает. Темная реальность тотального цифрового неравенства, культурных перверсий, теневых юрисдикций и отсутствия человека, — право конца света. Поэтому значение инновационной юриспруденции в представленном негативном ракурсе происходящего выходит за рамки привычного образа научной дисциплины. Это одновременно — концепт и ценность, институт, технология и политика — пять фундаментальных оснований развития как такового. В этих дисциплинарных измерениях правовой реальности в контексте каждой исторической эпохи ее существования и проявлений заключена возможность увидеть и понять подлинные масштабы и последствия грядущих событий. Инновационная юриспруденция в определениях собственного предмета и методологии — юриспруденция производства и распределения культурного капитала в терминах Пьера Бурдьё [см. 6; 7].

Накопление и сохранение культурного капитала и есть главная инвестиция в действительно современное будущее и преодоления инерционного вращения вокруг сложившейся и уже изрядно обветшавшей исторической оси скачков из одной формации в другую и обратно. Выявление глубинных тенденций и культурных ориентаций развития — ключевая аналитическая функция и проектная технология инновационной юриспруденции, поскольку именно наличная культура либо открывает, либо закрывает будущее. Культура — это исторический текст, его словарь и дискурс. Все, что есть и что может быть, уже задано языком культуры своего времени, его исторической лексикой и грамматикой. Границы существования и изменения наличной реальности установлены границами существования и изменения языка понимания и объяснения возникающей реальности. Новая реальность такова, каков новый язык рассуждения о реальности. Поэтому, предмет и структура инновационной юриспруденции лежат в определениях ее культуры — языка правопорождающих концептов и их институтов. Главная проблема и тема инновационной юриспруденции — это проблема открытости или закрытости культуры традиций и новаций, проблема взаимных отношений и пересечений, выражающих их суждений и понятий, проблема транзитивности и совместимости языков повседневного бытования и аналитического воспроизводства права.

Программа курса

«Традиции и инновации правового развития в современном мире»

Постановка вопроса:

1. Предметы анализа: развитие и трансформации современных правовых систем.

2. Методы анализа: междисциплинарный и сравнительный подходы изучения правовых систем.

Тематическая структура:

Тема 1. Общее введение в проблематику и структуру курса «Инновационное развитие».

Юридические картины мира и стили правового мышления: концепты и институты.

Тема 2. Генезис социально-правовых систем.

Традиции и новации в определениях культурно-исторической юриспруденции.

Тема 3. Эволюция социальных систем. Современное состояние.

Инновации в определениях социологии права.

Тема 4. Эволюция политических систем. Современное состояние.

Инновации в определениях политической юриспруденции.

Тема 5. Эволюция концептуальных оснований правового развития:

Классическая и неклассическая юриспруденция.

Правопонимание и инновации в определениях аксиологии права.

Тема 6. Эволюция социокультурных оснований правовых систем.

Инновации в определениях антропологии права.

Тема 7. Эволюция юридической науки и правовое развитие.

Исторические типы правового мышления и форм знания.

Инновации в определениях эпистемологии права.

Тема 8. Эволюция юридических техник и правовое развитие.

Предмет прикладного юридического анализа.

Тема 9. Право и наука права в определениях эпохи постмодерна.

Базовый предмет инновационной юриспруденции — исторические формы правового развития, переходные состояния или точки бифуркации, разрывы

и сдвиги в системах юридического языка, дискурса и юридических картин мира. Базовые проблемы постюриспруденции:

возможности и способности превращения конкурирующих концептов политико-правового развития в господствующие институты;

нормативные границы включения в состав институтов одной правовой системы институтов другой правовой системы;

культурные границы освоения юридических языков одной правовой системы другой правовой системой;

переходы от пограничных концептов к доминирующим таксономиям или различиям, признаниям или отрицаниям новых позиций и функций, новых категорий и понятий, новых статусов и иерархий, сетей и зависимостей эпохи постмодерна.

Междисциплинарная историография инновационной юриспруденции

1. Фердинанд Тённис (1855–1936). *Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии* (1887), СПб., 2002.

2. Марк Блок (1886–1944). *Феодальное общество* (1939), М., 2003.

3. Фюстель де Куланж (1830–1889). *Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима*. М., 2010.

4. Эрнест Канторович (1895–1963). *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии* (1957), М., 2014.

5. Эрнест Геллнер (1925–1995). *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. М., 1995.

6. Карл Леви-Стросс (1908–2009). *Структурная антропология*. М., 2001.

7. Карл Полаanyi (1886–1964). *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (1944). СПб., 2002.

8. Мишель Фуко (1926–1984). *Археология знания* (1969). М., 2004.

9. Жан Бодрийяр (1929–2007). *Симулякры и симуляция* (1981), Тула, 2013.

10. Пьер Бурдьё (1930–2002). *О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс* (1889–1992). М., 2016.

11. Фрэнсис Фукуяма. *Государственный порядок*. М., 2016.

12. Чарльз Тейлор. *Секулярный век* (1931). М., 2016.

13. Карл Шмитт (1888–1985). *Политическая теология*. М., 2000.

14. Бенедикт Андерсон. *Воображаемые сообщества*. М., 2001.

15. Самюэл Хантингтон (1927–2008). *Столкновение цивилизаций*. М., 1996.

16. Фридрих Август фон Хайек (1899–1992). *Дорога к рабству* (1944), М., 2005.

17. Ганс Кельзен (1881–1973). *Чистое учение о праве* (1936, 1961). М., 2022.

18. Фернан Бродель (1902–1985). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3 (1979). М., 2022.
19. Йохан Хейзинга (1872–1945). Осень средневековья (1919). Исследование форм жизненного уклада и форм мышления (1988). М., 2016.
20. Арнольд Тойнби (1889–1945). Цивилизация перед судом истории. М., 2022.
21. Освальд Шпенглер (1880–1936). Закат Европы (1918–1922). Т. 1–2. М., 1993.
22. Вальтер Беньямин (1892–1940). Маски времени. СПб., 2004.
23. Умберто Эко (1932–2016). Поиски совершенного языка в европейской культуре. М., 2009.
24. Вернер Зомбарт (1863–1941). Собрание соч. в 3-х томах, СПб., 2005–2008.
25. Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955). Восстание масс (1930). М., 1991.
26. Георг Зиммель (1858–1918). Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Избранное (1909). Том 1–2. М., 1996.
27. Карл Юнг (1875–1961). Психологические типы (1921). М., 1995.
28. Эрих Ауэрбах (1892–1957). Мимесис. Изображение действительности в западно-европейской литературе (1946). М., СПб., 2016.
29. Ханна Аренд (1906–1975). Скрытая традиция. М., 2008.
30. Карл Поппер (1902–1994). Открытое общество и его враги (1945). М., 1992.
31. Карл Виттфогель (1896–1988). Восточный деспотизм (1957). Китежград. 2020.
32. Владимир Мартынов. Конец времени композиторов. М., 2021.
33. Анри Лефевр. Производство пространства. М., 2015.
34. Джеффри Сакс. Эпохи глобализации: география, технологии, институты. М., 2022.
35. Колин Крауч. Постдемократия. М., 2023.
36. Андраш Шайо, Рената Уитц. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М., 2021.
37. Эрик Хобсбаум. Разломанное время. Культура и общество в XX веке (2013). М., 2017.
38. Йохан Арнасон. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., 2021.
39. Наталья Варламова. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016. С. 30–71.
40. Гадис Гаджиев. Онтология права (Критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
41. Антон Михайлов. Актуальные вопросы правовой идеологии и методологии юриспруденции. М., 2016.

42. Николай Разуваев. Юридическое мышление в семиотическом пространстве правовой реальности // Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы. СПб., 2020.
43. Джон Урри. (2014). Офшоры. М., 2017.
44. Эрнст Юнгер. Смена гештальта. Прогноз на XXI век (1993). М., 2018.
45. Критические теории права. СПб., 2023.
46. Постклассические исследования права. СПб., 2023.
47. Рут Бенедикт. Модели культуры (1960). М., 2023.
48. Мануэль Кастельс. Власть коммуникации (2004). М., 2016.
49. Михаил Ямпольский. Модернистская форма как способ мышления без понятий и больших идей. СПб., 2020.
50. Культуральные исследования права. СПб., 2018.

Список литературы

1. Фрейденберг О.М. О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках // Одиссей. Человек в истории. Т. 7. М., 1995.
2. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества, журнал «Свободная мысль». М.: Логос, 2002.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Пер. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011.
6. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.
7. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Под ред. П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Красечкина, И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СФЕРЕ

***Аннотация.** Если понятиям государственный, национальный и народный суверенитет в научной литературе уделено достаточно большое внимание, то понятийный аппарат суверенитета в определенных сферах общественных правоотношений, в частности, при организации и проведении выборов, еще не нашел должного отражения в научных трудах. Автор считает, что вполне допустимо и обосновано вводить в оборот «отраслевые» понятия суверенитета (электоральный суверенитет, цифровой суверенитет, финансовый суверенитет, технологический суверенитет, юридический суверенитет и т.п.) как составляющие государственного суверенитета, наполняя их правовым содержанием и определяя достаточно четкие границы национальной юрисдикции во избежание перекосов и сохранения баланса интересов смежных дисциплин права и правовых приоритетов. Немаловажное значение в современных реалиях имеет и объективная необходимость обеспечения и защиты электорального суверенитета от внешнего воздействия, которая должна иметь достаточно определенные правовые рамки для дальнейшего поступательного демократического развития народов.*

***Ключевые слова:** суверенитет, государственный суверенитет, народный суверенитет, электоральный суверенитет, свободные выборы, вмешательство в выборы, противодействие вмешательству в выборы.*

ENSURING AND PROTECTING STATE SOVEREIGNTY IN THE ELECTORAL SPHERE

***Abstract.** While the concepts of state, national and popular sovereignty have received sufficient attention in scientific literature, the conceptual framework of sovereignty in certain areas of public relations, particularly in organizing and conducting elections, has not been adequately reflected in scientific works yet. The author believes that it is acceptable and justified to introduce «branch» concepts of sovereignty (electoral sovereignty, digital sovereignty, financial sovereignty, technological sovereignty, legal sovereignty, etc.) as components of state sovereignty, filling them with legal content and defining clear boundaries of national jurisdiction to avoid skewness and maintain a balance of interests between related branches of law and legal priorities. The author is convinced that the necessity to ensure and protect electoral sovereignty from external influence is important in modern realities.*

These aspects must have a defined legal framework for the further progressive democratic development of nations.

Keywords: *sovereignty, state sovereignty, popular sovereignty, electoral sovereignty, free elections, interference in elections, countering interference in elections.*

Последние десятилетия, ознаменованные перманентным вмешательством во внутривнутриполитические дела государств извне и попытками «наведения демократического порядка» без санкций ООН, в том числе и с применением летального оружия, введения экономических санкций, развязывания гибридных войн и осуществления информационного давления, все чаще и чаще в выступлениях лидеров и официальных представителей государств, в декларациях и заявлениях межгосударственных и межправительственных объединений звучит понятие «суверенитет», различаясь лишь интерпретациями, широтой форм и сфер его реализации.

Если в политико-правовом аспекте понятие «суверенитет» буквально толкуется как полная независимость государства от других стран и международных организаций во внутренних делах и во внешней политике [1, с. 476] и воспринимается как синоним самостоятельности и широкой свободы, то при его использовании в международных резолюциях, декларациях, рекомендациях, подписанных уполномоченными лицами, и в национальных актах — стратегиях и доктринах, требуется дополнительное наполнение этого термина не только юридическим содержанием, но и процедурным регулированием осуществления соответствующего задекларированного суверенного статуса.

Современная наука оперирует различными сущностями суверенитета — внутреннего, внешнего, государственного, народного, национального, правового, культурного, расового и так далее [1, с. 35]. По мнению Г.И. Мусихина, многогранность данного понятия во многом сопряжено с неоднозначностью понятий «государство», «власть», «право» и «политика» [2, с. 64] в их системной правовой взаимосвязи, что требует дальнейшего полноценного осмысления понятийного аппарата.

Процессы глобализации, попытки построения однополярного мира, размытие границ, включение стран в военные или экономические национальные объединения, попадание целых народов и государств в зависимость к финансовым корпорациям придали импульс развитию дискурса о государственном, народном и других проявлениях суверенитета.

С.А. Авакьян, в частности, считает, что основой любого разговора о независимости является категория «народный суверенитет». То есть народный суверенитет — это народовластие, принадлежность народу всей власти в обществе и государстве [3]. В современной теории конституционализма этот подход можно считать основополагающим для рассмотрения совокупной цепочки суверенитетов. В данном случае именно народный суверенитет является «родовым» понятием по отношению ко всем остальным проявлениям

независимости в актуальной парадигме организации демократической власти народа.

Народный суверенитет — один из важнейших принципов конституционного строя в России и означает верховное и неотчуждаемое право народа на самостоятельное осуществление власти, выражаемое через формируемые им в своих интересах государственные органы. С начала текущего столетия ряд авторов стали исследовать эволюцию суверенитета, обусловленную изменяющимися подходами в новых геополитических реалиях [см. например, 4; 5; 6; 7; 8]. Позиции авторов, рассматривающих эволюцию суверенитета, не исключают усиление его защиты в той или иной области государственного (как производную от народного) направления деятельности, вплоть до полной изоляции определенной сферы общественных правоотношений.

В трудах философов и мыслителей, апеллирующих к суверенитету, он рассматривается как логически необходимая черта любого государства, а нередко — как единственная практическая альтернатива анархии и (учитывая «греховную и падшую» природу человека) беспределу хаоса.

Французский мыслитель XVI века Жан Боден в своих работах «Шесть книг о государстве» и «Метод легкого познания истории» сформулировал понятия «суверенитет» и «суверенная власть» в государстве, сославшись на предшественников, открывших идею, — Аристотеля, Полибия и Дионисия. Однако истоки идеи суверенитета теряются в глубокой древности и мифах [9, с. 85]. Боден исходил из того, что государство управляется независимой и неограниченной суверенной властью, которая является его признаком. При этом он указывал на пределы суверенитета. По его убеждению над суверенной властью должны стоять законы Бога и природы и им должен подчиняться каждый правитель [10, с. 235].

Жан-Жак Руссо достаточно конкретно увязывал государственный и народный суверенитеты, реализуемые народом через выборы и референдум [11, с. 12]. По его мнению, именно народ выступал источником государственного суверенитета, что, бесспорно, позволило говорить о «приоритетности» народного суверенитета в качестве родового начала цепочки суверенитетов в их современном истолковании как правовых категорий.

Современные исследователи сходятся в позиции, что государственный суверенитет в его классическом (абсолютистском) понимании, будучи неотчуждаемым правом на высшую независимость и верховную власть, представляет собой свойство государства, являющееся не более высоким относительно других элементов политической системы, а высшим в абсолютном смысле, неделимым, стоящим над политическим обществом и отдельно от него [12].

Традиционный подход к пониманию суверенитета государства состоит в том, что наряду с верховенством в конструкцию суверенной государственной власти входит и ее независимость, которая понимается как возможность

государства самостоятельно решать свои внутренние и внешние задачи и функции. Суверенитет государства в этом случае рассматривается как специфический признак государства, выражающий верховенство государственной власти по отношению ко всем иным организациям и лицам в стране и независимость ее в сфере взаимоотношений данного государства с другими государствами.

Предпринимаемые попытки построения однополярного мира изменили понятие и восприятие государственной независимости. Де-факто в международной практике суверенитет уже не является препятствием для вмешательства во внутренние дела других стран, их конституционного и территориального преобразования под предлогом наведения «демократического порядка».

Решающее значение в юридикации суверенитета сыграло развитие международного права последних трех десятилетий и процесс глобализации, активно проводимый бывшими мировыми метрополиями, фактически ставшими натоцентристским блоком во главе с Соединенными Штатами Америки.

Международное право, подвергшееся существенной трансформации на рубеже тысячелетий под влиянием «победившего полюса», связало страны взаимными обязательствами. В результате появились не только «государства-лидеры», подчеркивающие свою исключительность в глобальных правоотношениях, но и международные организации, влияющие (а по факту — вмешивающиеся) во внутренние дела стран.

В определенный момент уровень международной интеграции стал настолько масштабным, что появились научные работы, обосновывающие необходимость отказа от принципа суверенитета в межгосударственных отношениях¹. Всё же большинство ученых обращали внимание на недопустимость «растворения» государственного суверенитета и на необходимость соблюдения демократических принципов формирования многополярного мира, опираясь, помимо прочего, на труды мыслителей эпохи Возрождения. В частности, В.А. Кварацхелия отмечал, что «глобализация является основным процессом, посредством которого с большой интенсивностью осуществляется подавление интересов суверенных государств и разрушение национальных основ функционирования экономических комплексов» [13].

Более того, современные исследователи на новом историческом витке попыток создания однополярного мира и размытия государственных границ стали активно развивать и наполнять теорию независимости. В.В. Красинский подчеркивает, что «анализ юридической доктрины и понятийно-категориального аппарата современной теории государственного суверенитета позволяет сделать вывод о том, что государственный суверенитет непосредственно выражает сущность государственной власти через ее

¹ Правовая форма государственного суверенитета // StudRef. URL: https://studref.com/305477/politologiya/pravovaya_forma_gosudarstvennogo_suvereniteta#gads_btm (дата обращения: 01.12.2023).

суверенные свойства — верховенство и независимость». Он же констатирует, что «в терминологической системе теории государственного суверенитета на протяжении длительного времени различают государственный, народный и национальный суверенитет» [14, с. 8,9].

Одновременно в научной литературе более детально стали подходить к категориям суверенитета, четко обозначая и выделяя их. По утверждению Дж.С. Тапоко, теоретико-правовые конструкции суверенитета народного и национального составили основу научных воззрений о таких видах суверенитета, как суверенитет внутренний, суверенитет вестфальский или внешний и юридический международный суверенитет [15, с. 47].

Государственный суверенитет подразумевает независимость и верховенство государственной власти. *Народный суверенитет* отражает реальное политическое и социально-экономическое положение народа, его статус как источника власти в государстве. *Национальный же суверенитет* — это определенная самостоятельность конкретной нации, проявляющаяся в полноте ее суверенных прав, в свободе выбирать необходимую степень государственно-правовых взаимоотношений с другими нациями.

Как подчеркивает Б.С. Эбзеев, «народный суверенитет не есть сама власть, это — организационно-политический и функциональный принцип осуществления публичной власти, имеющий конститутивное значение; его смысл — в юридической институализации участия народа в реализации своей воли в установленных конституцией формах». При этом он очень точно подмечает (это, безусловно, важно для последующего понимания категории «электорального суверенитета»), что верховенство и полномочия народа, его независимость от любой иной власти при реализации принципа «народного суверенитета» носят правовой характер. «Абсолютная» власть народа есть правовая власть, в действительности обусловленная фактическими условиями и реализуемая в установленных конституцией формах. Следовательно, «суверенная власть народа» не стоит над правом. Напротив, это правовая власть, ограниченная в своих пределах правом и осуществляемая в строго правовых формах. Власть народа, оформленная конституционно, становится частью правового порядка, установленного конституцией. В этом также заключается смысл воспроизводимых практическим конституционализмом естественно-правовых представлений о надпозитивном праве [16, с. 4].

Нельзя не согласиться с указанной позицией и в том, что народный суверенитет не может не иметь границ, которые установлены в конституционном порядке. Демократическое понимание народного суверенитета как происхождения всякой власти от народа и функционирования ее при посредничестве народа неразрывно связано с идеей и принципом конституционализма, который определяет конкретные институты осуществления власти, устанавливающие пределы народного суверенитета и препятствующие его трансформации в «демократическую» тиранию [17, с. 57].

Исходя из «вторичности» власти государства, лежащей в основе любого демократического государства [16, с. 4], допустимо говорить о производных власти народа, как принципов реализации его «полновластия», и в других сферах общественно-государственной жизни общества, что может происходить, а де-факто уже происходит на отраслевом, нормативном и международном уровнях.

Закрепленное в части 1 статьи 4 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция или Основной закон) положение о том, что суверенитет России распространяется на всю ее территорию, позволяет анализировать свойства именно государственного суверенитета, и то — в увязке с такими признаками государства как власть, определенная территория и население [18, с. 13–21]. Не всякий раз словосочетания, использующие термин «суверенитет», раскрывают аспект конкретно государственного суверенитета, и далеко не всегда они позволяют констатировать, что суверенитет выступает именно признаком государства.

Научная теория приходит на помощь разнообразию форм использования термина «суверенитет» и широте взглядов на природу самого государственного суверенитета [18, с. 16]. В правовом смысле суверенитет близок к понятиям «компетенция государства» и «юрисдикция государства» [19, с. 12–15]. Компетенцию упрощенно можно представить в виде единства полномочий и предмета ведения. Ю.А. Тихомиров определяет ее как «комплекс легально установленных способов осуществления публичных функций». По его мнению, она состоит из двух элементов: к собственно компетенционным элементам относятся предмет ведения, объекты воздействия и властные полномочия; к сопутствующим элементам — цели как долгосрочные нормативные ориентации. Термин «юрисдикция» применяется в большей степени к судебным органам, однако, по сути, совпадает со значением категории «компетенция» [20, с. 24].

В научной литературе широко распространены взгляды относительно юридического (формального) и фактического (реального) государственного суверенитета [см.: 14, с. 5–10; 21, с. 17–29; 22, с. 45–50;]. Г.М. Вельяминов, подчеркивая, что суверенитет есть формально юридическая независимость государственной власти от всякой иной власти, считает, что «при этом суверенитет фактически „делим“ и „отчуждаем“, он может быть (причем отнюдь прямо не спрашивая всякий раз согласия народа!) частично ограничен (например, на основании международного договора). Он может быть частично делегирован (например, государством в пользу международной организации). Наконец, он может быть и вообще утрачен. Где проходит рубеж между частичной или полной утратой суверенитета — вопрос факта, конкретных обстоятельств дела» [23, с. 119]. В этом проявляется плюрализм взглядов и позиций относительно сущности государственного суверенитета.

В реальной политике суверенитет государства уже не является препятствием для вмешательства во внутренние дела других стран и их конституционного и территориального преобразования. В 2004 году под давлением «европейской демократии» на Украине был организован не предусмотренный законом третий тур президентских выборов, а в 2015 году под присмотром и при поддержке коллективного Запада в обход национального права (права на суверенитет) совершен государственный переворот, повлекший дальнейшее негативное развитие событий в стране.

Сегодня стал расхожим термин «несостоявшиеся государства» в отношении стран, нуждающихся в международной опеке. Такой «статус» государств оправдывается тем, что в условиях глобализации национальная независимость якобы уступает место более высоким ценностям — демократии и правам человека. Конечно, суверенитет «отменяется» не всеми и не у всех. США могут пропагандировать отмену суверенитета ради высших универсальных ценностей, но не могут не считаться с ним на практике, когда затрагиваются их интересы. Для них подобная отмена — всего лишь средство реализации собственных целей (при этом неизбежность суверенитета самих США не подлежит обсуждению) [24, с. 3].

Как говорит В.В. Субочев, государственный суверенитет государственно-му суверенитету рознь, и вряд ли мы можем, создав некую единую теоретическую модель государственного суверенитета и снабдив ее четкими характеристиками, унифицированным образом применять ее ко всем государствам в качестве их сущностного признака [18, с. 13–21]. Государства сегодня уступают часть своего суверенитета действительно добровольно (исходя из меньшего зла или большей выгоды), по крайней мере случаи военного давления или тотальных санкций редки. Некоторые страны, чтобы занять места в крупных и ведущих военных и политических блоках (вроде ЕС или НАТО), жертвуют независимостью чуть ли не на второй день после того, как обрели ее ценой огромных потерь и страданий. Добровольность ограничения суверенитета объясняется значительным влиянием современных процессов, экономической выгодой или опасностью отставания в развитии. Но чем дальше идет процесс ограничения суверенитета, тем сильнее он становится необратимым. Притом страны, которые не идут на подобные ограничения собственной независимости, выглядят как бы неполноценными [12].

По мнению ряда исследователей, итогом дальнейшего развития глобализации и всеобщей интеграции может стать полная утрата реальной независимости многих государств при сохранении ее внешних атрибутов [23, с. 26]. Поэтому сегодня является вполне допустимым и обоснованным дискурс о необходимости не только сохранения, но и защиты государственного суверенитета в отдельных отраслях, сферах общественных и государственных отношений, обеспечивающих сохранность государственности и правосубъектности народа. В дальнейшем именно суверенитет в отдельно

взятых общественных правоотношениях, будь то экономика, финансы, технологии, выборы и так далее, может стать интегральным признаком самостоятельности государства, как средства объединения народа ради достижения целей своего развития.

* * *

Развивая теорию и сущность самого понятия суверенитета, ряд ученых и исследователей стали выделять его в конкретных сферах общественных правоотношений, определяя данный концепт в том числе как технологический, финансовый, цифровой, электоральный суверенитет, в своей совокупности образующие государственный суверенитет. При этом сегодня нет единого подхода и классификации понятийного аппарата этого явления, а сам вопрос о пределах и горизонтах независимости является дискуссионным.

Конечно, мы сегодня не говорим о «параде суверенитетов», который с подачи коллективного Запада был спровоцирован в молодой демократической России. Суверенитет, предполагающий, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Основного закона Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак страны как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус.

Конституция не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации, который, в силу Основного закона, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, то есть не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации².

Согласно статье 71 Конституции в ее ведении находится ряд вопросов, направленных на обеспечение суверенитета Российской Федерации по верховенству, независимости и самостоятельности государственной власти, в числе которых — регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе избирательных прав и свобод. Именно на них распространяется суверенитет государства, связанный с возможностью всей полноты регулирования указанных сфер, без участия извне (за исключением случаев делегирования таких полномочий в установленном порядке). Признание Конституцией суверенитета только за Российской Федерацией воплощено также в конституционных принципах государственной целостности и единства системы государственной власти (ч. 3 ст. 5), верховенства Конституции

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П.

и федеральных законов, которые имеют прямое действие и применяются на всей территории России, включающей в себя территории ее субъектов (ч. 2 ст. 4; ч. 1 ст. 15; ч. 1 ст. 67)³.

Неделимость государственного суверенитета обусловлена исключительными правами государства на регулирование фактически всех сфер общественных правоотношений на своей территории в целом и каждой группы в частности, что в совокупности и формирует государственный суверенитет. Границы государственного регулирования в каждой конкретной сфере различны и могут меняться в зависимости от обстоятельств как внешнего, так и внутреннего происхождения.

В случаях, оговоренных в части 3 статьи 55 Конституции (в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства), регулирование в определенных сферах (видах деятельности) может переходить исключительно в ведение государства. И в этих сферах суверенитет государства будет выражаться в верховенстве государственной власти, ее самостоятельности и независимости как от иных форм власти (например, органов местного самоуправления, политических партий, общественных объединений), так и от иностранных государств и международных организаций. В этом понимании вполне допустимо и корректно рассуждать о категориях суверенитета в отдельных сферах общественных правоотношений — цифровой, технологической, электоральной, культурной и других.

Безусловно, верховенство власти на определенной территории позволяет экстраполировать эту власть на культуру, воздушное пространство, леса, поля и так далее. Однако в этих и подобных случаях речь идет об отдельных разновидностях суверенитета, производных от суверенитета государственного. Так, цифровой суверенитет предполагает право национальных государств на независимое управление своими цифровыми ресурсами, надзор и контроль за деятельностью собственных цифровых платформ, а также возможность блокировки государством размещаемой на них информации соответствующими органами и организациями, если она не отвечает национальным интересам страны. При этом цифровое пространство должно регулироваться российским законодательством, направленным на обеспечение суверенитета государства [25, с. 206]. Кроме того, отрицание цифрового суверенитета национального государства означает отказ от государственного управления на национально-территориальном уровне и переход к глобальному цифровому управлению в мировом масштабе [26, с. 31].

В проекте стратегии развития отрасли связи до 2035 года было введено понятие технологического суверенитета, которое определяется как способность государства обеспечить управляемость сетями электросвязи и всеми пользовательскими устройствами, находящимися в пределах России.

³ Там же.

Это включает любые устройства, которые формируют электрический сигнал и служат передатчиками информации⁴.

В документы стратегического планирования понятие «технологический суверенитет» попало еще в 2013 году, «но рассматривался он с позиции третьих — развивающихся стран». 2022 год многое изменил, и теперь технический суверенитет становится направлением внутренней политики» [27]. Статья 5 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» называется «Суверенитет Российской Федерации в области культуры», делая допустимыми рассуждения о суверенитете в различных сферах общественной жизни. В статье 1 Воздушного кодекса Российской Федерации сказано, что Россия обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении своего воздушного пространства.

Симптоматичен следующий факт. На прошедшей в ноябре 2023 года совместной XXIV Международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на тему «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» девять докладчиков в названии своих выступлений использовали слово «суверенитет», обозначающий такие проявления государственной независимости, как экологическое, культурное, электоральное, цифровое, экономическое и лекарственное (во всех случаях докладывали доктора юридических наук). С данной точки зрения обоснована позиция о том, что «возникшие новые цифровые технологии — искусственный интеллект, цифровые платформы и виртуальные объекты, являются новыми цифровыми сущностями. Их регулирование и использование не всегда вписывается в отраслевые юридические конструкции» [28].

Особое место в типологическом ряду различных вариаций суверенитета принадлежит электоральному суверенитету [29, с. 35], как одной из форм выражения государственного суверенитета в избирательной сфере, обеспечивающей решения задач безопасности и устойчивого развития государства при организации и проведении электоральных процедур [30, с. 9].

Понятие «электоральный суверенитет» чаще находит свое отражение в политологии как категория, используемая политиками, дипломатами, политологами, философами, историками. Проблема электорального суверенитета Российской Федерации встала перед отечественной юридической наукой совсем недавно, причем процесс эволюции электорального суверенитета с правовой точки зрения еще продолжается и является чрезвычайно многогранным по разным причинам. Правовая основа существования электорального суверенитета заложена в Конституцию и выражена в правовой конструкции Основного закона России, устанавливающей, что носителем

⁴ В России могут утвердить понятие технологического суверенитета в отрасли связи // ИА ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18513843> (дата обращения: 01.12.2023).

суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3), выражающий свою власть через процедуры референдума и свободных выборов (ч. 3 ст. 3).

Именно полновластие народа должно соединить такие понятия, как «суверенитет» и «демократия» [3], а следовательно и «электоральный суверенитет», порожденный двумя этими понятиями и фактически являющийся их составляющей, должен определяться властью и волей народа.

Приоритет государства, через государственные органы устанавливающий конкретные электоральные процедуры, представляет собой выражение конституционных основ электорального суверенитета. Однако конституционные установления относительно электорального суверенитета не могут служить обоснованием наличия у государства всеобъемлющего и свободного правоусмотрения в части применения на своей территории свода различных электоральных процедур. В противном случае, как предостерегает И.А. Исаев, «суверенитет не желает знать внешних (для своей власти) границ. Подобно монаде Лейбница, он закрыт для внешних воздействий, но всегда готов к расширению изнутри. Поэтому суверенитет часто представляется как абсолютизм и абсолютная власть, его авторитарность выражена в односторонней направленности господствующей воли» [8, с. 18]. Поэтому все процедурные нормы, связанные с реализацией избирательных прав граждан, включая интегрированные в избирательный процесс современные цифровые технологии, должны соответствовать основополагающим демократическим принципам и стандартам организации и проведения выборов и международным обязательствам государства.

* * *

В целях дальнейшего развития государства и конституционализма перед фундаментальной наукой необходимо ставить вопросы, связанные с обеспечением в текущих непростых условиях для суверенитета государства, его сущностного наполнения и правового контента. В частности, речь идет об электоральном суверенитете, понятие и содержание которого сегодня не находит должного отражения в трудах российских конституционалистов. Об этом свидетельствует опережение практических шагов по защите государственного суверенитета в электоральных процессах над теоретическими исследованиями в этой сфере. Это можно обосновать тем, что в текущих условиях во имя сохранения демократии как основы государственности, допустимо введение в избирательное законодательство новелл для обеспечения фундаментальных избирательных прав и свобод.

Российская избирательная система, отвечая на вызовы времени и соответствуя запросам общества, четко реагирует на ожидания и потребности избирателей, совершенствуя и обновляя электоральные процедуры, которые до этого не применялись ни в одном государстве для организации и проведения выборов в таком объеме. Это, прежде всего, современные

цифровые сервисы, используемые ЦИК России для создания более удобной и благоприятной формы реализации избирательных прав⁵.

Но порой развитие национальной избирательной системы натывается на злые окрики «западных демократий»⁶. Ни в вопросах формирования органов власти, ни в процедурах представительства или делегирования властных полномочий Основной закон России не предусматривает внешнего участия в этих процессах. Более того, статья 79 Конституции устанавливает, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащих Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Основной закон прямо указывает: Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства. При этом нельзя пересекать ту грань, за которой электоральный суверенитет, будучи по своей природе и сущности сугубо правовым явлением, рискует переродиться в нечто противозаконное, противоречащее самим основам мирного и созидательного социального бытия. Гарантом соблюдения высоких демократических стандартов остается часть 4 статьи 15 Конституции, направленная на обеспечение общепризнанных принципов и норм международного права, закрепленных в целом ряде международных актов, в том числе ратифицированных Российской Федерацией⁷.

Политологическое понятие «электоральный суверенитет» сегодня постепенно обретает достаточно определенные юридические контуры и правовое содержание. По определению, данному Рекомендациями по совершенствованию законодательства в области обеспечения защиты электоральных процессов и суверенитета в государствах — членах ОДКБ (утверждено постановлением Парламентской ассамблеи ОДКБ от 5 декабря 2022 г.),

⁵ См. сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru>.

⁶ См., например: Резолюцию ПАСЕ 2519 (2023), в которой содержится призыв к государствам — членам Совета Европы в зависимости от итогов волеизъявления избирателей не признавать результаты выборов Президента России, запланированных на март 2024 года; Совместное заявление (сентябрь 2023 г.) действующего председателя ОБСЕ, министра иностранных дел Северной Македонии Буяр Османи, председателя Парламентской ассамблеи ОБСЕ Пиа Каума и директора Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ Маттео Мекаччи об осуждении проведения выборов на территории субъектов Российской Федерации.

⁷ Здесь речь идет о «Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств», ратифицированной Федеральным законом Российской Федерации от 2 июля 2003 года № 89-ФЗ.

электоральный суверенитет — это право суверенных государств самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы и иные электоральные процедуры в целях обеспечения реализации полномочия народа и свободы его выбора при верховенстве конституции государства и национального законодательства с учетом добровольно принятых международных обязательств.

В проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, одобренной постановлением Совета безопасности Республики Беларусь № 1 от 6 марта 2023 года, впервые включено понятие электорального суверенитета: «Электоральный суверенитет Республики Беларусь — неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полномочия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс». В мае 2023 года профильная комиссия Межпарламентской ассамблеи СНГ одобрила разработку нового документа — Рекомендаций по обеспечению и защите электорального суверенитета⁸.

С развитием технологий и коммуникаций формы и методы посягательства на электоральный суверенитет, как на составляющую государственного суверенитета в избирательной сфере, и вмешательства в процесс национальных выборов совершенствуются и приобретают системность, обусловленную объективными параметрами современного мироустройства, тяготеющего, исходя из принципа свободной конкуренции, к глобализации и подчинению «слабых» государств единой системе управления однополярного мира.

Как совершенно справедливо отмечал О.В. Дамаскин, в глобализирующемся мире политические институты современного государства, в том числе избирательная и партийная системы, все чаще представляют собой объект целенаправленного воздействия со стороны других государств. Воздействие, которое в политической риторике традиционно подается как забота о демократическом характере выборов и о соблюдении избирательных прав граждан, на деле может прикрывать собой реализацию задач геополитического соперничества, конкуренции за сферы влияния и экономические ресурсы [31, с. 38].

Несмотря на противоправность даже косвенного вмешательства в национальные выборы⁹ и принятие соответствующих мер превентивного реагирования, заинтересованность зарубежных акторов повлиять на политический

⁸ Организацией-разработчиком указанных рекомендаций в обоих случаях выступил Российский общественный институт избирательного права (РОИИП).

⁹ О международной практике запретов вмешательства в политические дела государства см., например: п. 1.3. «Международные стандарты противодействия иностранному вмешательству в национальные выборы и референдумы» Рекомендаций МПА СНГ по противодействию иностранному вмешательству в национальные выборы и референдумы [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1066?ysclid=lp6s2pzyg34785617 (дата обращения 01.12.2023).

результат избирательной гонки в своих интересах была и будет сохраняться в рамках демократической парадигмы периодического переизбрания властных институтов при всевозрастающей макроэкономической конкуренции в мире. Принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела государств является одним из основополагающих в современной системе международного права; он закреплен в целом ряде универсальных и региональных международных актов — в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, документе Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ и целом ряде других.

В то же время понятие «иностранный вмешательство в выборы» в российском законодательстве, как и в законодательстве других государств, юридически не определено. В научном сообществе еще не выработан единый подход к вопросу о содержании и формах иностранного вмешательства в выборы. Термины «вмешательство», «влияние», «воздействие» зачастую либо отождествляются, либо наполняются собственным содержанием в рамках интерпретации общепризнанного принципа «невмешательства во внутренние дела государства».

Посягательство на электоральный суверенитет выражается в попытках иностранного вмешательства в выборы и референдумы, которое характеризуется неправомерными действиями субъектов иностранного вмешательства, не имеющими оснований в конституциях, национальных законодательствах, международных договорах, общепризнанных принципах и нормах международного права. Подобного рода вмешательство, как правило, предполагает наличие у своего субъекта неправомерной цели: оказание воздействия или влияния на выборы, референдумы в интересах данного субъекта или иного внешнего актора.

В настоящее время выделены некоторые определения прямого и косвенного иностранного вмешательства в выборы и референдумы, субъектами которого может быть достаточно широкий круг лиц — иностранное государство, группа иностранных государств, международная организация, международная неправительственная организация, иностранный гражданин, лицо без гражданства, иностранная организация (юридическое лицо), иная организация, функционирующая за рубежом, признанная незаконной, террористической и (или) экстремистской, группа иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций (юридических лиц), иностранные средства массовой информации, физические и юридические лица, действующие в интересах указанных субъектов.

Временной комиссией Совета Федерации по вопросам защиты государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации было выявлено 10 способов вмешательства в российские выборы извне. По мнению Комиссии, в части внешнего вмешательства в отечественные выборы речь не идет о грубой фальсификации

извне избирательных бюллетеней, иной документации и так далее (хотя есть информация о хакерских атаках на цифровые ресурсы ЦИК России). Оно направлено в первую очередь на мотивацию либо демотивацию законных участников избирательного процесса противоправными методами¹⁰.

Несомненно, в современных условиях важно обеспечить защиту электорального суверенитета, четко определив ее правовые контуры. Прежде всего, необходимо выделить основные цели защиты электоральных процессов и суверенитета. Ими могут выступать:

а) обеспечение реализации общепризнанных демократических принципов организации выборов, референдумов и верховенства права;

б) обеспечение организации и проведения свободных выборов и референдумов как высшей формы непосредственного выражения власти народа — носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве, в соответствии с конституцией и национальным законодательством, международными обязательствами и международными избирательными стандартами без вмешательства извне;

в) обеспечение реализации положений конституции и международных обязательств, согласно которым воля народа, выражаемая свободно и честно в ходе периодических и подлинных выборов, является основой власти и законности любого правительства;

г) обеспечение суверенитета государства при организации и проведении выборов для формирования органов государственной власти, органов местного самоуправления (управления) или наделения полномочиями должностного лица, а также при организации и проведении референдумов для непосредственного принятия решений путем голосования исключительно в соответствии с волей народа государства.

Непосредственно защита электорального суверенитета должна осуществляться в соответствии с демократическими принципами, не умаляющими права и свободы человека, отвечающими организации современного социума и международным обязательствам государств. К этим принципам можно отнести: нацеленность на сохранение государственного суверенитета; законность; готовность к противодействию иностранному вмешательству; политическую нейтральность; сохранность избирательных прав и свобод. Можно выделить и основные методы, которые сегодня необходимо использовать для защиты электорального суверенитета:

на законодательном уровне — установление правовых ограничений на участие в выборах, референдумах иностранных субъектов и специальное регулирование правовых условий реализации избирательных прав, прав на участие в референдумах отдельными категориями граждан, имеющими

¹⁰ Специальный доклад по итогам президентских выборов в Российской Федерации (2018 г.) с точки зрения покушений на российский электоральный суверенитет // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/2uQuCAAwuWu0B8tiDeDExp5x9CtBkTDV.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

правовую связь с иностранными субъектами, четкое законодательное регулирование порядка правомерного иностранного (международного) участия в избирательном процессе, процессе референдума, включая порядок участия иностранных (международных) наблюдателей;

на правоприменительном уровне — обеспечение соблюдения установленных правовых ограничений иностранного участия в выборах, референдумах, правовых условий реализации в ходе избирательного процесса, процесса референдума прав лиц, аффилированных с иностранными акторами, а также принятие предусмотренных национальным законодательством мер в случае несоблюдения ограничений и условий, оперативное пресечение распространения информационных и агитационных материалов с нарушением закона в части их содержания, источников финансирования, субъекта распространения;

в сфере информационного противодействия — обеспечение оперативного (в установленных национальным законодательством случаях — незамедлительного или превентивного) информирования избирателей и других участников избирательного процесса, участников референдума о попытках иностранного вмешательства в выборы, референдумы, включая распространение информации, оказывающей влияние на выборы, референдумы, в том числе доведение до избирателей и других участников избирательного процесса, участников референдума сведений о субъектах распространения такой информации, источниках финансирования.

* * *

Сегодня практически все цивилизованные народы, выражаясь языком статьи 38 Статута Международного суда, ведут работу по обеспечению государственного суверенитета и противодействию иностранному вмешательству во внутренние дела государства, в том числе, в выборы. Однако правовая категория «электоральный суверенитет», наряду с понятием «вмешательства в национальные выборы», только становится предметом внимания научных исследователей.

Принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела государства, как один из основополагающих принципов международного права, распространяется на национальные выборы, признается основными международными организациями и большинством государств современного мира, что требует императивного распространения этого принципа в качестве международного демократического стандарта по организации и проведению электоральных процедур.

Государства, а также межгосударственные объединения обязаны не только организовывать электоральные процессы и осуществлять содействие в проведении демократических выборов, но и обеспечивать сдерживание и пресечение вмешательства в выборы извне, что позволит реализовать

избирательные права граждан в максимально полном объеме без какого-либо внешнего давления и влияния в интересах обеспечения государственного суверенитета во всех сферах общественных правоотношений.

Список литературы

1. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2004.
2. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1.
3. Авакьян С.А. Точка отчета – народ // *Российская газета*. 2006. 26 окт.
4. Багаев И.В. Политические аспекты правового регулирования современных международных отношений: автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2004.
5. Барциц И.Н. Конституционно-правовое пространство Российской Федерации: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2001.
6. Блинов А.С. Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовые аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2003.
7. Немчук А.А. Глобальное управление: политологический ракурс: автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 2004.
8. Проскурин С.А. Теоретико-методологические проблемы формирования внешнеполитического курса РФ в условиях меняющегося мира: автореф. дис... д-ра полит. наук. М., 1997.
9. Исаев И.А. Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти. М.: Проспект, 2017.
10. Боден Жан. Шесть книг о государстве. кн. VI. гл. VI: перевод и комментарии // *Европа: международный альманах*, 2007.
11. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права // М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
12. Ролик А.В., Макаров И.И. Проблема современной трактовки государственного и народного суверенитета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26715920> (дата обращения: 08.08.2023).
13. Кварацхелия В.А. Вопросы совместимости суверенитета и глобализации // *Человек: соотношение национального и общечеловеческого.* / Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Под ред. В.В. Парцвания. Выпуск 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004.
14. Красинский В.В. Государственный суверенитет: гносеологический аспект проблемы // *Современное право*. 2015. № 7.
15. Tapoko, G.C. 2017 Election observation and the question of statesovereignty in Africa / G.C. Tapoko // *JAЕ*. 2017. Vol. 16. № 1.
16. Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // *Избирательное законодательство и практика*. 2016. № 2.
17. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): пер. с венг. М., 2001.

18. Субочев В.В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2.
19. Каюмова А.Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 9.
20. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции // Журнал российского права. 2000. № 10.
21. Левакин И.В. Суверенитет как одна из проблем федерализма в теории и на практике // Регионология. 1994. № 2–3.
22. Морозова А.С., Карасев А.Т. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета // История государства и права. 2014. № 20.
23. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015.
24. Богданова М.В. Государство в современных международных отношениях (эволюция понятия «суверенитет»): автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2008.
25. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А. и др. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60.
26. Кочетков А.П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2022. № 2.
27. Ефремов А.А. Выступление на научно-практической конференции «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» в МГУ им. М.В. Ломоносова, 21.11.2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/11/22/1006997-yuristi-predlagayut-regulirovat-voprosi> (дата обращения: 01.12.2023).
28. Вайпан В.А. Выступление на научно-практической конференции «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» в МГУ им. М.В. Ломоносова 21.11.2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/11/22/1006997-yuristi-predlagayut-regulirovat-voprosi> (дата обращения: 01.12.2023).
29. Чимаров Н.С. Правовые основы электорального суверенитета и его отражение в документах ОБСЕ/БДИПЧ // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3(48).
30. Борисов И.Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010.
31. Дамаскин О.В. Выборы и суверенитет государства в современных условиях // Избирательное законодательство и практика. № 2. 2016.

ПРАВОВОЕ МОТИВИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового мотивирования, проводится сравнение таких понятий как «мотивирование» и «стимулирование». На примере избирательного законодательства показан основной характерный признак мотивационной нормы, отличающий ее от стимулирующей. Стимулирование предполагает обещание материального вознаграждения или предоставления иных благ. Запрет тоже имеет стимулирующий характер, поскольку его нарушение предполагает наступление негативных последствий для нарушителя. Воздействие мотивирующей нормы на личность не связано с обещанием вознаграждения, оно направлено на регулирование общественных отношений и предполагает позитивное поведение или действие лица, вызываемое моральными побуждениями, проявлением гражданской позиции, патриотическими настроениями.

Ключевые слова: мотивация, стимулирование, вознаграждение, запреты, избирательное законодательство.

LEGAL MOTIVATION AS A WAY OF INFLUENCING THE PARTICIPANTS OF THE ELECTORAL PROCESS

Abstract. The article discusses the issues of legal motivation. Such concepts as «motivation» and «stimulation» are compared. Using the example of electoral legislation, the main distinguishing feature of the motivational norm is shown, which distinguishes it from the stimulating one. Stimulation involves the promise of material remuneration or the provision of other benefits. The ban also has a stimulating character, since its violation implies the onset of negative consequences for the violator. The impact of a motivating norm on a person is not related to the promise of remuneration, it is aimed at regulating public relations and assumes positive behavior or action of a person caused by moral motives, a manifestation of a civic position, patriotic sentiments.

Keywords: motivation, incentives, remuneration, prohibitions, electoral legislation.

Мотивация в праве

Мотивация лежит в основе теории метода правового регулирования, под которым принято понимать «способ воздействия юридических норм на общественные отношения» [1]. Используются два основных метода — императивный и диспозитивный, представляющие собой способ воздействия на участника общественных отношений. Они направлены на изменение поведения личности, а в конечном счете ориентированы на создание у нее побудительных мотивов к позитивному поведению [2, с. 56–58].

В теории права мотивация в поведении субъекта общественных отношений является предметом внимания исследователей. Понятие «мотивация» часто используется в одном ряду с термином «стимулирование», хотя в их понимании можно выявить и некоторые нюансы [3, с. 16–18]. Отдельными авторами выдвигается предположение о том, что определение мотивации имеет множество подходов, которые целесообразно классифицировать на две подгруппы, исходя из их воздействия, которое может быть внутренним и внешним [4, с. 236]. Подобное деление условно, детерминировано спецификой влияния на индивида и зависит от наличия в действиях третьих лиц или самой личности мотива «побуждения» [5, с. 41].

Интересно, что феномен побуждения зачастую отождествляется с явлением потребности [6, с. 541]. Рациональным представляется уточнение, согласно которому потребность как категория включает в себя данный феномен, являющийся составным элементом более крупного феномена. Это положение обусловлено первичностью внутреннего чувства личности. А сущность мотива соотносима в том числе и с явлением побуждения, но она не ограничивается одной лишь потребностью.

Проявление сущности мотива в качестве внешнего побудителя весьма неоднозначно ввиду преобладания в категории внутренних чувств и эмоций, возникающих в сознании личности. Говоря о внешнем способе воздействия, уместно применять категорию «мотивирование», которая наиболее тесно взаимодействует с феноменом «стимулирование». Идентичность двух категорий в аспекте их применения третьими лицами заключается во внутреннем воздействии на личность посредством применения внешних способов влияния, однако их различие заключается в способах и средствах такого действия. Высказывается мнение, что мотивирование — это более узкий феномен в части внутреннего воздействия на человека. Это выражается в психологическом побуждении личности к достижению желаемого результата с учетом ее особенностей [7, с. 110], в то время как стимулирование носит более абстрактный характер в отношении индивидуального подхода к членам социума и, как следствие, несет в себе обобщенные цели, достижение которых возможно при подготовленном к изменениям обществе.

Отметим еще один аспект в различии двух терминов. Стимулирование предполагает наличие побуждающего воздействия, проявляющегося либо

в обещании материального вознаграждения, либо в возможности наступления неблагоприятных последствий при нарушении предусмотренного правовой нормой запрета. Мотивирование не связано ни с ожиданием вознаграждения, ни с возможностью ответственности. Норма права закрепляет правило поведения, права участника правоотношения и не предусматривает наступление последствий материального характера или ответственности. Мотивирующая норма ориентирует личность на выбор возможного варианта поведения исходя из нравственного посыла, формируемого обществом и государством через систему правовых установок и принципов морали.

Примером мотивирующих норм могут выступать нормы избирательного законодательства.

Мотивирующее значение норм избирательного законодательства

При формировании избирательного законодательства задача государства заключается в создании правового механизма, побуждающего граждан участвовать в выборах представительных органов власти. Федеральным законом от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) применяется широкий набор правовых средств для воздействия на личность с целью побудить ее принять участие в голосовании.

Здесь можно выделить два основных метода правового регулирования: императивный и диспозитивный. Каждый из них предполагает собственное воздействие на участников регулируемых отношений. При этом определяются цели, которые необходимо достигнуть в процессе правового регулирования. Задача применения каждого из указанных методов заключается в том, чтобы обеспечить достижение тех целей, которые ставит перед собой законодатель. В данном случае, конечная, главная цель — формирование представительных органов публичной власти, а промежуточная цель — создание механизма участия граждан в выборной кампании.

Поскольку участниками избирательного процесса является широкий круг субъектов права (граждане, объединения граждан, органы публичной власти, органы государства и их представители), то и закрепление их правомочий требует различных подходов. Причем закон не только определяет их права и обязанности, но и мотивирует их на совершение определенных действий. Эта мотивация закладывается в законодательные нормы и различается в зависимости от того, чьи права и обязанности закрепляет закон. Если правовая норма нацелена на гарантирование избирательного права граждан, то, с одной стороны, она накладывает обязанности на уполномоченные органы государства и иных участников, реализующих свое пассивное избирательное право, а с другой — эта норма определяет права гражданина,

участвующего в голосовании, не имеющего обязанности приходить на избирательный участок и отдавать свой голос за того или иного кандидата или политическую партию. Следовательно, императивный метод используется для закрепления обязанностей участников избирательного процесса, а диспозитивный в большей степени подходит для формирования гарантирующих прав лиц, необязанных принимать участие в выборах.

Так, уполномоченные организации должны в определенные сроки назначить дату голосования по выборам представительного органа или должностного лица, осуществить нарезку избирательных округов, сформировать списки избирателей и так далее. Эти обязанности стимулируют их на совершение определенных действий, причем у участников избирательного процесса мотивы принятия тех или иных решений различны. Их объединяет общая цель: проведение выборов с достижением положительного результата, которым является формирование органа публичной власти.

Уполномоченные организации так же обязаны обеспечить информирование избирателей о сроках и месте проведения голосования, ознакомить их с биографией кандидатов. Здесь помимо использования государственных и муниципальных ресурсов для агитации граждан участвовать в конкретном голосовании, востребованы и иные способы, в том числе создание долговременных площадок для разъяснения целей и задач избирательных кампаний, вовлечение молодежи в процесс формирования (в деятельность молодежных парламентов и др.) Избирательные комиссии проводят конкурсы среди учащихся, нацеленные на уяснение основ избирательного законодательства. Этой же цели служит издание пособий по избирательному праву [8]. Применяются различные средства воздействия на избирателя, притом все они (в отсутствии обязанности голосовать) направлены на формирование мотива участвовать в выборах органов публичной власти.

Другой группой участников избирательного процесса (претендующих на занятие выборной должности, получение мандата депутата представительного органа) движет другая цель. Они реализуют собственные амбициозные задачи и стремятся достичь искомого результата посредством конкурентной борьбы с такими же участниками. Здесь используется одинаковый набор правовых инструментов. Индивидуальные возможности варьируются и заключаются в привлечении к агитационной кампании различного объема финансовых ресурсов [9, с. 21–31]. Поскольку прямой подкуп избирателя запрещен законодательно и грозит отменой решения о регистрации лица как кандидата, то остается один путь — убеждение избирателя в своей способности лучше других справиться с работой в случае избрания на выборную должность.

Для этого претенденты могут прибегнуть к различным способам: выступление на предвыборных собраниях, агитация с использованием средств массовой информации, привлечения известных людей в свою команду

в качестве доверенных лиц и агитаторов. Здесь первичная цель одна — формирование у избирателя мотива голосовать определенным образом.

По этой причине, законодатель нацелен на создание таких норм, которые бы мотивировали избирателя принять участие в голосовании и сделать осознанный выбор из числа предложенных кандидатов.

Правовая мотивация избирателя

Безусловно, законодатель предпринимает меры к тому, чтобы обеспечить гражданам максимальный доступ к избирательным участкам, мотивировать их участвовать в голосовании. Показательным в этом плане является организация выборов в период пандемии Covid-19 в 2020 году, в рамках борьбы с которой было ограничено проведение массовых мероприятий и передвижение людей, установлена ответственность за нарушение введенных правил [10, с. 132–136]. Все это мотивировало активную часть населения на снижение коммуникации и бытового общения. Причем значительной частью жителей страны ограничения были восприняты с пониманием, граждане следовали им в силу убежденности, что они помогут избежать заболевания.

Проводить в таких условия выборы представительных органов власти, значит, подвергать население риску заражения. Однако в 2020 году состоялись два масштабных голосования, связанные с принятием поправок к Конституции и проведением очередного всероссийского выборного дня 13 сентября. Перед законодателем (и государственным аппаратом в целом) стояла задача обеспечить явку избирателей на участки для голосования. Необходимо было поменять мотивированность граждан, заложить в сознание уверенность в безопасности участия в выборах. В целях побуждения избирателя к участию в голосовании законодатель вынужденно ввел изменения в избирательное законодательство. Причем подобная мотивированность не могла быть обеспечена мерами принудительного характера.

В итоге законодатель пошел на ряд беспрецедентных шагов. В числе важнейших нововведений следует отметить законодательное закрепление возможности проведения многодневного голосования. Федеральным законом от 31.07.2020 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было предусмотрено введение такой нормы согласно статье 63.1 «Дни голосования на выборах, референдумах»¹. Федеральным или региональным законом о выборах допускалось голосование в течение нескольких дней подряд, но не более трех дней. Соответствующая избирательная комиссия могла принять решение о голосовании «вне помещения для голосования на территориях и в местах, пригодных

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5026.

к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах)». Все эти решения мотивировали граждан приходить на избирательные участки, удобные с точки зрения минимизации человеческого контакта и риска заражения.

Растяннутость голосования по времени вкупе с увеличением количества избирательных участков во время голосования по поправкам к Конституции повышала мотивированность принять в нем участие.

Таким образом, в 2020 году общенародное волеизъявление состоялось, но не в один только единый день голосования, а в течение трех дней — 11, 12 и 13 сентября. Основным днем голосования являлся 13 сентября, как день подведения итогов выборов. Решение об отступлении от прежних правил (голосование в один день) было не бесспорным, но имело свое мотивирующее значение, заключавшееся в том, чтобы снизить опасность заражения из-за скопления людей на избирательных участках, «вселить» в сознание избирателя уверенность в безопасности проводимого мероприятия.

Правовое мотивирование — это предоставление возможности лицу совершить действие/бездействие, исходя из личных предпочтений и сообразуясь с общественным благом, выраженным в правовой норме.

Одна из причин абсентеизма заключается в неверии электората в честные выборы. Поэтому важной задачей законодателя является формирование такого избирательного законодательства, которое бы вселяло уверенность граждан в прозрачности действий всех участников избирательных процедур, минимизировало возможности воспользоваться лазейками и пробелами правового регулирования вопросов проведения предвыборной агитации, честного подсчета результатов голосования. Гражданин, сомневающийся в честности выборов, скорее всего, откажется в них участвовать. Поэтому доверие к избирательному процессу представляет собой один из важных побудительных мотивов к участию в голосовании, а фактор справедливости выборов находит отражение в законодательном регулировании.

В избирательном праве запрещающие и ограничивающие нормы составляют значительную часть регулирующего воздействия на участников. Определенные действия должны быть совершены в рамках установленных сроков. Важно, чтобы уполномоченные организации в определенные сроки назначили дату голосования, сформировали списки избирателей, предоставили возможность избирателю ознакомиться с этими списками, обеспечили доступ к досрочному голосованию. Время проведения голосования в день выборов должно соблюдаться неукоснительно.

Жесткие требования установлены законодательством в отношении проведения агитационной кампании. Она начинается и завершается в строго определенное время. Особое внимание уделяется контенту информационных материалов, размещаемых в средствах массовой информации. Содержащиеся в них сведения должны отвечать требованиям объективности и достоверности.

Запреты в избирательном законодательстве имеют как мотивирующий, так и стимулирующий характер. Но у них разные адресаты. Мотивирующее значение запретов и ограничений в избирательном законодательстве велико, оно направлено, прежде всего, на избирателя, который должен быть уверен в соблюдении принципа равноправия участников избирательного процесса, честном голосовании, объективном подведении итогов голосования. Стимулирующий посыл запретов касается кандидатов в выборные органы, их штабов, поскольку нарушение запрета влечет неблагоприятные последствия именно для них.

Мотивирующую направленность имеет и такое положение избирательного законодательства, как запрет проводить голосование по одному кандидату. Часть 33 статьи 38 Закона об основных гарантиях гласит: «Если ко дню голосования в одномандатном (многомандатном) избирательном округе число зарегистрированных кандидатов окажется меньше установленного числа депутатских мандатов или равным ему либо, если в едином избирательном округе будет зарегистрирован только один кандидат, список кандидатов или не будет ни одного зарегистрированного кандидата, списка кандидатов, голосование в таком избирательном округе по решению соответствующей избирательной комиссии откладывается на срок не более трех месяцев для дополнительного выдвижения кандидатов».

Подобная норма добавляет уверенности в возможности выразить свое отношение к кандидатам, остановив свой выбор на одном из них. Оставление одного кандидата в бюллетене для голосования демотивирует избирателя участвовать в голосовании. Наличие альтернативы дает возможность выразить свое отношение в целом к качеству организации всей избирательной кампании, оценить работу действующего выборного лица. Показательным фактом является победа на выборах так называемых «технических кандидатов». В Костромской области при выборах главы муниципального образования (поселения) избиратели своеобразно выразили свою оценку действующему главе, избравшемуся на следующий очередной срок. Для уверенности в победе глава поселения уговорил уборщицу принять участие в выборах в качестве второго кандидата. Жители проголосовали за «технического» кандидата [11, с. 6–10]. В этом случае у избирателей был сильный мотив принять участие в голосовании и таким образом выразить свое отношение к деятельности главы поселения.

* * *

Правовое мотивирование не связано с обещанием вознаграждения, как это имеет место в случае со стимулированием. Правовое мотивирование предполагает формирование у человека нужного воззрения (мнения) заинтересованным органом или лицом, действующим в рамках процедур, установленных правовыми нормами. Такое мотивирование отчетливо проявляется в избирательном законодательстве. Избирательное законодательство можно

назвать мотивирующим в части норм, регулирующих порядок участия в агитационной кампании и направленных на побуждение голосовать за предложенных кандидатов. В части же запрещающих и ограничивающих норм избирательного законодательства можно увидеть их стимулирующее воздействие, поскольку в случае их нарушения, наступают неблагоприятные последствия для нарушителя (отмена решения о регистрации кандидата, привлечение к административной ответственности). Пограничное место в системе мотивирующего воздействия на личность оказывают нормы наградного законодательства. С одной стороны, они мотивируют личность на достижение сверхнормативных показателей [12, с. 68–72], а с другой, — государство не обещает государственную награду, то есть не стимулирует активные действия.

Предвыборная кампания — ярчайшее проявление мотивационной «агрессии» в отношении потенциального избирателя всех заинтересованных участников избирательного процесса. Сложно усмотреть в агитационной деятельности (если она ведется законно) стимулирующие элементы. Например, обещания построить школу, отремонтировать дорогу — это не стимулирование в его классическом понимании (отсутствует конкретный результат для личности в случае выполнения ею условий), а всего лишь намерения произвести действия, не подкрепленные ответственностью за их неисполнение.

Список литературы

1. Сухарев А.Я. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1997. VI, 790 с.
2. Нигметзянов А.А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4(61).
3. Нигметзянов А.А. О значении стимулирования как правового способа воздействия на поведение личности // Марийский юридический вестник. 2022. № 4(40).
4. Мелихова И.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом // Экономические науки и прикладные исследования: фундаментальные проблемы модернизации экономики России: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию экономического образования в Томском политехническом университете. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2014.
5. Хавричева Е.Л. Формирование системы мотивации и стимулирования персонала в организациях малого предпринимательства: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.
6. Ступак А.С. К вопросу о сущности понятия «мотивация труда персонала» // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 11. 2020.

7. Афонин А.Ю. Понятие и значение мотивации и мотивационного процесса // Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания. № 17. 2013.
8. Малый А.Ф. Избирательная система Российской Федерации: Учебн. пособие в схемах. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 80 с.
9. Малый А.Ф., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г. Народовластие – фундамент демократического государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3(65).
10. Малый А.Ф., Нигметзянов А.А. Модификация избирательного законодательства – веление времени // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3(69).
11. Адамова Э.Р., Нигметзянов А.А., Никитенко И.Г. О побудительных мотивах голосования на выборах // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Всероссийский государственный университет юстиции, Средне-Волжский институт. Саранск, 2021.
12. Нигметзянов А.А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2(43).

В.И. ЛЫСЕНКО

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности института президентства региона ОБСЕ. В частности, анализируются основные модели регистрации кандидатов на должность главы государства — на основе сбора подписей избирателей и внесения избирательного залога либо на основе внесения только избирательного залога. Прибегнув к сравнительной методологии, автор в качестве примеров также приводит и иные региональные модели использования избирательного залога при проведении подобных выборов.

Ключевые слова: выборы, институт президентства, президентские выборы, избирательный залог, регион ОБСЕ, модели регистрации кандидатов.

ELECTORAL PLEDGE AT PRESIDENTIAL ELECTIONS: FOREIGN EXPERIENCE

Abstract. The article discusses the features of the institution of the OSCE region's chairmanship. In particular, the main models of registration of candidates for the post of head of state are analyzed — based on collecting signatures of voters and making an electoral deposit and based on making only an electoral deposit. Using comparative methodology, the author also cites other regional models of the use of the electoral deposit in such elections.

Keywords: elections, the institution of the presidency, presidential elections, electoral deposit, OSCE region, models of candidate registration.

Из 58 стран (56 государств — участников ОБСЕ, а также два государства — партнеры ОБСЕ по сотрудничеству — Тунис и Афганистан — здесь и далее: до сентября 2021 г.) проведение всеобщих прямых выборов главы государства предусмотрено в конституциях и законодательстве 35 государств¹. В 11 государствах региона ОБСЕ законодательно закреплено проведение косвенных президентских выборов²; еще в 11 государствах институт

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

¹ Австрия, Азербайджан, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Грузия — до 2023 года, Ирландия, Исландия, Казахстан, Кипр, Киргизия, Литва, Македония, Молдавия, Монголия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, США, Таджикистан, Туркмения, Турция, Узбекистан, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, а также Афганистан — до сентября 2021 года, Тунис.

² Албания, Армения — с марта 2018 года, Венгрия, Греция, Италия, Латвия, Мальта, Сан-Марино, Швейцария, ФРГ, Эстония.

президентства отсутствует и функции главы государства выполняет монарх³; в одном государстве — Андорре — в состав коллективной главы государства входят по должности два лица — светское и религиозное.

В ряде стран региона по правовому статусу глава государства является сложносоставным конституционным субъектом, избираемым на всеобщих и прямых выборах, либо наделяемым полномочиями в ином порядке (Андорра, Босния и Герцеговина, Сан-Марино). В некоторых странах одна из особенностей института президентства заключается в одновременном конституционном закреплении должностей президента и вице-президента (либо нескольких вице-президентов). Такая модель конституционно закреплена в 6 государствах (Болгария, Кипр, США, Швейцария, Афганистан), в которых вице-президенты избираются вместе с президентом либо им назначаются (Азербайджан).

В Болгарии и на Кипре предусмотрена должность одного вице-президента, в Афганистане — двух. На Кипре эту должность занимает гражданин турецкой национальности, избираемый соответственно греческой и турецкой общинами.

В четырех государствах президент и вице-президент избираются на всеобщих и прямых выборах (Болгария, Кипр, США, Афганистан); в Азербайджане — глава государства избирается на всеобщих и прямых выборах, затем назначает первого вице-президента и вице-президента; в Швейцарии президент и вице-президент избираются на косвенных выборах [1; 8].

В 35 странах региона с всеобщими и прямыми выборами главы государства выдвижение кандидатов на президентских выборах производится в рамках различных организационно-правовых моделей и разными субъектами политической и избирательной систем, а также сочетания процедур сбора подписей избирателей, в том числе членов выборных представительных органов, в поддержку выдвижения кандидатов и/или внесения избирательного залога.

В 23 государствах региона ОБСЕ для выдвижения и регистрации кандидата на должность главы государства необходимо собрать подписи членов парламента или избирателей в поддержку выдвижения⁴, в 11 государствах — собрать подписи избирателей в поддержку выдвижения и внести избирательный залог⁵. В законодательстве большинства стран региона избирательный залог имеет фиксированный размер, в некоторых из них

³ Король, князь, герцог — Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Норвегия, Швеция, либо назначаемый монархом генерал-губернатор. — Канада.

⁴ Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Ирландия, Исландия, Северная Македония, Молдавия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, а также США — отдельные штаты.

⁵ Австрия, Болгария, Босния и Герцеговина, Литва, Казахстан, Кипр, Киргизия, Турция — до мая 2023 года, Афганистан, Тунис, а также США — отдельные штаты; Украина, а также отдельные штаты США — вносится только избирательный залог; Украина — фактически единственное государство региона ОБСЕ, в котором регистрация кандидатов на должность главы государства производится исключительно на основании внесения избирательного залога, который, к тому же, является самым высоким по стоимостному выражению (79 000 евро).

при проведении соответствующих президентских выборов он рассчитывается (определяется) исходя из среднемесячного размера заработной платы и его кратного увеличения (Литва). В Монголии кандидаты на должность президента выдвигаются только парламентскими политическими партиями без какой-либо последующей процедуры сбора подписей избирателей или внесения избирательного залога (такое право не предоставлено непарламентским политическим партиям, избирателям и лицам в порядке самовыдвижения).

В целом в 11 государствах региона ОБСЕ предусмотрена модель регистрации кандидатов на должность главы государства на основе сбора подписей избирателей и внесения избирательного залога⁶. В них размер избирательного залога варьируется от 51 евро до 2000 евро (Болгария — с учетом различных субъектов права выдвижения кандидатов), либо 2000 евро (Кипр; до 2016 года — 1710 евро), либо 4600 евро (Литва), либо 5200 американских долларов (Тунис — здесь и далее: до сентября 2019 г., если не указано иное), либо 6500 евро (Казахстан — 6500 евро; ранее — 5300 евро), либо 10 000 евро (Киргизия — с 2021 года), либо 15 434 евро (Босния и Герцеговина), либо 26 000 евро (Турция — здесь и далее — до мая 2023 г., если не указано иное)⁷, либо 90 000 евро (Украина — 2019 год) [8].

В отдельных государствах региона в последние годы размер избирательного залога был увеличен (Кипр — на 290 евро 2016 год, Босния и Герцеговина — первоначально на 25%, а в 2022 году еще на 20%, Украина — в пять раз, Киргизия — десятикратно).

Так, в Боснии и Герцеговине при проведении в 2014 году президентских выборов — трехчленного этнического (босняк, хорват, серб) состава Президиума Боснии и Герцеговины — размер избирательного залога первоначально был увеличен на 25 процентов, а в 2022 году еще на 20 процентов, что, по мнению некоторых участников президентских выборов, ограничивало возможности участия в выборах более широкого круга кандидатов. При проведении 2 октября 2022 года очередных всеобщих выборов размер избирательного залога составлял 15 434 евро (в 2014 г. — 10 204 евро, в 2018 г. — 12 125 евро).

В Республике Кипр в соответствии с законодательными поправками, принятыми в 2016 году, перед очередными президентскими выборами 28 января 2018 года, размер избирательного залога был увеличен с 1710 евро

⁶ Австрия, Болгария, Босния и Герцеговина, Казахстан, Кипр, Киргизия, Литва, Турция — до мая 2023 года; Афганистан, Тунис, США — отдельные штаты, Украина — только на основе внесения избирательного залога.

⁷ При проведении 14 мая 2023 года очередных президентских выборов в соответствии с обновленным законодательством выдвижение и регистрация кандидатов на должность президента Турции производится при условии выдвижения кандидата политической партией, получившей на последних парламентских выборах не менее 5 процентов действительных голосов избирателей, либо политической коалицией, в состав которой входят политические партии, которые суммарно получили также не менее 5 процентов действительных голосов; при этом независимые кандидаты на должность президента Турции должны собирать только подписи не менее 100 000 избирателей.

до 2000 евро, при этом одновременно был понижен порог возврата кандидату внесенного избирательного залога, а именно, — при условии получения кандидатом не менее 3 процентов действительных голосов избирателей (а не 10%, как было раньше).

В Киргизии в соответствии с изменениями, внесенными в законодательство в 2017 году, при проведении президентских выборов размер избирательного залога был увеличен в десять раз — до 1 миллиона киргизских сомов (около 12 500 евро).

В июле 2009 года на Украине (перед президентскими выборами 2010 г.) Верховная рада приняла поправку об увеличении избирательного залога для регистрации кандидатов на должность президента с 500 тысяч до 2,5 миллионов гривен (около 100 000 долларов США).

В отдельных государствах региона ОБСЕ *размер избирательного залога варьируется в зависимости от правового статуса субъектов выдвижения кандидатов на должность главы государства, то есть — дифференцирован* (Болгария, Босния и Герцеговина, Турция — до мая 2023 г.).

В Болгарии при проведении выборов президента и вице-президента политические партии и коалиции должны внести избирательный залог в размере 2500 болгарских левов (1280 евро), а общественные комитеты по выдвижению кандидатов на должность президента Болгарии — 100 болгарских левов (51 евро).

В Боснии и Герцеговине при проведении выборов Президиума политические партии и коалиции должны внести избирательный залог в размере 25 000 (ранее — 20 000) конвертируемых боснийских марок, при этом указанный размер избирательного залога сокращается *наполовину для независимых кандидатов* (до 10 000 марок).

В Турции *при проведении в 2018 году досрочных президентских выборов в соответствии с прежним законодательством* независимые кандидаты должны были собрать в поддержку своего выдвижения подписи не менее 100 000 избирателей *и внести избирательный залог в размере 139 160 турецких лир (около 26 000 евро)*.

Подход, предусматривающий внесение половинного размера избирательного залога по отношению к другим субъектам права выдвижения кандидатов, применяется в *двух* государствах региона (Болгария — 1280 евро для политических партий и 51 евро для независимых кандидатов, Босния и Герцеговина — соответственно, 15 434 и 7717 евро), при этом в *семи* государствах законодательно предусмотрен единый фиксированный размер избирательного залога независимо от субъекта права выдвижения кандидатов на должность главы государства: Кипр — 2000 евро, Австрия — 3600 евро, Казахстан — 6500 евро (ранее — 5300), Киргизия в 2021 году — 10 000 евро (2017 г. — 12 500 евро), Украина — 178 000 евро, Афганистан — 1 миллион афгани, Тунис — 5 200 долларов США, Казахстан — 50 минимальных ежемесячных размеров заработной платы (3 млн тенге или 6 500 евро).

В соответствии с законодательством *избирательный залог возвращается кандидату* в случае, если он зарегистрирован кандидатом на должность главы государства (Турция); или в случае избрания кандидата на выборную должность в состав Президиума либо на должность президента или вице-президента субъекта Федерации, либо если кандидат получил не менее одной трети голосов избирателей, поданных за избранного кандидата, либо если ЦИК страны отказала кандидату в регистрации на должность главы государства (Босния и Герцеговина); либо кандидаты на должность главы государства вышли во второй тур голосования (Украина); либо кандидат на должность главы государства получил определенный процент (от одного до 10%) действительных голосов избирателей (Кипр, Киргизия, Литва, Афганистан, Тунис); либо кандидат избран на должность главы государства или получил не менее 5 процентов действительных голосов избирателей, а также в случае смерти кандидата (Казахстан).

В Кипре для регистрации кандидатам на должность президента необходимо внести также *избирательный залог в размере 2000 евро (до 2016 г. — 1710 евро)*, который возвращается, если кандидат получил не менее 3 процентов (до 2016 г. — не менее 10%) действительных голосов избирателей.

В Киргизии при проведении в 2017 году очередных президентских выборов избирательный залог возвращался кандидатам, набравшим не менее 5 процентов избирателей, принявших участие в голосовании. При проведении 10 января 2021 года досрочных президентских выборов для регистрации в качестве кандидата на должность президента гражданин должен был собрать в поддержку выдвижения своей кандидатуры подписи, как минимум, 30 000 избирателей, создать избирательный фонд и внести избирательный залог в размере 1 миллиона киргизских сом (около 10 000 евро).

При этом в соответствии с законодательными поправками, внесенными после последних очередных президентских выборов, было закреплено положение о снижении порога возврата избирательного залога с учетом полученных кандидатом действительных голосов избирателей — с 5 процентов до 1 процента действительных голосов избирателей.

В Афганистане при проведении президентских выборов кандидаты должны собрать в поддержку своего выдвижения подписи (либо отпечатки пальцев) не менее чем 100 000 избирателей в не менее чем 20 провинциях страны (при этом не менее 2% подписей в каждой провинции), а также внести избирательный залог в национальной валюте в размере 1 миллиона. Избирательный залог возвращается кандидату в случае, если по итогам голосования он получил не менее 10 процентов голосов.

В Тунисе при проведении 23 ноября 2014 года первых всеобщих и прямых выборов президента после принятия новой Конституции законодательство предусматривало внесение избирательного залога в размере 10 000 тунисских динаров (5 200 долларов США), который подлежал возврату в случае получения кандидатом не менее 3 процентов голосов избирателей [2].

На практике при проведении последних на сегодня президентских выборов в ряде государств избирательный залог возвращался только победившему на выборах кандидату, — все другие кандидаты получали менее установленного законодательством объема действительных голосов избирателей, являющегося основанием для возврата данного залога (Киргизия — 10 кандидатов получили менее 1% голосов, Литва — 8 кандидатов, менее 7%). В некоторых странах более двух третей кандидатов получали меньше установленного законодательством объема голосов и, таким образом, лишались права на возврат залога. В Тунисе — 18 кандидатов (из 22) получили менее 3 процентов действительных голосов (при проведении 13 сентября 2019 года досрочных президентских выборов в соответствии с обновленным законодательством внесение избирательного залога в качестве одного из оснований регистрации кандидата на должность президента Туниса было отменено); в Кипре — 10 кандидатов (из 14) получили менее 3 процентов голосов избирателей.

В некоторых государствах региона ОБСЕ законодательство не предусматривает возврата кандидатам внесенного избирательного залога (Австрия, Афганистан, Болгария). В мировой электоральной практике выдвижение и регистрация кандидатов на президентских выборах на основе подписей избирателей и (или) внесения избирательного залога имеется и в ряде других государств [3].

Модель регистрации кандидатов на основе сбора подписей избирателей и внесения избирательного залога

В рамках модели *регистрации кандидатов на должность главы государства на основе сбора как подписей избирателей, так и внесения избирательного залога*, которая предусмотрена законодательством в 10 государствах (Австрия, Болгария, Босния и Герцеговина, Казахстан, Кипр, Киргизия, Литва, Турция, Афганистан, Тунис), количество подписей избирателей, которые кандидат должен собрать в поддержку своего выдвижения, а также размер избирательного залога и условия его возврата кандидату различаются.

В некоторых государствах количество подписей едино для всех субъектов права выдвижения кандидатов (Австрия, Афганистан, Кипр, Киргизия, Тунис), в других — предусмотрен так называемый пониженный (дифференцированный) объем подписей для отдельных субъектов права выдвижения кандидатов (Болгария, Босния и Герцеговина, Турция).

В рамках единого объема сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов на президентских выборах «разлет» составляет от 100 подписей избирателей до 100 000. В Кипре кандидату на должность главы государства необходимо собрать подписи не менее 101 избирателя (до 2016 г. — 9); в Австрии — не менее 6000; в Тунисе — подписи 10 членов парламента или 10 000 подписей избирателей по меньшей мере 10 избирательных округов при

наличии не менее 500 избирателей в каждом избирательном округе (это — до сентября 2019 г.; затем — подписи 30 депутатов Палаты депутатов или председателей муниципальных советов); в Литве — не менее 20 000 подписей избирателей; в Киргизии — не менее 30 000 подписей; в Афганистане — не менее 100 000 подписей избирателей не менее чем в 20 провинциях (при этом не менее 2% подписей в каждой из провинций); в Казахстане — при проведении 20 ноября 2022 года досрочных президентских выборов не менее 118 273 подписей избирателей, равно представляющих не менее двух третей областей, городов республиканского значения и столицы страны.

В рамках дифференцированного объема сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов на президентских выборах в Болгарии общественные комитеты по выдвижению кандидатов на президентских выборах должны собрать не менее 2500 подписей избирателей; в Боснии и Герцеговине — политические партии — не менее 3000, тогда как независимые кандидаты — не менее 1500; в Турции независимые кандидаты должны были собрать в поддержку своего выдвижения подписи не менее 100 000 избирателей.

В *Австрии* в соответствии с Конституцией и законодательством при проведении выборов федерального президента политические партии и группы избирателей, выдвигающие кандидатов, должны собрать в поддержку выдвижения кандидата *подписи не менее 6000 избирателей, а также внести избирательный залог в размере 3600 евро* (в частности с тем, чтобы частично покрыть стоимость изготовления избирательных бюллетеней). В соответствии с законодательством Австрии избирательный залог возврату не подлежит.

В *Болгарии* при проведении в 2016 году президентских выборов правом выдвижения кандидатов на должность президента и вице-президента обладали политические партии, политические коалиции и общественные комитеты по выдвижению кандидатов на президентских выборах (группы избирателей). В состав общественного комитета по выдвижению кандидатов должно входить не менее 21 избирателя с постоянным местом жительства на территории Болгарии. В соответствии с Избирательным кодексом и с учетом различного статуса субъектов права выдвижения кандидатов на президентских выборах кандидаты, выдвинутые общественными комитетами, должны были собрать в поддержку выдвижения кандидата подписи *не менее 2500 избирателей*, при этом избиратель мог поставить свою подпись в поддержку выдвижения только одного кандидата.

Кроме того, политические партии, политические коалиции должны были внести избирательный залог в размере 2500 болгарских левов (1280 евро), а общественные комитеты по выдвижению кандидатов на президентских выборах также внести избирательный залог, но в пониженном размере — 100 левов (51 евро). Здесь для регистрации кандидатов на президентских выборах законодательно закреплён их своеобразный неравный статус с точки зрения объема подписей избирателей в поддержку их выдвижения и размера

вносимого избирательного залога. В Болгарии избирательный залог возврату не подлежит.

В *Боснии и Герцеговине* Президиум (коллективный президент, институт тройственного президентства) является верховным полиэтническим коллегиальным исполнительным органом государственной власти в составе трех человек (по одному представителю от основных этнических групп): от Федерации Боснии и Герцеговины — босняк и хорват, от Республики Сербской — серб. В соответствии с законодательством при проведении выборов членов Президиума в Центральную избирательную комиссию страны должны быть представлены подписи избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: политическими партиями — не менее 3000 подписей избирателей; независимыми кандидатами — не менее 1500 (наполовину меньше, чем в поддержку выдвижения кандидатов партиями).

Политической партии, политической коалиции необходимо внести избирательный залог в размере 25 000 (ранее — 20 000) конвертируемых боснийских марок (около 15 500 евро). Опять же размер избирательного залога для независимых кандидатов сокращается наполовину — 12 500 боснийских марок или около 7750 евро.

Таким образом, в Боснии и Герцеговине, примерно как в Болгарии, для регистрации кандидатов на президентских выборах законодательство закрепляет их своеобразный неравный статус с точки зрения объема подписей избирателей в поддержку их выдвижения и размера вносимого избирательного залога с учетом статуса субъектов права выдвижения (выдвижения политическими партиями или в порядке самовыдвижения в качестве независимого кандидата).

В соответствии с законодательством избирательный залог возвращается в случае избрания кандидата на выборную должность в состав Президиума, либо на должность президента или вице-президента субъекта Федерации Боснии и Герцеговины, либо если кандидат получил не менее одной трети голосов избирателей, поданных за избранного кандидата, либо если ЦИК страны отказала кандидату в регистрации.

При проведении в 2014 году президентских выборов *размер избирательного залога был увеличен на 40 процентов*. По мнению некоторых участников выборов, это ограничивало возможности участия в выборах более широкого круга кандидатов. Во время очередных президентских выборов 2 октября 2022 года *сумма избирательного залога выросла еще на 20 процентов*.

В *Казахстане* кандидаты на должность президента выдвигаются политическими партиями или другими зарегистрированными общественными объединениями. В результате внесенных в 2017 году поправок была исключена ранее существовавшая возможность самовыдвижения для независимых кандидатов. Чтобы зарегистрироваться в качестве кандидата претендентам необходимо пройти проверку ЦИК Казахстана на соответствие определенным требованиям: сдать экзамен на знание казахского языка, *собрать подписи*

избирателей в поддержку своей кандидатуры, предоставить налоговые декларации и внести залог в размере 50-кратной минимальной заработной платы (около 5300 евро на день назначения президентских выборов).

При проведении 9 июня 2019 года внеочередных президентских выборов порядок выдвижения и регистрации кандидатов на должность главы государства предусматривал последовательное прохождение нескольких этапов. На первом этапе политическая партия, республиканское общественное объединение выдвигает кандидата на должность президента, *который вносит избирательный залог (взнос)*. На втором — ЦИК устанавливает соответствие выдвинутой кандидатуры требованиям Конституции и Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан». Указанное соответствие оформляется постановлением ЦИК, после этого кандидат вправе приступить к процедуре формирования своего избирательного штаба, назначению доверенных лиц и сбору подписей.

Для регистрации кандидатом на должность президента Казахстана каждый претендент должен был собрать в свою поддержку подписи не менее 1 процента зарегистрированных избирателей, представляющих в равной мере не менее двух третей (12) областей, городов республиканского значения.

После прохождения языкового теста кандидаты получали подписные листы и должны были собрать в свою поддержку не менее 118 140 подписей избирателей, в равной мере представляющих не менее двух третей областей и столицы страны, а также городов Алматы и Шымкента. Кроме того, кандидаты представляли в ЦИК Казахстана налоговую декларацию на себя и на супруга (супругу) и медицинское заключение о состоянии своего здоровья.

На третьем этапе производилась регистрация кандидата на должность президента (либо отказ в регистрации). Девять субъектов права выдвижения кандидатов (пять республиканских объединений и четыре политические партии) подали в ЦИК документы о выдвижении кандидатов на президентских выборах и внесли избирательный залог. Было зарегистрировано семь (из 9) кандидатов (один кандидат не сдал языковой тест, другой был отозван выдвигающей организацией).

При проведении 20 ноября 2022 года досрочных президентских выборов законодательство предусматривало представление кандидатами на должность главы государства в ЦИК Казахстана подписей избирателей в поддержку их выдвижения в количестве не менее 118 273 избирателей, равно представляющих не менее двух третей областей, городов республиканского значения и столицы Казахстана, а также внесение избирательного залога в ЦИК в размере 50 минимальных ежемесячных размеров заработной платы (3 млн тенге) или 6 500 евро.

Избирательный залог возвращался в случае, если кандидат был избран на должность главы государства или получил не менее 5 процентов действительных голосов избирателей, а также в случае смерти кандидата; во

всех остальных случаях в соответствии с законодательством избирательный залог поступает в доход государственного бюджета.

12 человек, кандидатуры которых были выдвинуты общественными объединениями, представили на регистрацию документы, в том числе подписи избирателей и избирательный залог. В итоге было зарегистрировано 6 кандидатов на должность президента Казахстана. В результате выборов президентом на новый пятилетний срок был избран действующий глава государства Касым-Жомарт Токаев. В соответствии с законодательством избирательный залог был возвращен кандидату, избранному на должность главы государства. Остальные 5 кандидатов набрали менее 5 процентов голосов.

В *Кипре* в соответствии с законодательством кандидаты на должность президента выдвигаются избирателями; при этом кандидаты могут быть поддержаны одной или несколькими политическими партиями. *Здесь до 2016 года кандидаты должны были собрать в поддержку своего выдвижения подписи 9 избирателей: при этом один из подписантов — это лицо, выдвинувшее кандидата, остальные восемь — избиратели.* В соответствии с законодательными поправками, принятыми в 2016 году, число подписей избирателей, которые кандидат должен был собрать в поддержку своего выдвижения, было увеличено с 9 до 101.

До 2016 года для регистрации кандидаты на должность президента Кипра должны были также внести *избирательный залог в размере 1710 евро*, который возвращался, если кандидат получал не менее 10 процентов действительных голосов избирателей. В соответствии с законодательными поправками 2016 года размер избирательного залога был увеличен до 2000 евро, при этом порог возврата кандидату внесенного избирательного залога был понижен до 3 процентов.

При проведении очередных президентских выборов 28 января 2018 года было зарегистрировано 9 кандидатов, шесть из которых получили менее 3 процентов голосов. На президентских выборах 5 февраля 2023 года было зарегистрировано 14 кандидатов, 10 из них получили менее 3 процентов голосов избирателей.

В *Киргизии* при проведении очередных президентских выборов 15 октября 2017 года кандидаты могли выдвигаться *политическими партиями или в порядке самовыдвижения.* Для регистрации каждый кандидат должен был создать избирательный фонд, *внести избирательный залог и представить в поддержку своего выдвижения подписи, по крайней мере, 30 000 избирателей.* В соответствии с законодательными изменениями 2017 года избирательный залог был увеличен *десятикратно* — до 1 миллиона киргизских сомов (около 12 500 евро), было предусмотрено, что избирательный залог возвращается кандидатам, за которых проголосовало не менее 5 процентов избирателей, принявших участие в голосовании.

На досрочных президентских выборах 10 января 2021 года кандидаты также могли принять участие в выборах на независимой основе (выдвинуть свою кандидатуру в порядке самовыдвижения) либо быть выдвинуты политическими партиями. В соответствии с законодательными поправками 2017 года было закреплено положение о *снижении порога возврата избирательного залога* до 1 процента голосов избирателей.

В *Литве* при проведении 12 мая 2019 года очередных президентских выборов кандидат должен был собрать *не менее 20 000 подписей избирателей*⁸ в поддержку своего выдвижения, а также внести избирательный залог в размере *пяти среднемесячных заработных плат* (4600 евро). Здесь избирательный залог возвращается в случае представления кандидатом итогового финансового отчета и получения не менее 7 процентов действительных голосов избирателей.

Главная избирательная комиссия Литвы рассматривала документы о регистрации 13 кандидатов, — в конечном счете было зарегистрировано 9 кандидатов. По итогам выборов 8 кандидатов получили менее 7 процентов голосов, соответственно, избирательный залог возврату не подлежал.

В *Турции* на досрочных президентских и парламентских выборах 24 июня 2018 года, проводимых в условиях чрезвычайного положения, и на очередных президентских выборах 14 мая 2023 года кандидаты на должность президента могли быть выдвинуты одной или более политическими партиями, получившими на предыдущих парламентских выборах самостоятельно или совместно (в рамках политической коалиции) не менее 5 процентов голосов избирателей. *При этом в соответствии с прежними рекомендациями БДИПЧ ОБСЕ и результатами конституционного референдума 2017 года участвовать в президентских выборах могли лица, выдвинувшие свою кандидатуру в порядке самовыдвижения (независимые кандидаты)*. Они должны были собрать подписи не менее 100 000 избирателей и *внести избирательный залог в размере 139 160 турецких лир (около 26 000 евро), который подлежал возврату в случае, если лицо было зарегистрировано кандидатом на должность президента Турции*. Было зарегистрировано шесть кандидатов, три из них выдвинули свои кандидатуры в порядке самовыдвижения.

В *Афганистане* при проведении президентских выборов кандидаты должны были собрать в поддержку выдвижения своей кандидатуры подписи (либо отпечатки пальцев) не менее чем 100 000 избирателей минимум в 20 провинциях страны, при этом по меньшей мере 2 процента подписей в каждой из провинций, а также внести при регистрации избирательный залог в национальной валюте в размере 1 миллиона. Избирательный залог

⁸ Данное количество составляет 0,8 процента от общего числа зарегистрированных избирателей, что не противоречит международным избирательным стандартам (не более 1%), хотя, по мнению некоторых участников президентских выборов, такой «размер» является обременительным для независимых кандидатов, не пользующихся поддержкой политических партий.

возвращался в случае, если по итогам голосования кандидат получил не менее 10 процентов голосов избирателей. Кандидаты на должности вице-президентов, выдвинутые вместе с кандидатом на должность президента, не представляют подписи избирателей и не вносят избирательный залог [4].

Перед проведением 5 апреля 2014 года выборов президента Афганистана и депутатов провинциальных советов выдвижение кандидатов осуществлялось с 16 сентября по 6 октября 2013 года. Первоначально 27 человек выразили желание баллотироваться на должность президента, при этом каждый из них представил две кандидатуры для избрания на должности вице-президентов Афганистана. Независимая избирательная комиссия Афганистана 22 октября 2013 года дисквалифицировала 16 претендентов и зарегистрировала 11 человек в качестве кандидатов.

В *Тунисе* при проведении первых всеобщих и прямых выборов президента 23 ноября 2014 года после принятия новой Конституции выдвижение кандидатов производилось *политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения в качестве независимых кандидатов с последующим сбором подписей членов парламента или избирателей*. Законодательство предусматривало завершение процедуры выдвижения кандидатов на должность главы государства 22 сентября.

Кандидаты должны были собрать подписи 10 членов парламента или 10 000 подписей избирателей, по меньшей мере, из 10 избирательных округов и при наличии не менее 500 избирателей в каждом избирательном округе; кроме того, законодательство предусматривало внесение избирательного залога в размере 10 000 тунисских динаров (5200 долларов США), который подлежал возврату в случае получения кандидатом 3 процентов действительных голосов избирателей.

Свои кандидатуры выдвинули 70 человек; 30 сентября кандидатами на должность президента Туниса было зарегистрировано 27 человек, в том числе 14 независимых кандидатов. Основными причинами отказа в регистрации назывались непредставление кандидатами в электронном формате сведений о сборе подписей избирателей и *невнесение избирательного залога*. В итоге 5 человек, среди которых было два независимых кандидата, сняли свои кандидатуры. В избирательные бюллетени были включены фамилии 22 человек, в том числе 10 независимых кандидатов. В соответствии с итогами голосования 17 кандидатов получили менее 3 процентов действительных голосов избирателей; их избирательный залог возврату не подлежал.

В соответствии с обновленным законодательством на досрочных президентских выборах 13 сентября 2019 года для регистрации в качестве кандидата гражданин должен был представить *только подписи* не менее 30 депутатов Палаты депутатов или председателей муниципальных советов Туниса (таким образом, *внесение избирательного залога в качестве одного из оснований для регистрации кандидата было отменено*) [5].

Модель регистрации кандидатов на должность главы государства на основе внесения избирательного залога

В двух государствах региона ОБСЕ применяется модель *регистрации кандидатов на должность главы государства на основе внесения только избирательного залога* (США — отдельные штаты, Украина). В *Соединенных Штатах Америки* выдвижение и регистрация кандидатов на должность главы государства производится в рамках модели *«выдвижение кандидатов в децентрализованном порядке, предусмотренном законодательством субъектов федерации — штатов»*.

Избирательный залог может быть предусмотрен законодательством отдельных штатов для допуска кандидата к участию в президентских праймериз, а также для его включения в избирательный бюллетень в качестве зарегистрированного кандидата. В соответствии с законодательством 10 штатов, а также решениями политических партий при проведении очередных выборов президента США 3 ноября 2020 года в ряде штатов предусматривалось внесение *политическими партиями для регистрации кандидатов* только избирательного залога (Айдахо, Западная Вирджиния, Монтана), либо внесение избирательного залога могло сочетаться со сбором подписей избирателей (Кентукки, Миссисипи), либо внесение избирательного залога — вместо сбора подписей избирателей — было отнесено на усмотрение самого кандидата (Арканзас, Колорадо, Луизиана), либо избирательный залог для участия в праймериз мог затем сопровождаться обязательным внесением избирательного залога для включения кандидата в избирательный бюллетень штата (Луизиана).

В штате Айдахо было предусмотрено внесение зарегистрированными политическими партиями, выдвинувшими кандидатов, только избирательного залога; аналогичным порядком руководствовались штаты Монтана и Западная Вирджиния, в которых избирательный залог составлял, соответственно, 1740 и 2500 долларов. В Кентукки Демократическая партия должна была собрать и представить до 10 января 2020 года включительно подписи не менее 5000 избирателей и внести избирательный залог в размере 1000 долларов. В Миссисипи такие же действия должны были осуществить политические партии, но не позднее 24 декабря 2019 года. В штате Колорадо для выдвижения на должность президента претендент должен был до 9 декабря 2019 года включительно представить не менее 5000 подписей избирателей или внести избирательный залог в размере 500 долларов.

В Луизиане при проведении партийных праймериз кандидат должен был собрать не менее 1000 подписей избирателей — членов соответствующей политической партии в соответствующих избирательных округах по выборам в конгресс США (далее — конгресс), образованных на территории

штата, или же внести избирательный залог в размере 700 долларов; здесь в соответствии с законодательством штата только политические партии, имеющие не менее 40 000 членов, получали право проводить праймериз по определению кандидатуры. При этом для включения в избирательный бюллетень по выборам президента США для голосования на территории штата претендент, *выдвинувший свою кандидатуру в качестве независимого кандидата (самовыдвиженец) или выдвинутый так называемой незарегистрированной политической партией* (по итогам голосования на последних выборах), должен был собрать не менее 5000 подписей избирателей (но не менее 500 подписей в соответствующем избирательном округе по выборам в конгресс, образованном на территории штата) или внести избирательный залог в размере 500 долларов (один из самых маленьких размеров избирательного залога в США).

Зарегистрированные политические партии для выдвижения кандидатов должны были собрать и представить не позднее 10 января 2020 года не менее 6000 подписей избирателей (при этом не более 1000 подписей избирателей в соответствующем избирательном округе на выборах в палаты конгресса) или же вместо сбора подписей избирателей внести избирательный залог в размере 750 долларов.

В штате Вермонт в соответствии с законодательством зарегистрированные политические партии должны были собрать и представить не позднее 16 декабря 2019 года подписи не менее 1000 избирателей и внести избирательный залог в размере 2000 долларов. В Миссури зарегистрированные политические партии до 15 января 2020 года включительно должны были представить подписи не менее 500 избирателей (но не менее 100 подписей в соответствующем избирательном округе по выборам в конгресс, образованном на территории штата) и внести избирательный залог в размере 2500 долларов. В Арканзасе в соответствии с решением Демократической партии при проведении в ноябре 2020 года очередных президентских выборов кандидат должен был собрать и представить не позднее 12 ноября 2019 года не менее 5000 подписей избирателей или же вместо сбора подписей избирателей внести избирательный залог в размере 2500 долларов.

Законодательством *пяти штатов* предусматривалось внесение *независимыми кандидатами*, наряду с подписями избирателей, избирательного залога в размере, варьирующемся от 200 долларов (Вайоминг) до 500 долларов (Кентукки) либо 1000 долларов (Колорадо), либо 2500 долларов (Западная Вирджиния, Миссисипи); в Луизиане кандидат по своему усмотрению представлял либо 5000 подписей избирателей, либо вносил избирательный залог в 500 долларов.

В целом 16 штатов при проведении очередных президентских выборов 2020 года законодательно предусматривали внесение политическими партиями, а также независимыми кандидатами избирательного залога в качестве

одного (или единственного) основания для регистрации кандидатом на должность президента США [6].

На *Украине* в июле 2009 года в преддверии президентских выборов 2010 года Верховная рада приняла законодательную поправку об увеличении избирательного залога для регистрации кандидатов с 500 тысяч до 2,5 миллионов гривен (около 100 000 долларов США). Данный залог вносился политической партией либо политическими партиями, входящими в состав политической коалиции (избирательного блока) и выдвинувшими кандидата на должность президента, либо кандидатом на данную должность, выдвинувшим свою кандидатуру в порядке самовыдвижения на специальный счет Центральной избирательной комиссии Украины в безналичной форме. Избирательный залог возвращался кандидатам, избранным на должность главы государства в первом туре голосования; вышедшим во второй тур выборов; и тем, кому было отказано в регистрации. Залоги других кандидатов зачислялись в доход государственного бюджета.

На внеочередных президентских выборах 25 мая 2014 года (после государственного переворота) выдвижение кандидатов на должность президента Украины производилось *политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения*.

В Итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ отмечалось: «Для регистрации каждый кандидат должен представить исчерпывающий перечень документов, вместе с документом, подтверждающим внесение денежного залога в размере 2,5 млн гривен (около 178 000 евро на момент регистрации) на специальный банковский счет ЦИК Украины. Внесенный залог возвращается только тем кандидатам, которым было отказано в регистрации, а также двум кандидатам, прошедшим во второй тур. В законе ничего не говорится о возвращении залога в случае, если выборы состоятся в один тур.

Следует рассмотреть возможность введения порогового количества голосов, необходимых для возмещения залога. Более того, следует внести поправки в закон с целью уточнения для возврата залога в том случае, если выборы пройдут в один тур.

Процесс регистрации ЦИК Украины кандидатов прошел в соответствии с законодательными требованиями и в целом был всеобъемлющим. В установленный законом срок в Комиссию поступило 46 заявлений на регистрацию в качестве кандидата на пост президента Украины, из которых было зарегистрировано 23 кандидата, — семеро из них выдвинули политические партии, а 23 заявителям было отказано в регистрации. 22 заявителя не внесли денежный залог, а в отношении заявления еще одного кандидата ЦИК Украины приняла решение о ненадлежащем оформлении документов или несоблюдении других положений закона.

Одиннадцать из 23 отклоненных заявок на регистрацию были обжалованы в Киевском апелляционном административном суде. Киевский апелляционный суд и Высший административный суд после рассмотрения во второй

инстанции оставили в силе все решения ЦИК Украины об отказе в регистрации на основании отсутствия подтверждений о внесении избирательного залога и несоответствий в представленной документации. В одном случае претендент, получивший отказ, выплатил избирательный залог, апелляция была отозвана по просьбе подавшего ее лица. Один кандидат, получивший отказ, безуспешно обжаловал в суде решение ЦИК Украины, касающееся регистрации Петра Порошенко.

Два кандидата сняли свои кандидатуры в установленный законом срок. Наличие 21 претендента, включая двух женщин, предложили избирателям широкий выбор из кандидатов, представляющих различные политические взгляды»⁹.

На очередных президентских выборах 31 марта 2019 года избирательный залог для регистрации кандидата на должность президента Украины также составлял 2,5 миллиона гривен (около 79 000 евро). Было выдвинуто 92 кандидатуры. ЦИК первоначально зарегистрировала 44 кандидата (47,82% от числа выдвинувших свои кандидатуры), в том числе 20 независимых кандидатов. Пять кандидатов сняли свои кандидатуры (в соответствии с законодательством кандидаты могли не позднее чем за 23 дня до голосования — т.е. не позднее 7 марта 2019 года — снять свои кандидатуры). В целом ЦИК Украины отказала в регистрации 48 кандидатам (фактически — 47), — в основном *в связи с невнесением избирательного залога*.

В соответствии с законодательством избирательный залог был возвращен лицам, которым было отказано в регистрации; кандидату, избранному на должность президента Украины, либо политической партии, выдвинувшей данного кандидата, а также кандидату, который вышел во второй тур голосования¹⁰. Избирательные залогов остальных кандидатов поступили в государственный бюджет [4].

Иные региональные модели использования избирательного залога при проведении выборов главы государства

В мировой практике при проведении всеобщих и прямых президентских выборов используются также различные модели и модификации президентских избирательных залогов, — в основном в государствах Африканского континента (Бенин, Бурунди, Гамбия, Гана, Гвинея, Намибия, Палау, Сингапур, Сьерра-Леоне, Уганда, Шри-Ланка) [7].

⁹ Украина: Внеочередные выборы Президента 25 Мая 2014 г.: Итоговый отчет по наблюдению за выборами Миссии ОБСЕ/БДИПЧ. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/544f6aac4.html> (дата обращения: 20.10.2023).

¹⁰ БДИПЧ ОБСЕ неоднократно рекомендовало украинскому законодателю понизить размер избирательного залога, который является чрезвычайно высоким и имеет, по сути, ограничительный характер, а также ввести такое единое основание возврата избирательного залога как получение кандидатом на должность президента Украины при голосовании избирателей установленного законодательством минимального количества (в процентном отношении) действительных голосов избирателей.

В государствах Американского континента¹¹, Азиатско-Тихоокеанского региона (за исключением, Палау, Сингапура и Шри-Ланка)¹², Ближнего Востока¹³ законодательство, как правило, не предусматривает внесение кандидатами на должность главы государства избирательного залога как условие их регистрации для участия в президентских выборах. При этом законодательством некоторых стран размер избирательного залога, вносимого кандидатами на должность главы государства, увеличен (Бенин); в ряде случаев такое увеличение достигало 100-кратного размера (Гамбия, Замбия).

В отдельных странах законодательство предусматривает внесение кандидатами на должность главы государства различающихся по своим размерам избирательных залогов с учетом статуса субъекта выдвижения кандидатов. Так, в *Намибии* в соответствии с законодательством о выборах кандидат, выдвинутый политической партией, должен внести избирательный залог в национальной валюте в размере 2000 намибийских долларов; независимый кандидат — в размере 10 000 намибийских долларов, *то есть в пять раз больше, чем партийный кандидат*. В некоторых других странах законом предусмотрены условия (основания) и порядок возврата внесенного избирательного залога после проведения президентских выборов (Бенин, Бурунди, Гамбия).

В *Бенине* в соответствии с законодательными поправками, принятыми в 2018 году, размер избирательного залога был повышен до 250 миллионов западноафриканских франков (около 441 000 долларов США), — ранее этот залог составлял 15 миллионов западноафриканских франков. Нужно принять во внимание, что в данной стране — свыше 200 политических партий, и повышение размера избирательного залога для регистрации кандидатов

¹¹ На Американском континенте институт президентства предусмотрен в конституциях 24 государств — участников Организации американских государств, а также на Кубе. В 11 государствах (Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Барбадос, Белиз, Гренада, Канада, Куба, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Ямайка) институт президентства отсутствует, его функции выполняет генерал-губернатор как представитель британского монарха, в рамках парламентской (конституционной) монархии вестминстерского типа.

¹² В Азиатско-Тихоокеанском регионе институт президентства (главы государства) предусмотрен в конституциях 23 государств (Бангладеш, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Индия, Индонезия, Кирибати, Республика Корея, Лаос, Мальдивы, Маршалловы Острова, Микронезия, Монголия, Мьянма, Науру, Непал, Пакистан, Палау, Самоа, Сингапур, Фиджи, Филиппины, Шри-Ланка), в 16 государствах (Австралия, Бруней, Бутан, Камбоджа, Китай, КНДР, Малайзия, Ниуэ, Новая Зеландия, Папуа — Новая Гвинея, Острова Кука, Соломоновы Острова, Таиланд, Тонга, Тувалу, Япония) институт президентства отсутствует, но его функции выполняет монарх — император, король, султан, вождь, верховный глава государства (Бруней, Бутан, Камбоджа, Малайзия, Таиланд, Тонга, Япония), либо, как выше было указано, генерал-губернатор как представитель британского монарха в рамках конституционной парламентской монархии вестминстерского типа (Австралия, Новая Зеландия, Острова Кука, Ниуэ, Папуа — Новая Гвинея, Соломоновы Острова, Тувалу), либо коллегиальный орган государственной власти, действующий в период между сессиями высшего законодательного (представительного) органа государственной власти (Китай, КНДР).

¹³ В Ближневосточном регионе институт президентства и президента как главы государства или высшего должностного лица (в ряде случаев наделенного конституционными и политико-правовыми характеристиками лидера нации, символа единства отечества, символа национального единства либо являющегося одновременно и главой исполнительной власти) предусмотрен в конституциях восьми государств (Ирак, Иран, Йемен, Сирия; в Ливане, Объединенных Арабских Эмиратах, Израиле — применяются косвенные выборы, в Палестине — косвенные выборы).

на должность главы государства рассматривалось в том числе и в качестве одного из условий упорядочения участия партий в политической и электоральной жизни государства, сокращения их чрезмерного числа. Здесь избирательный залог возвращается в случае, если кандидат в первом туре голосования добился получения не менее 10 процентов голосов.

В *Бурунди* кандидатом на должность президента должен быть внесен избирательный залог в национальной валюте в размере 15 миллионов бурундийских франков, который возвращается кандидату в случае получения им в первом туре голосования не менее 5 процентов действительных голосов. На очередных президентских выборах 20 мая 2020 года здесь было зарегистрировано семь кандидатов на должность главы государства. Президент Бурунди был избран в первом туре голосования, получив 71,45 процента действительных голосов избирателей; второй кандидат получил 25,15 процента голосов, *остальные пять кандидатов* получили от 0,21 процента до 1,7 процента голосов и утратили право на возврат избирательного залога.

В *Гамбии* в соответствии с законодательными поправками, принятыми 7 июля 2015 года, размер избирательного залога был увеличен в 100 раз. При проведении президентских выборов кандидаты на должность президента для своей регистрации должны были внести залог наличными денежными средствами и в размере, эквивалентном не 100 долларам США (как было ранее), а 10 000 долларов США (первоначально размер избирательного залога предполагалось увеличить в 10 000 раз и он должен был составлять 1 миллион даласи (около 25 000 долларов США)).

В этой стране избирательный залог возвращается кандидату в случае, если он не был зарегистрирован, либо до дня голосования снял свою кандидатуру, либо голосование проводилось по кандидатуре только одного зарегистрированного кандидата, либо кандидат получил не менее 40 процентов действительных голосов избирателей (первоначально предполагалось, что избирательный залог должен быть безвозвратным).

В *Гане* при проведении президентских выборов кандидатом на должность президента должен быть внесен избирательный залог в национальной валюте в размере 5000 ганских седи.

В *Гвинее* кандидат в президенты вносит избирательный залог в национальной валюте в размере 400 000 гвинейских франков.

В *Замбии* при проведении всеобщих и прямых выборов главы государства законодательство предусматривает внесение кандидатом избирательного залога как условие его регистрации. Здесь размер залога при проведении президентских, парламентских выборов и выборов мэров определяется Избирательной комиссией страны. При подготовке к проведению очередных президентских выборов 11 августа 2016 года Избирательная комиссия Замбии более чем в 100 раз увеличила размер избирательного залога для кандидата на должность президента. Размер залога в национальной валюте составил 75 000 замбийских квача (ранее — около 7500 замбийских квача). В конечном

счете, из 46 зарегистрированных политических партий только пять смогли внести избирательный залог для регистрации выдвинутых ими кандидатов.

В *Намибии* к всеобщим и прямым выборам президентских выборов 28 ноября 2014 года законодательство, наряду с представлением документов о выдвижении кандидата на должность президента, предусматривало внесение им избирательного залога как условие его регистрации. Кандидат, выдвинутый политической партией, должен был внести залог в национальной валюте в размере 2000 намибийских долларов; независимый кандидат — в размере 10 000 намибийских долларов, — *в 5 раз больше, чем партийный кандидат*. По итогам выборов две политические партии (из 9), выдвинувшие кандидатов на должность президента, потеряли внесенный ими избирательный залог, так как в данной стране избирательный залог вносится в соответствующий государственный бюджетный фонд (государственный бюджет) и возвращается в случае, если кандидат получил не менее 10 процентов действительных голосов избирателей; в противном случае залог поступает в доход государства.

В *Палау* при проведении всеобщих и прямых выборов президента законодательство предусматривает внесение кандидатом избирательного залога как условие его регистрации. Для регистрации кандидатом на должность президента необходимо внесение избирательного залога в национальной валюте в размере, эквивалентном 100 долларам США.

В *Сингапуре* при проведении президентских выборов в соответствии со статьей 45 Конституции лицо, выдвинутое в качестве кандидата или представителя кандидата на президентских выборах, должно внести в надлежащий срок и определенным образом избирательный залог, требуемый в соответствии с законодательством для участия в указанных выборах. При этом размер данного залога на выборах президента по сравнению с парламентским избирательным залогом увеличен *в три раза*. В частности, при проведении президентских выборов в 2011 году этот залог составлял 48 000 сингапурских долларов (16 000 — при проведении парламентских выборов), в 2017 году — 43 500 сингапурских долларов (14 500 — при проведении парламентских выборов).

В соответствии с законодательством страны избирательный залог возвращается, если кандидат на должность главы государства получил не менее одной восьмой (12,5%) действительных голосов избирателей.

10 мая 2018 года при подготовке к проведению очередных парламентских выборов был внесен законопроект, в соответствии с которым предполагалось понижение размера избирательного залога (в связи с введением фиксированного размера месячной заработной платы парламентария в размере 13 750 сингапурских долларов). При этом становилось возможным внесение избирательного залога, наряду с другими безналичными формами расчетов (в частности, банковскими чеками), в электронном виде с использованием банковских терминалов или сервисов (в связи с предложением об отмене

прежнего законодательного положения о внесении избирательного залога наличными средствами). На этой основе размер парламентского избирательного залога предлагалось понизить с 14 500 до 13 500 сингапурских долларов. Из-за этого менялся и размер избирательного залога при проведении выборов президента, который связан с парламентским избирательным залогом.

В *Сьерра-Леоне* в соответствии с законодательством при проведении президентских выборов кандидатом на должность президента должен быть внесен избирательный залог в национальной валюте в размере 1 миллиона левонес (100 долларов США).

В *Уганде* в соответствии со статьей 10 закона о выборах президента от 12 декабря 2000 года кандидат на должность главы государства вносит избирательный залог в Независимую избирательную комиссию, которая принимает соответствующее решение о приеме избирательного залога как основания для регистрации кандидата на должность президента.

В *Шри-Ланке* кандидаты в президенты выдвигаются политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения в качестве независимых кандидатов. На очередных президентских выборах 16 ноября 2019 года, на проведение которых из государственного бюджета было выделено (с учетом числа зарегистрированных кандидатов) свыше 4,5 миллиардов шри-ланкийских рупий, была предусмотрена возможность внесения лицом, являющимся представителем политической партии, избирательного залога от имени выдвинутого политической партией кандидата на должность главы государства. Независимые кандидаты вносили избирательный залог самостоятельно и лично. Залог, как основание для регистрации кандидатов на должность президента, вносился в наличной форме в Независимую избирательную комиссию Шри-Ланки кандидатами или их уполномоченными представителями в период с 19 сентября до 12:00 по местному времени 6 октября 2019 года.

Было выдвинуто 41 кандидат на должность главы государства (действующий Президент страны в выборах участия не принимал): кандидаты представляли 19 основных парламентских политических партий и три малые партии; 19 кандидатов выступили как самовыдвиженцы, то есть выдвинули себя в качестве независимых кандидатов.

Избирательный залог внес 41 кандидат. Регистрация Независимой избирательной комиссией Шри-Ланки выдвижения кандидатов на должность президента состоялась 7 октября с 9:00 до 11:00 по местному времени, подача жалоб по вопросам выдвижения и внесения избирательного залога — с 11:00 до 12:00. В конечном счете, было зарегистрировано 23 кандидата на должность президента (наивысший показатель в политической и электоральной истории Шри-Ланки).

* * *

Есть страны, где институт избирательного залога используется не только при проведении всеобщих и прямых президентских выборов, но и при проведении *косвенных выборов* главы государства (Индия, Сомали).

В Индии при проведении косвенных президентских выборов обязательным требованием для кандидатов на должность президента или вице-президента является внесение избирательного залога в размере 2500 рупий. Сумма избирательного залога остается неизменной, даже если кандидат был выдвинут в нескольких избирательных округах. Залог уплачивается либо наличными средствами уполномоченному по выборам одновременно с подачей заявления о выдвижении в качестве кандидата, либо перечисляется на его счет в Резервном банке или Казначействе правительства Индии. Квитанция о перечислении избирательного залога прикладывается к заявлению и документам, которые должны быть представлены соответствующему должностному лицу. При проведении 17 июля 2017 года косвенных президентских выборов кандидаты должны были внести избирательный залог только в наличной форме.

Избирательный залог возвращается кандидатам или их законным представителям, если первые не были включены в список кандидатов, участвующих в косвенных выборах, а в случае смерти кандидата — до начала голосования. Данный залог может быть возвращен и в той ситуации, когда кандидат не был избран или по итогам косвенных выборов не набрал одной шестой части от необходимого количества голосов выборщиков. В остальных же случаях избирательный залог не возвращается.

В Сомали при проведении *косвенных президентских выборов* 8 февраля 2017 года депутатами парламента страны было зарегистрировано 22 кандидата, в том числе действующий Президент Хасан Шейх Махмуд, баллотировавшийся на второй срок. Для регистрации в качестве кандидата на должность президента лицо должно было внести избирательный залог в размере 30 000 долларов США.

* * *

В некоторых странах избирательный залог законодательством прямо не предусмотрен, при этом внесение денежного взноса выступает одним из условий участия лица *в процедуре праймериз (выдвижение кандидатов) политической партией* [8].

Так, в Нигерии политическая партия «Все прогрессивный конгресс» для участия в президентских выборах в 2015 году собрала в форме добровольных пожертвований около 27,5 млн нигерийских найр для проведения внутрипартийного праймериз по выдвижению кандидата на президентских выборах и последующей его регистрации в качестве кандидата на должность президента. Накануне очередных президентских выборов а феврале 2020 года эта партия, возглавляемая действующим Президентом Мохаммаду Бухари¹⁴, вновь обратилась к избирателям с просьбой о внесении добровольных пожертвований, — уже в общей сумме около 45 миллионов нигерийских найр

¹⁴ При проведении в 2015 году президентских выборов Мохаммаду Бухари для участия в процедуре праймериз взял банковский кредит.

(примерно 125 000 долларов США), — для проведения внутрипартийного праймериз по выдвижению кандидата на новых президентских выборах и последующей его регистрации в качестве кандидата на должность президента.

При проведении в феврале 2020 года одновременно с президентскими выборами очередных выборов губернаторов провинций независимые кандидаты для выдвижения и последующей регистрации своей кандидатуры должны были собрать добровольных пожертвований в национальной валюте в размере 22,5 млн нигерийских найр (в 2015 году размер оплаты процедуры праймериз составлял около 10 млн нигерийских найр).

Народно-демократическая партия Нигерии — оппозиционная парламентская политическая партия в преддверии проведения указанных выборов понизила стоимость проведения внутрипартийного праймериз до 12 млн нигерийских найр (2015 год), а при проведении губернаторских выборов — с 11 млн до 6 млн нигерийских найр. Кроме того, если правящая политическая партия «Всепогрессивный конгресс» сократила наполовину стоимость проведения внутрипартийного праймериз для женщин и лиц с ограниченными физическими возможностями, то Народно-демократическая партия Нигерии полностью освободила одних только женщин от внесения депозита для участия во внутрипартийных праймериз.

Список литературы

1. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: избирательные системы / под общ. ред. И.Б. Борисова. СПб.: ИВЭСЭП, 2015. 200 с.
2. Нечкин А.В. Глава государства в странах Содружества Независимых Государств: моногр. / Москва. Норма, 2023. 288 с.
3. Осавелюк А.М. Конституционное право зарубежных государств. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 575 с.
4. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Азиатско-Тихоокеанский регион / В.И. Лысенко. Под общей ред. В.Е. Чурова. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Вып. 3. М., 2013. 1424 с.
5. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Европейско-Азиатский регион / В.И. Лысенко. Под общей ред. В.Е. Чурова. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Вып. 4. М., 2015. 1344 с.
6. Международные избирательные стандарты: Сборник документов и материалов: Выпуск пятый // Отв. ред.: кандидат юридических наук И.Б. Борисов и доктор юридических наук В.И. Лысенко. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017. 1440 с.
7. Современные избирательные системы. Вып. 8: Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея / А.Г. Орлов, М.А. Мещерякова, С.Я. Павлов, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2013. 488 с.
8. Современные избирательные системы. Вып. 17: Португалия, Турция, Эстония / В.А. Автономов, В.А. Оленченко, А.И. Сбитнева; науч. ред. В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2022. 400 с.

А.А. ЕРЫГИН

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены формы и направления взаимодействия общественных палат субъектов Российской Федерации с региональными законодательными и исполнительными органами государственной власти, а также избирательными комиссиями. Взаимодействие — важное условие эффективной деятельности сторон и осуществляется на основе федерального и регионального законодательства, заключаемых между сторонами соглашений. Предложены меры по совершенствованию организационного механизма взаимодействия общественных палат с органами государственной власти субъектов Федерации.*

***Ключевые слова:** общественная палата, орган государственной власти, избирательная комиссия, субъект Российской Федерации, взаимодействие, соглашение.*

ON THE INTERACTION OF CIVIC CHAMBERS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH REGIONAL AUTHORITIES

***Abstract.** The article discusses the forms and directions of interaction of the civic chambers of the constituent entities of the Russian Federation with regional legislative and executive bodies of state power, as well as election commissions. Interaction is an important condition for the effective operation of the parties and is carried out based on federal and regional legislation, agreements concluded between the parties. Measures to improve the organizational mechanism of interaction between civic chambers and public authorities of the constituent entities of the Russian Federation are proposed.*

***Keywords:** civic chamber, state authority, election commission, subject of the Russian Federation, interaction, agreement.*

Формирование демократического правового государства в Российской Федерации невозможно представить без развития гражданского общества, предполагающего самоорганизацию населения. Современный период развития российского государства характеризуется повышением «социальной активности

ЕРЫГИН Алексей Алексеевич — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат политических наук, доцент Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород

гражданского общества, его желанием участвовать в решении вопросов, традиционно относящихся к ведению органов публичной власти» [1, с. 13]. Эффективное функционирование единой системы органов государственной власти и органов местного самоуправления предполагает их «взаимодействие еще с одной разновидностью публичной власти — властью общественной, элементом которой можно считать общественные палаты» [2, с. 12].

Общественные палаты в современной России функционируют на трех уровнях публичной власти: федеральном, региональном и муниципальном. Специальным правовым регулятором формирования и деятельности региональных общественных палат является Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»¹ (далее — Федеральный закон № 183-ФЗ). Являясь одним из институтов гражданского общества, общественные палаты, в соответствии со статьей 2 данного закона призваны «обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти субъекта Российской Федерации для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, защиты прав и свобод граждан, развития демократических институтов».

С учетом того, что общественные палаты не наделены императивными полномочиями, реализация их цели возможна преимущественно в процессе взаимодействия с заинтересованными органами государственной власти. Названный закон напрямую не закрепляет принцип взаимодействия общественных палат с органами публичной власти, однако ряд норм указанного закона предполагает это. Так, в статье 13 закреплена обязанность органов государственной власти и их должностных лиц оказывать содействие членам общественных палат в исполнении ими полномочий.

Правовую основу взаимодействия общественных палат с органами государственной власти составляют нормативные правовые акты федерального и регионального уровней, включая региональные законы о правовом статусе общественных палат, а также соглашения рассматриваемых сторон. Анализ указанных правовых источников, а также ежегодных отчетов общественных палат об их деятельности свидетельствует о многообразии форм и направлений взаимодействия исследуемых институтов гражданского общества с региональными органами государственной власти.

Федеральный закон № 183-ФЗ в части 7 статьи 11 устанавливает полномочия общественных палат, реализация которых предполагает взаимодействие с органами государственной власти. Это, прежде всего, — право приглашать руководителей региональных органов государственной власти на заседания общественных палат и, напротив, направлять своих представителей для

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (ред. от 15.10.2020) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ст. 3852.

участия в заседаниях указанных органов и их структурных подразделений. В свою очередь, органы государственной власти обязаны обеспечить участие членов общественных палат в своих заседаниях. При этом избыточной представляется норма, закрепленная в части 3 статьи 12 закона «Об Общественной палате Астраханской области», согласно которой «количество представителей Общественной палаты, принимающих участие в заседаниях Думы Астраханской области, ее комитетов и комиссий, в заседаниях областного Правительства, иных исполнительных органов области, не может превышать двух человек»². Представляется, что вопрос о количестве представителей общественной палаты может решаться в конкретных случаях заинтересованными сторонами взаимодействия, что будет способствовать развитию «взаимоответственного партнерства в целях решения общественно значимых проблем развития общества и государства» [3, с. 317].

Руководители или представители общественных палат нередко входят в состав комиссий по обеспечению безопасности дорожного движения (Кабардино-Балкарская Республика, Тамбовская область), координации работы по противодействию коррупции (Брянская и Рязанская области), противодействию экстремизму (Ямало-Ненецкий автономный округ, Свердловская и Тюменская области). Указанные комиссии создаются в качестве консультативно-совещательных и координационных органов, как правило, при высших должностных лицах субъектов Российской Федерации и включают руководителей или представителей органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также институтов гражданского общества, что в немалой степени способствует совершенствованию механизма взаимодействия и повышению авторитета общественных палат.

В соответствии со статьей 12 Федерального закона № 183-ФЗ общественная палата вправе направлять в органы государственной власти и их должностным лицам запросы по проблемам, входящим в их компетенцию. Адресаты, в свою очередь, в тридцатидневный срок обязаны проинформировать ее о результатах рассмотрения соответствующего запроса, а также предоставить ей необходимые для исполнения полномочий сведения. В ряде регионов, в частности, Ростовской области, Общественная палата наделена правом вносить предложения «по наиболее важным вопросам социально-экономического и культурного развития области, а также направлять рекомендации органам государственной власти при определении приоритетов в области государственной поддержки некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества»³.

² Закон Астраханской области от 24 октября 2013 года № 57/2013-ОЗ (ред. от 05.09.2023) «Об Общественной палате Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2013. 31 окт. № 47.

³ Областной закон Ростовской области от 1 марта 2017 года № 1025-ЗС (ред. от 12.09.2023) «Об Общественной палате Ростовской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. 07.03.2017. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6100201703070007?ysclid=lovp5v3ko1978744071&index=1> (дата обращения: 25.10.2023).

Анализ практической деятельности общественных палат показывает, что наиболее тесное взаимодействие складывается между рассматриваемыми институтами гражданского общества и законодательными органами. Так, Закон от 19 января 2004 года № 1-ОЗ «О Законодательном Собрании Кемеровской области — Кузбасса и законодательной деятельности в Кемеровской области — Кузбассе» в статье 39 устанавливает формы осуществления взаимодействия Законодательного собрания с областной Общественной палатой: а) направление обращения Законодательного собрания с предложением о проведении общественной экспертизы федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов в ее составе, областных законов и нормативных правовых актов региональных органов исполнительной власти, правовых актов органов местного самоуправления, а также проектов указанных правовых актов; б) предоставление по запросу Общественной палаты документов и материалов, необходимых для проведения общественной экспертизы; в) обеспечение участия членов Общественной палаты в работе комитетов и комиссий Законодательного собрания при рассмотрении законопроектов, являющихся объектом общественной экспертизы, и заключений Общественной палаты; г) участие представителей Законодательного собрания в заседаниях Общественной палаты⁴.

Представляется продуктивным также заключение соглашений о сотрудничестве и взаимодействии между общественными палатами и региональными законодательными органами. Предметом Соглашения о взаимодействии Законодательного Собрания и Общественной палаты Ростовской области от 23 октября 2015 года являются «совершенствование законотворческого процесса, содействие развитию институтов гражданского общества, усиление парламентского и общественного контроля за исполнением законов». Вместе с тем, ни рассматриваемое Соглашение, ни Устав Ростовской области не наделяют региональную общественную палату правом законодательной инициативы в областном законодательном собрании, что не способствует повышению эффективности взаимодействия.

Важнейшим направлением сотрудничества общественных палат с региональными парламентами является законодательный процесс. Следует отметить, что федеральный законодатель к полномочиям общественных палат не относит право законодательной инициативы. Однако на практике это не мешает региональным законодателям самостоятельно восполнять данный пробел. Анализ конституций и уставов субъектов Российской Федерации показывает, что правом законодательной инициативы наделены общественные палаты более 20 российских регионов, в том числе: Республики

⁴ Закон Кемеровской области — Кузбасса от 19 января 2004 года № 1-ОЗ (ред. от 05.09.2023) «О Законодательном Собрании Кемеровской области — Кузбасса и законодательной деятельности в Кемеровской области — Кузбассе» // Официальный сайт «Законодательный вестник Кузбасса». URL: <https://www.kuzbass-zakon.ru/> (дата обращения: 06.09.2023).

Тыва, Алтайского и Камчатского краев, Брянской, Кировской, Тюменской и Ульяновской областей, Еврейской автономной области.

Несмотря на высказываемые в научных публикациях критические оценки практики реализации рассматриваемого права общественными палатами, которые предлагают «заведомо „непроходные“ законопроекты или проекты, не отвечающие правилам юридической техники» [4, с. 97], можно привести и позитивные примеры принятия региональных законов, — например, по инициативе общественных палат Воронежской, Псковской и Саратовской областей. В Республике Крым и Саратовской области имеется практика предварительного рассмотрения («нулевые чтения») проектов законов по социально значимым вопросам.

Как справедливо отмечает экс-председатель Общественной палаты Республики Марий Эл Т. Н. Михеева, более эффективная реализация права законодательной инициативы способствовала бы повышению «статуса и авторитета общественной палаты» [5, с. 55]. Для реализации такой задачи, на наш взгляд, целесообразно формировать в структуре общественной палаты профильную структурную единицу по примеру комиссии по вопросам совершенствования законодательства и общественной экспертизе законов и иных нормативных актов в Общественной палате Республики Марий Эл, комиссии по законодательству, законотворческой и общественной инициативах, защите прав человека, регламенту и этике в Общественной палате города Севастополь. Наличие такого рода образований способствовало бы более активному и эффективному участию общественных палат в законодательном процессе российских регионов.

Продуктивной представляется также практика заключения соглашений о сотрудничестве и взаимодействии между общественными палатами и региональными органами государственной власти, в первую очередь, законодательными органами. Так, предметом Соглашения о взаимодействии между Архангельским областным Собранием депутатов и областной Общественной палатой выступает, в частности, «совершенствование правотворческого процесса и повышения качества областных законов и постановлений областного Собрания, имеющих нормативный правовой характер; усиление общественного контроля за исполнением областных законов и постановлений областного Собрания, имеющих нормативный правовой характер»⁵.

* * *

Тесное взаимодействие общественных палат с органами государственной власти осуществляется при проведении общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Инициатива в таких случаях может

⁵ Постановление Архангельского областного Собрания депутатов от 11 декабря 2019 г. № 571 «Об утверждении соглашения о взаимодействии между Архангельским областным Собранием депутатов и общественной палатой Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов седьмого созыва. 2019. 27 дек. № 13.

исходить как от общественной палаты или ее совета, так и региональных государственных органов. Позитивной следует признать практику создания в общественных палатах комиссий по вопросам проведения общественной экспертизы: по экспертизе и согласованию общественно-значимых вопросов экономического и социального развития (Астраханская область); по общественному контролю, общественной экспертизе и взаимодействию с общественными советами (Самарская область); по развитию гражданского общества, общественным контролю и экспертизе (Камчатский край). В то же время специализированные комиссии не созданы в общественных палатах Архангельской, Белгородской, Волгоградской, Омской и Ульяновской областей, что, по нашему мнению, не способствует повышению эффективности экспертной деятельности.

Одной из задач общественных палат субъектов Российской Федерации, выступающих «координирующими центрами общественной активности» [6, с. 159], является осуществление «взаимодействия с общественными советами при региональных законодательных и исполнительных органах и оказание им информационной, методической и иной поддержки» (п. 5 ст. 2 Федерального закона № 183-ФЗ). Такое взаимодействие предполагает, прежде всего, участие общественных палат в создании общественных советов, которое осуществляется в различных формах: «1) согласование положений о правовом статусе общественных советов; 2) инициирование процесса формирования общественных советов; 3) организация (участие в проведении) конкурсного отбора кандидатов в члены общественных советов; 4) выдвижение и согласование кандидатов в составы общественных советов; 5) утверждение состава общественных советов» [7, с. 12].

В целом, анализ законодательства свидетельствует о повышении роли общественных палат в формировании общественных советов при региональных органах государственной власти, что может способствовать преодолению «высокого уровня зависимости субъектов общественного контроля от государственных органов, чрезмерного влияния узкогрупповых интересов и становлению общественных советов как института гражданского общества» [8, с. 4].

В организации взаимодействия региональных общественных палат с государственными органами значительна роль их аппаратов, которые осуществляют правовое, аналитическое, информационное, финансовое и материально-техническое обеспечение их деятельности. Аппарат может быть наделен правами регионального государственного учреждения или его подразделения. При этом в обоих случаях руководитель аппарата общественной палаты назначается на должность и освобождается от должности высшим региональным исполнительным органом по представлению совета общественной палаты. При первом варианте, закрепленном в законодательстве Татарстана, Нижегородской, Оренбургской и Тверской областей, аппарат палаты обладает определенной самостоятельностью со своим

наименованием и бюджетным финансированием. При втором (Волгоградская область, Забайкальский край, Республика Карелия) — руководитель аппарата «находится фактически в подчинении руководителя государственного учреждения» [9, с. 39–40], что способствует большей управляемости общественной палатой со стороны региональной власти.

* * *

В последние годы интенсивно развивается взаимодействие общественных палат субъектов Российской Федерации с региональными избирательными комиссиями, являющимися государственными органами. При подготовке совместных правовых актов о сотрудничестве стороны ориентируются на Соглашение о взаимодействии ЦИК России и Общественной палаты Российской Федерации от 21 ноября 2017 года.

В соглашениях регионального уровня закрепляются предмет соглашения, принципы, направления, формы и порядок взаимодействия. В соответствии с Соглашением о взаимодействии Избирательной комиссии Самарской области и Общественной палаты Самарской области от 15 декабря 2017 года стороны руководствуются принципами «законности, независимости в принятии решений и осуществлении своих функций, гласности, самостоятельности в реализации собственных полномочий, использования полученной информации исключительно для выполнения задач, возложенных на Стороны, своевременности передачи информации и оперативности реагирования на информацию о фактах нарушений избирательных прав и права на участие в референдуме граждан, обязательности исполнения достигнутых Сторонами договоренностей».

Направления, зафиксированные в Соглашении о взаимодействии Избирательной комиссии Нижегородской области и Общественной палаты Нижегородской области от 13 декабря 2017 года, содержат: а) «организацию осуществления общественного контроля за соблюдением избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации; б) развитие правовой культуры и электоральной активности избирателей и участников референдума; в) обучение членов избирательных комиссий и наблюдателей».

Соглашение о взаимодействии Избирательной комиссии Ульяновской области и Общественной палаты Ульяновской области от 23 ноября 2017 года включает также создание ситуационного центра для консультирования граждан по вопросам избирательного права.

Начиная с президентских выборов 2018 года, общественные палаты активно включились в организацию общественного наблюдения на выборах. В марте 2021 года на их базе были созданы региональные штабы по наблюдению за выборами депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва и иными выборами в органы публичной власти, проходившими в период с 17 по 19 сентября.

В сентябре 2021 года в субъектах Федерации были открыты центры общественного наблюдения, ответственными за работу которых были определены руководители региональных общественных палат.

Представляется, что новый импульс сотрудничеству общественных палат и избирательных комиссий придаст Постановление ЦИК России от 30 августа 2023 года № 131/1016–8 о наделении правом уполномоченного представителя Общественной палаты Российской Федерации присутствовать на заседании ЦИК России⁶. Можно предположить, что и в регионах заинтересованные стороны предпримут подобные меры. В связи с этим заслуживает внимания предложение председателя Общественной палаты Тюменской области Г. Н. Чеботарева о том, чтобы в каждом органе публичной власти был «регламент взаимодействия с региональными общественными палатами, в котором подробно прописываются формы, процедуры, сроки, ответственные за организацию такого взаимодействия» [10, с. 24].

Таким образом, взаимодействие общественных палат субъектов Российской Федерации с региональными органами государственной власти является объективной необходимостью в целях совместного и эффективного решения стоящих перед ними общих задач и осуществляется в различных формах и направлениях.

Список литературы

1. Никитина Е.Е. Конституционно-правовые основы институционализации гражданского общества в Российской Федерации: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
2. Чеботарев Г.Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2020. № 6.
3. Комарова В.В. Органы публичной власти и субъекты гражданского общества: правовое оформление взаимодействия // Система органов публичной власти: сб. науч. работ / сост., отв. ред. В.В. Комарова, В.В. Невинский, М.А. Осавелюк. Т. III. М.: РГ-Пресс, 2018.
4. Лобанов И.В. Правовое регулирование взаимодействия общественной палаты субъекта Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Том 15. № 1.
5. Михеева Т.Н. Актуальные проблемы формирования региональных общественных палат // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8.
6. Чеботарев Г.Н. Организационно-правовые формы взаимодействия общественных палат с органами публичной власти // Государство и право. 2018. № 12.

⁶ Постановление ЦИК России от 28 июня 1995 г. № 7/46-II (ред. от 30.08.2023) «О Регламенте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации».

7. Ерыгин А.А. Роль общественных палат субъектов Российской Федерации в формировании общественных советов при региональных органах государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12.
8. Гриб В.В. Проблемы и тенденции развития правовых основ общественного контроля: пять лет спустя // Российская юстиция. 2019. № 9.
9. Малый А.Ф., Малая Т.Н. Общественная палата субъекта Российской Федерации: некоторые проблемы определения правового статуса // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 5.
10. Чеботарев Г.Н. Публичная служба и общественное представительство: синергия сотрудничества // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются категории «национальная и гражданская идентичность». Особое внимание уделено вопросам формирования и укрепления традиционных ценностей и патриотизму в современных реалиях политического пространства России. Автор указывает на основные элементы формирования гражданской идентичности: гражданство, гражданственность, патриотизм, соблюдение гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества. Национальная идентичность складывается из отождествления индивида с обществом во всех его социокультурных измерениях (язык, ментальность, традиции, социокультурные ценности, нормы поведения).*

***Ключевые слова:** гражданин, национальная идентичность, гражданская идентичность, гражданское общество, национальная политика, патриотизм.*

NATIONAL AND CIVIC IDENTITY: PROBLEMS OF FORMATION IN RUSSIA

***Abstract.** The article considers the categories of «national and civic identity». Special attention is paid to the formation and strengthening of traditional values and patriotism in the modern realities of the political space of Russia. The author points out the main elements of the formation of civic identity – citizenship, citizenship, patriotism, respect for civil rights and duties, as well as adherence to the basic values of Russian society. National identity consists of the identification of an individual with society in all its socio-cultural dimensions (language, mentality, traditions, socio-cultural values, norms of behavior).*

***Keywords:** citizen, national identity, civic identity, civil society, national politics, patriotism.*

В современных условиях возникает необходимость в осмыслении основных проблем, связанных с формированием национальной и гражданской идентичности гражданина Российской Федерации. Новые вызовы призвали разрабатывать и аргументировать предложения, направленные на реализацию государственной национальной политики, четко выстраивать стратегии и тактики политического позиционирования различных субъектов политических процессов, связанных с формированием и укреплением национальной и гражданской идентичности граждан страны.

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна — кандидат политических наук, заместитель заведующего кафедрой российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Особо важным является овладение навыками выработки предложений по совершенствованию межконфессиональных отношений, а также разработки итоговых документов по вопросам становления и укрепления национальной и гражданской идентичности в связи с современными разворотами в истории России.

Вопрос о формировании и укреплении национальной идентичности (или национального самосознания) становится особенно острым, когда речь идет о таком разнообразном, сложном с точки зрения религиозного, полиэтнического составе государстве, как наше, которое относительно недавно лишилось одной из своих идентификаций, оставаясь среди центральных акторов мировой политики. С одной стороны, трудно выстроить понятную и неуязвимую идентичность, когда почва для нее неоднородна, а разные взгляды на формулировку ценностного комплекса создают напряжение и конфликты между общностями, регионами и центром. С другой, — еще сложнее это сделать в условиях глобализации, увеличения миграционных потоков, геополитической и экономической конкуренции, которая нарушает интеграционные процессы внутри государства, делает его более проницаемым, изменяемым и менее специфичным.

Ослабевает роль и влияние исторических ценностей (особенно важных для России) и традиции/традиционности как фрейма и отправной точки формирования идентичности, уровня патриотизма и личной ответственности граждан, сохраняется высокая степень неуверенности. Увеличивается риск радикализации малых обществ и движений, растет интерес к вариантам идентификации «извне» (принятие новых нарративов, как появляющихся естественным путем, так и навязываемых гражданам, — один из элементов информационного воздействия или даже информационной войны, осуществляемых посредством поп-культуры, политических течений, социально-политических, культурных идентификаций, моделей отношений «гражданин — правительство», «личность — общество», «личность — семья», «индивид — государство» и других), к зарубежной информации, снижается уровень доверия власти, а привычная модель государственного и регионального управления грозит стать неэффективной [1].

Изучение феномена идентичности необходимо для самосознания и реализации человека и благоприятного сосуществования гражданина и государства. В настоящее время национальная и гражданская идентичность в России полноценно не сформированы и находятся в стадии доработки. Отсутствие полноценной, проработанной идентичности подвергает государство угрозам в большей степени, чем при наличии доступной и привлекательной идентификации, так как появляются пробелы в самоидентификации граждан, которые люди вынуждены самостоятельно заполнять тем, что находят сами, смещая акцент с государства и власти на иные источники, в том числе вредоносные (маргинальные, антигуманные, направленные против общества

или государства: псевдорелигиозные, политические и идеологические течения, «игры» в социальных сетях, террористическая деятельность).

Ситуация затруднена сложной и противоречивой идентификационной структурой российского общества, а также напряжением в отношениях с западными странами. Из выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина следует, что в современных реалиях важно отстаивать не только политическую независимость и национальную идентичность, но также технический и финансовый суверенитет России [2]. Это требует от граждан развитого политического и национального самосознания, проявления ответственности и заботы о своем государстве. Государственно-национальная идентичность необходима для сохранения государства устойчивым и гармоничным. Но нельзя игнорировать то, что в некоторых случаях, хоть актуализация идентичности не становится преградой на пути к приверженности Отечеству, растет негативная солидаризация как национальных общностей, так и русского этнического большинства [3], что создает высокий уровень напряжения в обществе и нарушает устойчивость этнокультурного равновесия.

* * *

Феномен идентичности привлек внимание ученых в 60–70-х годах XX века, когда социальная идентичность считалась объектом изучения микросоциологии (прежде — психиатрии; впоследствии американский исследователь Эрик Эриксон перенес это явление в социологию). К началу 1980-х годов социологи обратили внимание на идентичность макроуровня и применили эту концепцию к более крупным обществам — регионам, этносам, нациям, расам, а чуть позже — к цивилизациям. Однако данный пример свидетельствует о хронологических рамках начала изучения феномена идентичности таким, каким мы его знаем сейчас, а также не затрагивает историю изучения феномена на территории нынешней России.

Л.А. Кокумбаева относит появление идеи идентичности к XII–XVIII векам [4], когда в трудах ученых и мыслителей начали появляться такие понятия, как «национальный характер», «национальный дух» (И. Кант, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегель); позже подобные понятия появились и у отечественных мыслителей (И.А. Ильин) [5]. Однако идентичность обращена не только к «внутреннему потребителю», она также транслируется на международной арене своим союзникам и соперникам. В этом случае будет корректно упомянуть такой инструмент внешней политики, как образ государства, который конструировался не только самим государством и изнутри, но и описывался другими странами. Такие описания можно найти и в более ранних летописных и литературных источниках. Конечно, образ государства тех времен еще нельзя считать идентифицирующим институтом, но стоит учитывать, что образ (или имидж) страны тоже имеет

значение в построении идентификации как государственной структуры, так и отдельной личности.

В дореволюционной России существовали три научные традиции, сквозь призму которых раскрывалась национальная и региональная идентичность [6, с. 446–453]. Согласно первой (С.М. Соловьев, М.П. Погодин, А.Д. Градовский), источниками русской идентичности являются однообразие природных условий соответствующего региона, зависимость от Золотой Орды, борьба с централизацией государства. Согласно другой – Россия наполнена контрастами и конфликтами, происходящими из культурной и этнической неоднородности территории, а сама нация свободолюбива. Последняя концепция имеет сглаживающий острые углы прежних концепций характер, признавая наличие противоречий в культуре без угрозы национальной безопасности.

В настоящее время изучение феномена идентичности, его условий и механизмов стало одним из наиболее сильных факторов достижения социального и межэтнического согласия и развития гражданского общества [7]. В частности, именно обращение к идентичности позволяет нивелировать проявление кризиса современного общественного развития, вызванного эпистемологической неуверенностью [1]. Обращение «к корням» имеет и более практические результаты: с помощью накопления и оформления ценностного комплекса возможно сократить «утечку мозгов», повысить уровень образования, достичь большего уровня доверия к власти, расширить поле научных изысканий. Ведь вопросы идентичности волнуют самых разных специалистов – политологов, социологов, психологов, философов и журналистов. Это стало особенно заметно с началом специальной военной операции на Украине, когда наработки ученых по этой теме получили несравненно больше внимания.

Основу национальной идентичности в каждом государстве будут составлять разные, зачастую непохожие факторы, а именно аспект самоидентификации. В России она часто состоит из двух частей: национальной идентичности государственного уровня («я – русский»; «я – гражданин России, носитель русской культуры»); и менее широкой идентификации – региональной (локальной) или этнической («я – чеченец, мордвин, татарин, якут, помор»; «я – москвич, ульяновец, липчанин»; «я – житель столицы, Урала, Дальнего Востока, Крайнего Севера, приграничного региона»).

* * *

В классификации идентичности исследователи руководствуются типом социальной общности, к которому может принадлежать человек и который способен оказывать влияние на его поведение и мировоззрение. По мнению отечественных исследователей, на формирование идентичности влияют следующие факторы:

– природное (климатическое) разнообразие (за счет присутствия в границах страны территорий с различными природными условиями, качеством почвы, нескольких климатических поясов);

– вера (христианство) — в период зарождения государственности Русь была крещена, страна стала развивать свою политико-правовую систему и социокультурный капитал с учетом христианской морали, религиозных норм; это повлияло на отношения с соседями, выросло число дружественных контактов с христианскими государствами. С принятием православия появилось чувство единства с православным сообществом. Под влиянием церкви, в том числе в массовом сознании, укоренились нормы поведения, восприятия политической реальности, общения с властью. Церковь и в настоящее время остается важным социальным институтом, коммуникационным каналом для общества, а временами — опорой для власти;

– многоконфессиональное устройство как специфическая цивилизационная атрибутика [8].

По типологии идентичность разделяется на личностную, возрастную (самоидентификация с людьми определенного возраста или поколения, своим представлением о них), классовую (осознание себя членом классовой группы — по профессиональному, экономическому или социальному признаку), гендерную (самоидентификация человека с людьми определенного пола или гендера), культурную (самоидентификация личности как носителя определенной системы ценностей), региональную (осознание себя носителем ценностей и уникальных признаков жителя какой-либо местности), гражданскую (осознание себя гражданином какой-либо страны), профессиональную (самоидентификация с людьми, имеющими аналогичную рабочую специализацию), национальную (этническая, региональная самоидентификация).

Исследователи (политологи, регионоведы, социологи, этнографы, культурологи) нередко рассматривают национальную идентичность как самоидентификацию человека с нацией-населением государства или этносов. В то же время национальная идентичность часто рассматривается в контексте изучения менее масштабных административных образований, например субъектов Федерации, где не может быть нации, но есть национальности. Тогда национальная идентичность трактуется как самоидентификация гражданина национальной республики (автономного округа, автономной области) или другого административно-территориального образования субъекта Российской Федерации.

В основе гражданской идентичности лежит усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, политической гражданской солидарности, соотнесение себя не с территорией, а с политической структурой, в том числе как части политической (государственной) структуры. Гражданская идентичность способна зародиться

исключительно в рамках отношения индивида к определенному государству (не к нации, территории, традиции или чему-то иному, кроме государства, политической нации), в то время как основа национальной идентичности гораздо шире. Она подразумевает коллективную проекцию представлений о себе как о нации и их воплощение в политическом, а также культурном дискурсе. Национальная идентичность состоит из отождествления индивида с обществом во всех его социокультурных измерениях (язык, ментальность, традиции, социокультурные ценности, нормы поведения). Она формируется из комплекса факторов (генетических, исторических, политических, традиционных, этнических, территориальных, региональных, экономических) и не может быть сведена в правовую плоскость. В этом и сложность национальной идентичности, ее невозможно выстроить или ощутимо скорректировать только изменениями в политическом процессе и политико-правовом комплексе, поскольку политика в этом вопросе представлена лишь как элемент и инструмент построения идентичности, но не как правовая основа.

* * *

Новая форма национальной идентичности, формулировка национальной идеи должны вобрать лучшее из нашего цивилизационного капитала, чтобы сохранить страну гармоничной и устойчивой, наладить взаимоотношения регионов и центра, обеспечить народ понятными, доступными и достойными смыслами, на которые он сможет опираться и которыми будет гордиться, и уже исходя из национальной идеи определять стратегию развития государственной политики. «Что объединяет людей, живущих здесь (а не каков должен быть проект России для мира), чего им не хватает в сегодняшней России, каковы интересы русского народа...» [9, с. 34] — эти вопросы стоит решить в первую очередь, создать смысловую структуру для внутреннего потребления и после этого выстраивать внешний образ, с которым страна будет действовать на международной арене.

Список литературы

1. Ващенко А.В. К проблеме компаративистики традиционных культур // Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности: Материалы XI Каргопольской научной конференции (18–22 августа 2010 г.) / Науч. ред. и сост. И.В. Онучина, Н.И. Решетников. Каргополь, 2011.
2. Из речи В.В. Путина от 17 июня 2022 года на XXV Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ).
3. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.
4. Кокумбаева Л.А. Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики // Известия АлтГУ. 2007. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-identichnost-kak>

- mezhdistsiplinarnoe-ponyatie-sovremennoy-gumanitaristiki (дата обращения: 01.10.2023).
5. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М.: Родина. 2021.
 6. Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1 (ч. 3). URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8533&ysclid=lovqhgwuuk197730254> (дата обращения: 01.10.2023).
 7. Фахрутдинов Р.Р., Мамедлаев Р.Ю. Феномен идентичности: гражданской или этнической // КПЖ. 2013. № 3(98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-identichnosti-grazhdanskoj-ili-etnicheskoj> (дата обращения: 01.10.2023).
 8. Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Российская идентичность: патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий фактор // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 3.
 9. Лихачева А.Б., Макаров И.А. Национальная идентичность и будущее России: доклад // Междунар. дискус. клуб «Валдай». 2014.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

***Аннотация.** В статье раскрывается видение автора относительно государственного управления общественно-политической сферой в условиях становления многополярного мира. Изложены выводы о том, что Российской Федерации необходимо выйти на лидирующие позиции на международной арене, в том числе в целях обеспечения собственного устойчивого развития. Особое внимание уделено ретроспективному анализу событий установления мировой гегемонии Соединенных Штатов Америки. Также автор пытается ответить на вопрос о причинах противостояния коллективного Запада и России, раскрывает свое видение мироустройства, в котором будут учтены интересы и нашего государства. В результате проведенного анализа становится очевидно, что современное государственное управление общественно-политической сферой должно осуществляться в направлении формирования многополярного мира, в котором России предстоит занять достойное место. Сегодня наша страна предпринимает все возможные меры для того, чтобы стать лидером, имеющим возможность отстаивать свои интересы и обеспечить суверенитет.*

***Ключевые слова:** геополитика, международная арена, военно-политический блок, политическое лидерство, военное превосходство, экономические интересы, политико-экономические элиты, государственные интересы, государственные деятели, политические деятели, общественно-политическая сфера, государственное управление.*

THE INFLUENCE OF ECONOMIC ACTORS ON PUBLIC ADMINISTRATION OF THE SOCIO-POLITICAL SPHERE

***Abstract.** The article reveals the author's vision regarding the state management of the socio-political sphere in the conditions of the formation of a multipolar world. Conclusions are presented on the need for the Russian Federation to take a leading position in the international arena, including to ensure its own sustainable development. Particular attention is paid to a retrospective analysis of the events of the establishment of the world hegemony of the United States of America. The author also tries to answer the question about the reasons for the confrontation between the collective West and Russia, reveals his own vision of the world order, which will consider the interests of our state. As a result of the analysis, it becomes obvious that modern public administration of the socio-political sphere should be carried out to form a multipolar world in which our country will take its rightful place.*

Today, Russia is taking all possible measures to become a leading country, able to defend its interests and ensure sovereignty.

Keywords: *geopolitics, international arena, military-political bloc, political leadership, military superiority, economic interests, political and economic elites, state interests, statesmen, politicians, public and political sphere, public administration.*

В настоящее время мировое сообщество переживает период значительной трансформации в условиях становления многополярного мира. Уходит в прошлое навязанная всему человечеству модель гегемонии одного государства и его сателлитов, обеспечивавшая высокий экономический рост колониальных держав за счет угнетения других народов. Западная политико-экономическая элита больше не в состоянии диктовать условия остальным странам мира, используя военный потенциал.

На фоне обострившегося геополитического противостояния и перестройки мирового порядка Россия укрепляет свой суверенитет. Наша страна активно сопротивляется навязанным ей стереотипам, не поддается логике глобального доминирования западной элиты. Решительный ответ России давлению недружественных стран заставляет западный военно-политический альянс предпринимать попытки ее сдерживания, применяя широкий набор политических и военных инструментов, — государственные перевороты, вооруженные конфликты (в том числе и на сопредельной территории), шантаж, шпионаж, угрозы, дискредитация избирательного процесса и манипулирование общественным мнением.

Очевидно, что нашими противниками не только отброшены в сторону привычные механизмы дипломатии, но и прерван военно-политический диалог как средство мирного урегулирования межгосударственных разногласий. Доверие к лидерам западных государств было утрачено ввиду неоднократных фактов откровенного обмана высшего военно-политического руководства России в период выстраивания международных отношений. В переговорных процессах с нашей страной со стороны Запада преобладают методы целенаправленного введения в заблуждение и сокрытия истинных целей. Более того, в качестве значимых аргументов при осуществлении дипломатических споров западными партнерами используются угрозы превращения космического и информационного пространств в театр боевых действий. Всё вышеперечисленное усиливает риски столкновений между ядерными державами, военно-политическими блоками, крупными корпорациями и трансформации конфликта в глобальную войну.

В сложившейся обстановке Россия стремится вести самостоятельную политику, претендуя на позицию государства-лидера, способного стать центром силы в формируемом многополярном мире. В свою очередь, Соединенные Штаты Америки и их сателлиты желают обострить конфликт на украинском направлении с целью сдерживания нашей страны и замедления ее развития. Предпринимаются попытки не допустить становления России в качестве

одного из геополитических центров, при этом развязана прокси-война¹ в отношении нашего государства. Боевое крыло запада — НАТО, всячески помогает нелегитимному киевскому режиму, нацеливая его на затяжную войну.

Очевидно, что Россия вынуждена отвечать на враждебные действия западных политико-экономических элит и отстаивать свое право на свободное развитие всеми имеющимися средствами. Не требует доказательств утверждение о том, что в сложившихся условиях необходимо выстраивать качественное и эффективное государственное управление общественно-политической сферой.

* * *

Рассматривая аспекты государственного управления исследуемой сферы в условиях становления многополярного мира, необходимо акцентировать внимание на причинах конкуренции стран и их стремлении занимать лидирующие позиции. Внешняя (по отношению к государству) составляющая общественно-политической сферы оказывает значительное влияние на процессы, происходящие внутри страны. Очевидно, что от занимаемого страной на международном пьедестале места зависит ее успешность и стабильность развития в будущем. Перечисление причин конкуренции за доминирующее положение на мировой арене позволит наиболее ярко проиллюстрировать суть происходящих событий:

- во-первых, первенство обеспечивает государству-лидеру безопасность. Обстановка, складывающаяся в международном общественно-политическом пространстве достаточно опасна; это обстоятельство вызывает у глав государств естественное желание занимать доминирующие позиции. Очевидно, что только формирование современных вооруженных сил, органов правопорядка и безопасности позволит государству быть сильнее конкурирующих держав, а это, соответственно, гарантирует устойчивость от внешнего давления (экономические и политические санкции, гибридные и информационные войны). В свою очередь, безопасность обеспечивает стране общественное спокойствие, которое дает ей возможность укрепить экономику и, как следствие, повысить уровень жизни населения. Экономически развитое государство получает больше возможностей для оснащения и подготовки вооруженных сил и специальных служб. Одновременно, при наличии явного военного превосходства представляется возможность сдерживания стран-конкурентов и отстаивания собственных экономических интересов практически в любой части мира либо конкретного региона;
- во-вторых, первенство гарантирует государству-лидеру устойчивое и ровное социально-экономическое развитие. Купирование угроз различного характера со стороны государств-конкурентов обеспечивает внешнюю

¹ Прокси-война — это международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей посредством военных действий с использованием ресурсов третьей стороны.

и внутреннюю безопасность и спокойствие. Стабильная общественно-политическая обстановка способствует поступательному развитию экономики. В то же время важно понимать, что стабильность и безопасность — дело не совсем постоянное, а зачастую и неустойчивое. На протяжении большей части последних четырех столетий крупные державы находились в состоянии антагонизма, которое нередко перерастало в открытое противостояние и военные конфликты. Только первая половина XX века характеризуется двумя мировыми войнами, приведшими к колоссальным человеческим жертвам и тяжелым экономическим последствиям. Следовательно, возникает естественное желание государств занять доминирующее положение, позволяющее ограничить возможности дестабилизации общественно-политической сферы со стороны враждебно настроенных держав;

– в-третьих, первенством достигается экономический рост, развитие коммерческих связей и международной торговли. Безопасная логистическая система позволяет государству-лидеру получать прибыль посредством стабильных поставок в другие страны сырья, ресурсов и товаров. Лидерство — значимый компонент для осуществления межгосударственной коммерческой деятельности в современном мире: инвесторы с большей готовностью вкладывают средства в экономику, где их бизнес находится в безопасности; крупные предприниматели финансируют производство в странах со стабильной общественно-политической обстановкой, рассчитывая на постоянную прибыль в течение продолжительного времени, поскольку общественное спокойствие — это залог устойчивого и долговременного экономического развития;

– в-четвертых, через первенство государство-лидер добивается влияния на международной арене. Оно представляет большую свободу действий и значительные возможности воздействия на общественно-политические процессы в мире; позволяет реализовывать проекты, которые не всякое государство может воплотить в жизнь. Каждый крупный и успешно реализуемый проект добавляет лидеру значимость среди стран-конкурентов. При заключении международных соглашений и договоров у него появляется возможность требовать исключительные условия своего участия. Первенство позволяет государству-лидеру не вступать в военно-политические альянсы, самостоятельно отстаивая собственные интересы и обеспечивая свой суверенитет. В то же время наличие политического влияния страны положительно сказывается на транслировании ее культурных и нравственных ценностей за пределы границ, помогая таким образом реализовать стратегию «мягкой силы».

* * *

Вышеперечисленные факторы подчеркивают актуальность аспектов государственного управления общественно-политической сферой в условиях становления многополярного мира. Важность проблемы обусловлена еще

и тем, что борьба за лидерство не прекращается ни на минуту. На украинском направлении Россия противостоит политико-экономической элите Запада и ее военному крылу. Неоколониальная политика США сдерживает развитие нашей страны и стремится нанести ей стратегическое поражение на поле боя. Результаты развернувшегося противостояния определяют, каким будет мировой порядок завтрашнего дня. На наш взгляд, в недалеком будущем образуются несколько центров силы, в число которых войдет Российская Федерация. Для всестороннего понимания аспектов геополитического противостояния следует провести ретроспективный анализ исторически значимых событий, которые смогут объяснить причины происходящих трансформаций.

В 1945 году в результате победы во Второй мировой войне Советский Союз, будучи ключевым членом антифашистской коалиции, стал государством, имеющим возможность определять общественно-политическое устройство в Восточной Европе. Но спустя определенное время в результате распада коалиции главным соперником СССР стал один из бывших союзников — Соединенные Штаты Америки. По мнению В.П. Зимонина, «начало „холодной войны“ в ее современном понимании следует относить к периоду завершения Второй мировой войны и первым послевоенным годам. Распространено мнение, что отсчет „холодной войны“ начинается с фултонской (март 1946 г.) речи видного британского политического и государственного деятеля У. Черчилля. И это тоже в какой-то мере справедливо, так как о борьбе с коммунизмом было сказано открыто и громко, и никем иным, как „великим консерватором“ У. Черчиллем, и ни в каком-то ином месте, а в США, причем в присутствии американского президента Г. Трумэна» [1, с. 28–47].

Фактически была прочерчена линия, разделившая мир на страны, поддерживающие идеологию Советского Союза, и на те, которые являлись союзниками Соединенных Штатов Америки. Таким образом, был образован биполярный мир, который существовал до окончания «холодной войны». Правда, по мнению А.А. Громыко, «основы „холодной войны“ были заложены гораздо раньше, по существу, после установления в 1917 году в России большевистского строя. Основной причиной неприкрытой вражды к социальному строю коммунистической ориентации, когда в СССР осуждалась и ликвидировалась частная собственность, в том числе на средства производства, стала именно эта антибуржуазная политика. Мир капитализма, его руководители надеялись, что государственный социализм, утвердившийся в СССР с середины 1930-х годов, рухнет сам собой. Но этого не происходило, советский строй набирал силы. В мире возникали многочисленные коммунистические и рабочие партии, их деятельностью руководил Третий Интернационал, по существу, Коммунистическая партия большевиков, руководителем которой стал профессиональный революционер Иосиф Сталин. Интернационал стал олицетворением идеологической борьбы» [2, с. 26–38].

В послевоенные годы в целях укрепления своего влияния СССР стал реализовывать политику социалистического интернационализма. На практике это означало расширение контролируемой им общественно-политической сферы в странах Восточной Европы. Кроме того, Советский Союз направил усилия на поддержку национально-освободительного движения стран третьего мира, находящихся под властью западных метрополий, что также обеспечивало его влияние на общественно-политическую сферу. С учетом того, что в то время геополитическое противостояние между Москвой и Вашингтоном набирало обороты, советское руководство начало вкладывать ресурсы в создание ядерного оружия. Поводом для этого послужила бомбардировка американцами двух японских городов атомными зарядами². Для СССР наличие ядерного оружия было стратегически важным фактором, позволявшим добиться определенного паритета с США.

После смерти И.В. Сталина в 1953 году советская внешняя политика претерпела ряд изменений. Новый лидер страны Н.С. Хрущев провозгласил курс на обеспечение паритета с главным геополитическим противником. Иными словами, со сменой руководителя Советского Союза «холодная война» только начала набирать обороты. П.В. Тетерин полагает, «одним из существенных обстоятельств, определивших возникновение „холодной войны“, стало идеологическое разногласие, вызванное бескомпромиссной борьбой двух противоположных идеологий — капиталистической и социалистической» [3, с. 73–82].

В свою очередь, Соединенным Штатам удалось занять лидирующие позиции в Западной Европе благодаря осуществлению ими плана Маршалла по послевоенному восстановлению ее экономики. В результате своего возросшего влияния на общественно-политическую сферу США смогли установить подконтрольные им политические режимы, распространяя на них свое политическое, идеологическое, экономическое и военное влияние.

М.Ю. Белецкая пишет: «В 1948 году был принят закон „Об экономическом сотрудничестве“ (Economic Cooperation Act of 1948) и создано Управление экономического сотрудничества (Economic Cooperation Administration). В июле 1947 года, еще до того, как был принят закон о плане Маршалла, 16 европейских стран образовали Комитет Европейского экономического сотрудничества (Committee of European Economic Cooperation, СЕЕС), а после начала реализации плана в апреле 1948 года была создана Организация европейского экономического сотрудничества (Organisation for European Economic Cooperation). Эта структура впоследствии была преобразована в Организацию экономического сотрудничества и развития. Многие авторы полагают, что эти действия резко активизировали интеграционные процессы

² Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 г.) — два исключительных в истории человечества случая боевого применения ядерного оружия были осуществлены вооруженными силами США на завершающем этапе Второй мировой войны.

в экономике Западной Европы, что в конечном счете привело к образованию в 1957 года Европейского экономического сообщества» [4, с. 97–116].

Соединенные Штаты сумели развернуть мощные вооруженные силы в Европе и Азии в качестве эффективного средства сдерживания советского государства. Укрепить свое влияние им удалось посредством создания военно-политического блока НАТО, который обеспечивал систему коллективной безопасности; члены блока обязывались совместно защищать любого участника договора, на которого будет совершено нападение³.

Свое влияние на общественно-политическую сферу расширял и Советский Союз, — им был создан военно-политический ответ блоку НАТО: Организация Варшавского договора. Как говорит А.Г. Сучкова, «Варшавский договор, или Организация Варшавского договора, был военным союзом семи восточноевропейских стран и Советского Союза, созданным в качестве противовеса альянсу Организации Североатлантического договора с целью коллективной защиты Восточной Европы. В альянс Варшавского договора входили: Советский Союз, Албания, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия, Венгрия, Польша и Румыния, то есть все коммунистические страны Восточной Европы за исключением Югославии. Варшавский договор был образован в ответ на включение Западной Германии в НАТО 9 мая 1955 года. До образования Варшавского договора между Советским Союзом и его союзниками существовали двусторонние соглашения о взаимопомощи» [5, с. 313–316].

Апогеем противостояния двух военно-политических блоков стали события октября 1962 года, когда произошел так называемый «карибский кризис». Тогда лидеры участвовавших в конфликте государств осознали, что столь острая конфронтация может привести к ядерной катастрофе, и это сдержало их от решительных шагов. По мнению С.А. Бабахаян, «кульминационным моментом в „карибском кризисе“ стало проведение операции „Анадырь“, содержанием которой стала доставка на Кубу и приведение в боевую готовность стратегических ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками. В рамках данной операции на Кубу были переброшены 1 ракетная и 2 зенитно-ракетные дивизии, 4 отдельных мотострелковых полка, вертолетный полк, полк фронтовых крылатых ракет, истребительно-авиационный полк, полк морской авиации и ряд спецчастей и подразделений.

Предположительно, что 14 октября 1962 года американцы получили первые данные о присутствии советских ракет на Кубе. Руководство США посчитало данный факт неприемлемым с точки зрения национальной безопасности. 22 октября по американскому телевидению выступил Президент США Дж. Кеннеди. Он потребовал вывода ракет и объявил о военной блокаде Кубы. Н.С. Хрущев обвинил США в посягательстве на суверенитет Кубы

³ 4 апреля 1949 года представителями двенадцати стран (Бельгия, Великобритания, Дания, Исландия, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Франция) был подписан Североатлантический договор.

и потребовал убрать американские ядерные ракеты «Юпитер» с территории Турции [6, с. 109–111].

Фактически произошла кульминация противостояния двух общественно-политических систем. Мир находился на грани ядерной катастрофы. Благодаря тому, что прогнозы военных из США и СССР были неутешительными в случае возникновения вооруженного конфликта, ситуацию удалось разрешить посредством дипломатических методов. Данный пример показывает, что при воздействии на общественно-политическую сферу предпочтительнее отдавать преимущество методам «мягкой силы», распространяя свою идеологию, культуру и традиции.

С приходом к власти Л.И. Брежнева в 1964 году общая концепция политики Советского Союза в отношении западных конкурентов особых изменений не претерпела. Идеологи социалистического блока придерживались мнения, что капитализм обречен и должен быть заменен коммунистическим строем как воплощением социального прогресса. Классовая теория мировой революции считалась общепризнанной, а Советский Союз преподносил себя в качестве авангарда «прогрессивного человечества». Обосновывалось утверждение о том, что войны развязывают империалистические державы, а достижение мира возможно только при разрушении империализма. Иначе говоря, общественно-политическая сфера была идеологически окрашена, а противостояние осуществлялось в военной, экономической и идеологической сферах. Ярким примером конкуренции в биполярном мире стал ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году.

С.М. Иванов утверждает, что «начавшиеся весной 1968 года демократические реформы в ЧССР серьезно встревожили советское партийное руководство. Оно полагало, что отход чехословацких руководителей от догм марксизма-ленинизма может не только привести к утрате „социалистических завоеваний“ в самой Чехословакии, но и создать предпосылки к подобным явлениям в других странах Восточной Европы. Подавление движения „Пражской весны“ 1968 года военным путем представлялось Политбюро ЦК КПСС единственно верным решением, которое бы не только привело к власти в ЧССР более лояльных Кремлю руководителей-коммунистов, но и сдержало бы от подобных реформ других союзников Москвы по социалистическому лагерю» [7, с. 93–103].

На взгляд А.С. Стыкалина, «силовая акция по пресечению развернувшихся в Чехословакии экспериментов по либерализации коммунистического режима, осуществленная в августе 1968 года, не получила полной поддержки не только среди социалистических стран и в мировом коммунистическом движении, но и внутри восточного блока. Это стало одним из отчетливых симптомов усиления кризисных явлений в мировом коммунистическом движении, продолжавших углубляться и в последующие десятилетия. Вместе с тем неготовность не только союзнической Румынии, но и нейтральной Югославии, сталкивавшейся с мощными центробежными

вызовами, педалировать свои разногласия с Москвой, довольно быстро привела к восстановлению их отношений с СССР на прежнем, „доавгустовском“ уровне» [8, с. 89–107].

Несмотря на авторитет СССР, завоеванный в результате победы во Второй мировой войне, противостояние в международных отношениях не прекращалось. Сильные экономические связи со странами Восточной Европы, единый военно-политический союз, как и общая идеологии, не исключали возникновения разногласий. Это говорит о том, что управление общественно-политической сферой — процесс трудоемкий, многогранный и противоречивый; для его успешной реализации необходимо наличие теоретической и методологической баз.

Следующие события ярко иллюстрируют ситуацию, складывающуюся в биполярном мире на Среднем Востоке примерно на рубеже 1950–1960 годов, когда США стали играть в этом регионе доминирующую роль. Их первоначальное проникновение в Афганистан осуществлялось с помощью американской коммерческой фирмы. Для строительства ирригационных объектов афганским правительством был заключен договор, реализацию которого фирма растягивала на неопределенный период, ставя Афганистан в финансовую зависимость. Одновременно возрастала активность Советского Союза в Афганистане, стремившегося обеспечить безопасность центральноазиатских республик и не допустить распространения влияния западных стран. Переломным моментом в противостоянии СССР и США в данном регионе стало принятие решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года.

В.В. Подрезов так описывает развитие событий того времени: «В апреле 1978 года в Афганистане произошла революция, совершенная под руководством Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Значительная часть населения страны не приняла революцию и ее идеи. Кроме того, революционный переворот вызвал решительное противодействие оппозиционных сил, получавших широкую поддержку из-за рубежа, и прежде всего от США, Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии и Китая. К осени 1979 года нависла угроза отстранения от власти правящей партии. Для того чтобы оказать помощь правительству Афганистана, обеспечить безопасность южных границ государства и не допустить эскалации и переноса вооруженного конфликта на территории среднеазиатских республик, руководство Советского Союза приняло решение о вводе Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан» [9, с. 16–19].

Все происходившее тогда говорило о том, что распространение влияния одних государств на общественно-политическую сферу другой страны является довольно сложным процессом, охватывающий, как минимум, местную культурную, религиозную и географическую специфику. Думается, что в данном вопросе именно методы «мягкой силы» могли бы позволить добиться больших результатов по сравнению с применением грубого вооруженного

проникновения в чужое ментальное и политическое пространство. Около 45 лет тому назад этот вывод был подтвержден реакцией афганцев.

В 1985 году Генеральным секретарем ЦК КПСС стал М.С. Горбачев, который реализовывал внешнюю политику на основе сотрудничества, а не на военно-политическом противостоянии. При осуществлении государственного управления общественно-политической сферой он сделал ряд уступок в разрешении региональных конфликтов и переговорах по вооружению, которые не совсем сочетались с биполярным раскладом сил. В 1987 году Советский Союз согласился ликвидировать свои ракеты средней и меньшей дальности в Европе и закрепил это обязательство в Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД)⁴; через два года после этого — в феврале 1989 года — вывел свои войска из Афганистана⁵. Для всего мирового сообщества стало очевидным, что у Советского Союза не хватает ресурсов поддержания паритета и строительства биполярной системы мира. Вывод войск проиллюстрировал неэффективность принимаемых управленческих решений, — для СССР претендовать на звание достойного противника США уже не представлялось возможным.

М.С. Горбачев коренным образом изменил прежний подход к управлению общественно-политической сферой, основанный на паритетном противостоянии двух мировых держав. Его примирительная политика положила конец лидерству Советского Союза и практически первым делом привела к свержению коммунистических правительств в Восточной Европе⁶.

А.В. Погорельский отмечает, что «в 1988–1989 годы в странах соцлагеря происходят колоссальные изменения, связанные с либерализацией политического и экономического курса, единственной страной, оставшейся незатронутой этими изменениями была ГДР. Глава ГДР Э. Хонеккер не принял новых веяний из Москвы и категорически отказывался копировать советский опыт реформ. Дошло до того, что в Германской Демократической Республике были запрещены советские периодические издания, поскольку восточногерманские власти сочли советскую прессу разлагающе воздействующей на умы граждан» [10, с. 94–97].

В то же время, по мнению Л.Н. Шаншиевой, «перестройка в СССР, а также „бархатные“ революции в странах Восточной Европы осенью 1989 года оказали непосредственное влияние на рост общественных протестов в ГДР, на смену режима — отстранение от власти старой гвардии во главе с Эрихом

⁴ Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.08.2023).

⁵ Вывод советских войск из Афганистана [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.08.2023).

⁶ Польша, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Болгария и Восточная Германия воспользовались радикальными изменениями в позиции советского руководства и заявили о своем намерении выйти из социалистического лагеря. 12 июня 1989 года М.С. Горбачев и германский канцлер Г. Коль подписали в Бонне документ о праве европейских народов самим выбирать форму своего правления. После этого в восточноевропейских странах коммунистические правительства были сметены.

Хонеккером и приход более молодых политиков к управлению страной. Далее, за очень короткий срок — с октября 1989 года по январь 1990 года — прошел процесс делигитимации политического руководства ГДР и всех государственных институтов» [11, с. 11–15].

Это произошло в результате отказа Горбачева от реализации наступательного вектора управления общественно-политической сферой в Восточной Европе. Ему представлялось необходимым предоставить каждому народу «суверенное права выбора собственного общественного строя». Но в тот момент не учитывались факторы влияния политико-экономической элиты Запада на настроения граждан в Восточной Европе.

Все перечисленное отрицательно сказывалось на имидже Советского Союза. Ситуация усугублялась еще и тем, что в начале 1990-х годов подконтрольные Советскому Союзу международные организации в Восточной Европе, в числе которых был Совет экономической взаимопомощи⁷, были распущены, хотя государства-члены СЭВ давали свое согласие на пересмотр своих многосторонних хозяйственных связей. В июле того же года закончилась история организации Варшавского договора⁸. В течение последующих четырех лет советские войска были выведены из Восточной и Центральной Европы. Но самое значимое событие произошло несколькими годами раньше, когда в конце 1989 года на саммите на Мальте М.С. Горбачев и Президент США Дж. Буш-старший объявили об окончании «холодной войны»⁹.

Сегодня становится очевидным, что в то время США не просто объявили окончание «холодной войны», — они посчитали себя победителями в этом геополитическом противостоянии. Западная политико-экономическая элита приложила максимум усилий, чтобы стать мировым гегемоном, исключив СССР из списка своих конкурентов. Был установлен однополярный мир.

Г.Н. Большага считает, что «длительные годы упорного труда западных политиков, их институтов и спецслужб по созданию разрушительной системы одного из могущественных государств планеты в 80-х годах прошлого столетия, наконец, начали приносить свои первые плоды. Новая „волна смуты“ в России уже в советском государстве в те годы стала реальностью.

⁷ 5 января 1949 года было принято решение о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) — межправительственной экономической организации, созданной представителями ряда стран Восточной Европы: СССР, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии. Протокол о создании СЭВ был подписан в Москве 18 января 1949 года.

⁸ 1 июля 1991 года в Праге был подписан протокол о прекращении действия Варшавского договора. Таким образом, был запущен процесс роспуска политических структур Организации Варшавского договора и ликвидации данной структуры, что стало логичным продолжением Будапештского заявления об упразднении военных органов и структур ОВД к 31 марта 1991 года. В нем отмечалось, что данное решение «призвано способствовать дальнейшему снижению военных потенциалов в Европе и переходу от блоковых к общеевропейским структурам безопасности». Но в дальнейшем это не помешало вступлению в НАТО всех стран-союзниц СССР по ОВД.

⁹ На Мальте прошла историческая встреча президентов СССР и США Михаила Горбачева и Джорджа Буша-старшего, положившая окончание «холодной войне». Однако уже после распада Советского Союза Вашингтон тут же объявил США победителем, что создало негативный фон для последующих отношений демократической России и США.

К сожалению, нам не будет известно, через сколько десятилетий, а может и веков, откроются архивы (а может, и не откроются), и мир узнает, сколько триллионов долларов ушло на подготовку, и какие колоссальные силы были задействованы на проведение необъявленной войны передовому государству в мире. Безусловно, это не просто тайна „за семью печатями“, ей, по-видимому, суждено быть закрытой не один десяток лет. Цель сохранения этой сверхтайны очевидна. Настоящие и будущие поколения России и других стран СНГ, не зная истины, должны жить по уготованным им „новым демократическим ценностям“, не допуская возрождения могущества державы. Такова реальность сегодняшней внешней политики мировых держав по отношению к России и к „самостийным“, ослабленным странам бывшего союза» [12, с. 37–48].

* * *

Администрация Президента Б.Н. Ельцина (1991–1999) пыталась стабилизировать общественно-политическую обстановку в стране. Вопросами распространения своего влияния на международной арене Российская Федерация практически не занималась, хотя усилиями Министра иностранных дел России Е.М. Примакова стране удалось заложить основы евразийской интеграции. Он исходил из того, что «многополярное мировое устройство само по себе в условиях глобализации не ведет к конфликтным ситуациям, военным столкновениям, однако оно не исключает весьма сложной обстановки, в которой осуществляется процесс перехода к такой системе» [13, с. 159–160]. Резко возражая против нового общественно-политического устройства, при котором происходит расширение НАТО, Примаков неоднократно напоминал, что Горбачеву было дано обещание западными политиками не продвигать военную инфраструктуру на восток. Новое мировоззрение руководства России на общественно-политическую сферу очень близко подошло к концепции «баланса сил», предполагающую способность России консолидироваться на постсоветском пространстве и бросить вызов глобальной гегемонии США. Но все же в последующем произошла интервенция НАТО на Балканах, представлявшая собой ярчайший пример недостатков однополярного общественно-политического устройства мира¹⁰. Подобное стало возможным, в том числе, в результате ослабления международного влияния России.

С приходом к власти В.В. Путина (2000) были сделаны попытки по налаживанию партнерских отношений как с США, так и в целом западной политической системой. Были проведены совместные американо-российские

¹⁰ Войска НАТО начали бомбардировки Югославии в рамках операции «Союзническая сила». Авиаудары альянса продолжались 78 дней и пришлось не только на военную, но и на гражданскую инфраструктуру. Операция проходила без санкции Совета Безопасности ООН, что стало грубым нарушением международного права и фактически актом агрессии против суверенной страны. Те события унесли жизни сотен невинных людей, стали началом конца существования Союзной Республики Югославия, а также нанесли колоссальный экологический ущерб территории современной Сербии.

военные учения в Калининградской области по борьбе с глобальным терроризмом¹¹. «В начале своего правления Владимир Путин пытался найти способ преодолеть растущую конфронтацию, но после ряда событий: одностороннего аннулирования Америкой договора по противоракетной обороне (ПРО), несанкционированного вторжения в Ирак, продолжающегося разрастания НАТО к границам России, обещания членства Грузии и Украине, планов по размещению ПРО в Восточной Европе, и того, что расценивалось как ревизионистская программа смены режима — трещина в отношениях между Россией и атлантической системой превратилась в пропасть» [14, с. 80–87].

В последние годы так же происходили события, заставившие обратить внимание руководства нашей страны на агрессивную политику Запада по отношению к России. Фактически западная политико-экономическая элита стремилась оказать воздействие на глобальную общественно-политическую сферу таким образом, чтобы сдержать развитие России путем разжигания застарелых конфликтов на постсоветском пространстве.

В частности, после российско-грузинской войны 2008 года¹², Российской Федерации пришлось в очередной раз скорректировать свою внешнюю политику. Стало очевидным, что западная политико-экономическая элита все чаще пытается провоцировать разрастание тлеющих противостояний на наших границах, снабжая при этом враждебные для нас силы средствами ведения войны. И все это делается для поддержания общественно-политического устройства мира с одним «гегемоном». Прилагаются все усилия и используются любые деструктивные методы для того, чтобы Россия не могла развиваться и претендовать на звание страны-лидера.

Крымские события (2014) оказали существенное влияние на общественно-политическую обстановку в мире. В сентябре 2014 года лидеры стран — членов НАТО собрались на саммите в Уэльсе. Они осудили «присоединение Крыма Россией» и признали этот акт незаконным военным вмешательством во внутренние дела Украины. Ими был разработан «План действий по обеспечению готовности»¹³, который включал широкий спектр

¹¹ Совместные учения и семинар Россия–НАТО по борьбе с терроризмом под кодовым названием «Калининград 2004» прошли 22–25 июня. Целью учений являлась отработка взаимодействия на национальном, региональном и многонациональном уровнях для координации действий и принятия мер в рамках Совета Россия–НАТО и Совета евроатлантического партнерства (СЕАП) в случае атаки террористов, повлекшей многочисленные человеческие жертвы и экологическую катастрофу. В учениях приняли участие около тысячи специалистов из 22 стран — членов СЕАП, а также международных организаций, включая Бюро ООН по координации гуманитарных акций, Евросоюз и Международную организацию гражданской защиты.

¹² В ночь с 7 на 8 августа 2008 года тлеющий грузино-осетинский конфликт вспыхнул с новой силой. Вооруженные силы Грузии начали обстреливать Цхинвал, а затем попытались взять город штурмом. В числе первых под огнем оказались российские миротворцы, размещенные в пригороде Цхинвала. Россия ответила незамедлительно — началась операция по принуждению Грузии к миру.

¹³ Заявление министров обороны стран НАТО о плане действий по обеспечению готовности [Электронный ресурс] // URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_117222.htm (дата обращения: 22.08.2023).

мер сдерживания и создания объединенной оперативной группировки повышенной готовности, способной противостоять вооруженным силам России.

Подобные планы стали возможными в результате сложившегося однополярного мира, когда гегемон пытается диктовать свои условия во всех частях света. Соединенные Штаты Америки смогли сконцентрировать беспрецедентную экономическую и военную мощь. Сегодня они обладают крупнейшей экономикой в мире и самым большим военным потенциалом. Политико-экономические элиты Запада стремятся удержать первенство на мировой арене. Для этой цели они провоцируют разгорание конфликта России и Украины. Подчеркнем, что данное противостояние, как катализатор изменения глобальной политики после так называемой эпохи доминирования США, имеет решающее значение для будущего мироустройства.

По мнению китайского специалиста Го Фэнли, «очевидно, что происходящее на Украине — часть давно подготовленной гибридной войны США против России, конечная цель которой заключается в сохранении своей гегемонии в международной политической системе. Для ее достижения осуществляется стратегия „захвата поодиночке“, проявляющейся в том, чтобы разделить главных конкурентов, а затем заставить их врасплох. Первой под удар этой стратегии попала Россия, рассматриваемая американской администрацией в качестве наиболее значительной и практически прямой угрозы безопасности коллективного Запада. В дальнейшем будут установлены другие враги и потенциальные соперники, в числе которых находятся, в том числе и такие страны, как Китай и Индия, которым пока — на данном этапе развития событий — определена роль наблюдателей. Гибридная война Вашингтона направлена на ликвидацию государственности Российской Федерации, ее разделение с последующим установлением частичного контроля над территорией и населением России» [15, с. 146–155].

* * *

На наш взгляд, все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что государственное управление общественно-политической сферой в условиях становления многополярного мира должно быть направлено на обеспечение суверенитета. Опасность, которую представляют для нашей страны агрессивные действия политико-экономической элиты Запада, нельзя недооценивать: нам необходимо не только противостоять нападкам со стороны недружественных России государств, но и вести наступательную управленческую деятельность на международной арене. Важно применять методы «мягкой силы», распространяя за рубежом культуру и традиции нашего народа. Вести пропагандистскую работу с целью разъяснения доктрины создания многополярного мира и его преимуществ. Можно быть уверенным в том, что нападки на Россию со стороны военно-политического блока НАТО не будут прекращены даже после окончания конфликта на Украине. Следовательно, необходимо быть готовыми к длительному противостоя-

нию, так как Запад вряд ли собирается распрощаться с позицией гегемона. Это означает, что в обозримой перспективе государственное управление общественно-политической сферой должно быть направлено на противодействие военной экспансии западной элиты и созданию многополярного мира, в котором России предстоит занять одну из ведущих позиций.

Список литературы

1. Зимонин В.П. «Холодная» война зарождалась в войне «горячей» // Россия XXI. 2013. № 3.
2. Громыко А.А. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. № 1(67).
3. Тетерин П.В. Российские учебники истории о причинах возникновения «холодной войны» (Историографический обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1.
4. Белецкая М.Ю. Система иностранной экономической помощи США: от Трумэна до Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 11.
5. Сучкова А.Г. Организация Варшавского договора: история создания и структура // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2022. Т. 2. № 14–1.
6. Бабахаян С.А. На краю пропасти (к 55-летию Карибского ракетного кризиса) // Новая наука: От идеи к результату. 2017. Т. 2. № 2.
7. Иванов С.М. К 50-летию ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Из воспоминаний участника событий // Обозреватель. 2018. № 7(342).
8. Стыкалин А.С. Пражская весна 1968 г. и разногласия в социалистическом лагере // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 1–2.
9. Подрезов В.В. Действия советских войск в Афганистане // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2019. № 1.
10. Погорельский А.В. Крушение Германской Демократической Республики и создание объединенного германского государства // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2018. № 1(14).
11. Шаншиева Л. Восточная Германия: 30 лет после падения Берлинской стены // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 54(70).
12. Большага Г.Н. Грузия – от стихии митингов до войны с Россией // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 1.
13. Примаков Е.М. Мысли вслух. М.: Издательство Российская газета, 2011.
14. Саква Р. Образы мирового порядка после холодной войны // Русская политология. 2016. № 1.
15. Го Ф. Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2(28).

ФЕНОМЕН АБСОЛЮТИЗМА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

***Аннотация.** Статья посвящена теоретическим подходам к проблеме абсолютизма (и роялизма), нашедшим отражение в литературных произведениях представителей западноевропейской политической мысли раннего Нового времени (ок. 1550–1700). Именно тогда в ряде развитых государств Западной Европы возник исторически совсем недолго длившийся паритет между «нисходящей» феодальной и «восходящей» буржуазной социально-экономическими формациями, сделавший возможным появление такого феномена, как абсолютная монархия. Революционная ситуация, складывавшаяся в некоторых передовых западноевропейских странах на протяжении XVI–XVIII веков, открывала реальную возможность увидеть на практике достоинства и недостатки существующих способов организации публичной власти. Представляется совершенно естественным, что формирование воззрений рассматриваемых в статье политических мыслителей и правоведов на слабые или сильные стороны конкретной формы правления происходило под влиянием доминирующей идеологии (либо конкурирующих идеологем) своего времени. Более того, их абсолютистские концепции не всегда были теоретически прочно аргументированы, но зачастую базировались на субъективных предпочтениях конкретных авторов. Таким образом, статья освещает довольно неоднозначную проблему политической мысли раннего Нового времени.*

***Ключевые слова:** абсолютизм, абсолютная монархия, буржуазная революция, монархисты, публичная власть, раннее Новое время, роялизм, суверенитет.*

THE PHENOMENON OF ABSOLUTISM IN THE WESTERN EUROPEAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE EARLY MODERN PERIOD

***Abstract.** This article is devoted to theoretical approaches to the problem of absolutism (and royalism), which are reflected in the literary works of representatives of Western European political thought of the early Modern period (c. 1550–1700). It should be noted that it was in the early Modern period in a few advanced countries of Western Europe that a historically*

very short-lived parity between the «descending» feudal and «ascending» bourgeois socio-economic formations arose, which made possible the emergence of such a phenomenon as an absolute monarchy. The revolutionary situation that developed in some advanced Western European states during the 16th–18th centuries opened a real opportunity to see in practice the advantages and disadvantages of the existing methods of organizing public authority. It seems quite natural that the formation of the views of the political thinkers or jurists considered in this article on the weaknesses or strengths of a particular form of government was influenced by the dominant ideology (or competing ideologies) of their time. Moreover, it should be noted that the absolutist concepts of the authors considered in this article are not always theoretically well-argued but are often based on the subjective preferences of specific thinkers. Thus, this article highlights a rather ambiguous problem of the theoretical aspect of absolutism (and royalism) in early Modern political thought.

Keywords: *absolute monarchy, absolutism, the bourgeois revolution, early Modern period, monarchists, public authority, royalism, sovereignty.*

Цель данной статьи — историко-правовой анализ такого своеобразного явления в насыщенной политическими событиями истории Западной Европы, как абсолютизм, самыми тесными узами связанный с близким в ряде моментов феноменом роялизма. По многим параметрам данное явление выступает ключевым фактором актуальной идеологии, политической мысли и юриспруденции раннего Нового времени (ок. 1550–1700). Более того, во многом они оказываются лишь частным случаем общего недифференцированного монархистского умонстроения, доминировавшего в общественном пространстве континента в ту эпоху и произраставшего на почве той подспудной интернализации повседневной политической практики, которая неизбежно оставляла свой след в мыслях и чувствах подданных европейских суверенов. Однако нам хотелось бы подвергнуть более пристальному рассмотрению *теоретический* аспект данного явления, задавшись одним вопросом: а каким образом феномен абсолютизма конкретно освещался и претворялся в литературных произведениях авторов — современников «классических» абсолютных монархий Западной Европы?

Поскольку цель данной статьи заключается в описании основных принципов абсолютистского (либо роялистского) мышления в начале Нового времени, то справедливо указать на тот давно устоявшийся в «традиционной» исторической науке взгляд, что именно в этот период, в первую очередь во Франции, практически полностью складывается так называемый «классический» абсолютизм. Когда после 1615 года французские Генеральные штаты¹ перестали созываться, их полный упадок положил конец установленному еще во времена правления достославного короля Франции Филиппа IV Красивого (1285–1314) принципу, согласно которому *любые*

¹ Генеральные штаты — высшее совещательное учреждение сословного представительства в средневековой Франции в 1302–1789 годах. Возникновение Генеральных штатов было связано с ростом городов, обострением социальных противоречий и классовой борьбы, что вызывало необходимость укрепления феодального государства.

изменения в политике налогообложения обязательно требуют согласия налогоплательщиков, принадлежавших во Французском королевстве к третьему сословию.

В 1620-х годах король Людовик XIII Бурбон (1610–1643) практически полностью покорил гугенотов в результате того своеобразного «крестового похода», в ходе которого воинствующий католицизм был поставлен на службу французской монархии. В 1630-х годах крупномасштабная война Франции с Испанией привела к значительному усилению военного и политического потенциала французской короны, поскольку войска можно было использовать не только для разгрома врагов за рубежом, но и для подавления восстаний внутри страны. Тем, что введение института интендантов во Франции поставило под контроль центральной власти местное самоуправление, и французские интенданты возложили на себя также функции военного управления, данной тенденции был придан дополнительный импульс. После вынужденного временного отступления в годы борьбы с силами мятежной Парламентской фронды королевская власть во Франции возобновила свое восходящее развитие.

В итоге в последние десятилетия XVII века французский абсолютизм вступил в подлинный «золотой век», когда великий король Людовик XIV (1643–1715) завершил дело, начатое знаменитыми министрами-кардиналами Ришелье и Мазарини. Централизованное государство с крепкой абсолютистской властью, с одной стороны, создавало благоприятные условия для развития внутреннего рынка, однако, с другой, — *абсолютизм консервировал сословную структуру общества* и стоял на страже древних феодальных привилегий власть предрежащих. В 1673 году парижский парламент² был официально лишен права возражать против королевских указов перед их регистрацией; в 1682 году Декларация духовенства Франции совершенно недвусмысленно провозгласила полную независимость французских королей от папского престола во всех мирских вопросах; а в 1685 году был упразднен Нантский эдикт, гарантировавший свободу вероисповедания гугенотам.

В других европейских государствах события в общем и целом развивались аналогичным образом. В 1660 году Датские штаты были созваны в последний раз, а в 1680 году шведский Риксдаг организовал «конституционную революцию» в стране, которая фактически ввела в Швеции абсолютизм. В то же время в Пруссии Великий курфюрст без согласия легислатур взимал налоги и использовал войска для осуществления своей «государевой воли». Без преувеличения можно утверждать, что к концу XVII столетия абсолютизм был в основном сформирован или находился в процессе ускоренного

² Парламенты — высшие судебные учреждения феодальной Франции (высшая судебная инстанция по гражданским и уголовным делам). Парламенты были учреждены при короле Людовике IX Святом, в них служили образованные «легисты», а должности членов парламента покупались и передавались по наследству, что делало их обладателей относительно независимыми по отношению к королевской власти.

становления в большинстве из крупных европейских государств. В немногочисленных тогда европейских «олигархических» республиках — Голландии, Швейцарии, Венеции, Флоренции — также находились граждане, которые активно выражали или поддерживали абсолютистские идеи. Даже в самой «колыбели демократии» — Англии — триумф абсолютизма иногда казался весьма вероятным и был предотвращен только казнью одного короля и низложением другого.

Очевидно, что королевская власть возрастала и укреплялась в тот период во многих (если не во всех) крупных европейских государствах, но, тем не менее, исполнение воли монарха всегда требовало сотрудничества местных элит, а необходимость заручиться поддержкой провинциальной знати накладывала строгие ограничения на реальную свободу действий суверена. Растущее осознание этой очевидной истины побудило некоторых историков говорить об уточнении или даже о радикальном пересмотре существующих представлений об абсолютизме: историк Эндрю Лосски, например, утверждал, что «необходимо ввести в научный оборот концепцию „ограниченного абсолютизма“, для того чтобы верно описать правление Людовика XIV» [1, р. 15]. Создается впечатление, что термин «абсолютизм» в принципе не обладает серьезной научной ценностью для анализа политической практики раннего Нового времени, — хуже того, его использование может породить ошибочные представления о том, что абсолютные государи правили совершенно произвольным или даже деспотическим образом (либо, по крайней мере, они могли бы править так, если бы того вдруг возжелали), а политические структуры европейских государств соответствовали лишь одной единообразной абсолютистской модели. Не следует упускать из виду и то, что существуют также и некоторые проблемы с использованием термина «абсолютист» для описания теоретиков абсолютной монархии (в отличие от практикующих политиков) в начале Нового времени.

Известный историк политической мысли Нового времени Джеймс Дейли довольно ясно продемонстрировал, что в Англии в ту эпоху не существовало единой, устоявшейся теории абсолютной монархии, а современники использовали данный термин совершенно произвольно [см. подробнее: 2, р. 227–250]. Можно было бы подумать, что в основе такого восприятия употребления лежит сущностный момент, — не было согласия относительно природы абсолютной монархии, поскольку не существовало «подлинных» абсолютистов. Однако на самом деле, как мы ниже убедимся, в Англии, как и на континенте, были свои абсолютисты. Что бы ни было правдой в отношении практики, термин «абсолютист» просто *полезен* для теоретического описания того особого круга идей, которые были распространены в большей части тогдашней Европы, а понимание этих идей проливает свет на намерения и, следовательно, на сами политические «экзерсисы» королей или иных высокопоставленных государственных деятелей в начале Нового времени.

Прежде чем продолжить наши рассуждения, обратимся к некоторым наиболее общим определениям. «*Абсолютизм* [фр. absolutisme <лат. absolutus — неограниченный, безусловный] — абсолютная, неограниченная монархия, самодержавная власть, форма правления, при которой верховная власть принадлежит неограниченно одному лицу — монарху»³. В Энциклопедическом юридическом словаре мы находим в общих чертах сходную с вышеприведенной, но более конкретизированную дефиницию «*абсолютной монархии*» как разновидности монархической формы правления, характеризующейся юридическим и фактическим сосредоточением всей полноты государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной), а также духовной (религиозной) власти в руках монарха⁴.

Необходимо отметить, что *в начальную пору Нового времени теоретические концепции неограниченного монархического правления, без сомнения, носили прогрессивный характер*, поскольку именно в этот исторический период (когда возник совсем недолгий паритет между «нисходящей» феодальной и «восходящей» буржуазной социально-экономическими формациями) происходит постепенный переход наиболее могущественных автократов Западной Европы к режиму абсолютной власти (Франциск I Валуа, Карл V Габсбург, Генрих IV Бурбон, Карл I Стюарт и др.). Западноевропейская политическая мысль в раннее Новое время предпринимает серьезные усилия для теоретического обоснования целесообразности абсолютной монархии как единственно оптимальной формы правления, что оказалось особенно актуальным в период кризиса «легитимных» монархий, вызванного «туром» буржуазных революций в Западной Европе (Нидерланды и Англия). Естественно, в столь тревожные для судьбы самодержавия времена европейские государи, их бюрократический аппарат и многочисленные служители двора были кровно заинтересованы в теоретическом обосновании политическими мыслителями суверенного «божественного права» монархов на отправление всей полноты публично-властных функций без каких-либо изъятий либо ограничений.

Западноевропейские «абсолютисты» XVI–XVII веков представляли собой группу весьма разнохарактерных мыслителей, которых объединяла уверенность в том, что государь несет ответственность перед одним лишь Господом Богом за свои действия в пределах подвластного государства; его веления должны неуклонно исполняться подданными, но при условии, если они не противоречат божественному позитивному либо естественному праву; и если подданные никогда не оказывают активного сопротивления правителю (или тем, кто действует по его приказанию). Сувереном мог быть любой конкретный человек и даже группа лиц, поскольку, хотя абсолютисты обычно предпочитали монархию аристократии или демократии,

³ Словарь иностранных слов. М., 1987. С. 8.

⁴ См.: Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. М., 1999. С. 7.

они не всегда твердо придерживались тезиса о том, что монархия — единственная допустимая форма правления.

Таким образом, с вышеприведенным (впрочем, как и с любым другим) определением абсолютизма возникают очевидные трудности. Причина этого кроется в том, что не существовало какой-то *единой* абсолютистской теории, а скорее, имело место несколько различных традиций политической мысли, которые в раннее Новое время использовались для «освобождения» правителей от ответственности перед подданными. Одна из таких традиций заключалась в идее «божественного права королей», предполагавшей, что все правители (независимо от того, подлинные они государи или нет) получают политическую власть *непосредственно* от Господа Бога. Разумеется, многие абсолютисты весьма охотно восприняли эту теорию, однако у них находились «коллеги», полагавшие, что правитель получает политическую власть от давнего и необратимого предоставления сего дарования народом.

Некоторые политические мыслители, которые выводили королевскую власть непосредственно от Бога, верили, что суверен по своему произволу не может легальным образом изменять человеческие законы, именно поэтому таких мыслителей нельзя с легкостью отнести к абсолютистам. Еще одним моментом, по которому абсолютисты принципиально расходились во мнениях, выступал характер взаимоотношений между мирской властью государя и духовной властью церкви. Например, Уильям Барклай и Паоло Сарпи придерживались диаметрально противоположных взглядов на проблему взаимоотношений церкви и государства, однако их общие политические позиции были настолько близкими, что нам кажется вполне целесообразным называть их обоих «абсолютистами» [см. подробнее: 3, р. 58–59].

Хотя многие абсолютисты и придерживались иных позиций по принципиальным вопросам политики, но смотрели на государя как на суверена и верховного создателя и толкователя человеческих законов (по крайней мере, в мирских вопросах), и практически все они считали, что суверен не может быть свергнут ни церковью, ни своими подданными. Роялистов же, напротив, нелегко конкретно определить с точки зрения какой-либо последовательной политической доктрины, хотя само понятие «*роялист*» обозначало, как правило, приверженца королевской власти, то есть монархиста⁵. Этот термин широко использовался в Англии в 1620-х годах иногда для обозначения королевского абсолютиста, а иногда, по-видимому, для обозначения тех, кто поддерживал «самодержавную» налоговую и финансовую политику английского короля. Однако только в 1640-х годах данный термин вошел в широкое употребление, и тогда им обычно обозначали сторонников короля Карла I Стюарта (1625–1649) в Гражданской войне [4, р. 152].

Ряд наиболее известных «пропагандистов» английского короля в 1640-х годах были абсолютистами, хотя они обычно и умеряли свои

⁵ См.: Словарь иностранных слов для школьников. М., 2010. С. 366.

абсолютистские притязания с целью понизить градус общественного неприятия самодержавной власти, однако многие сторонники Карла I (в том числе Фольклэнд и Эдвард Бэгшоу) практически полностью отвергали абсолютистское мышление. Вряд ли было разумным навязывать английским роялистам периода Гражданской войны какую-либо серьезную интеллектуальную глубину и логическую последовательность в отстаивании своих политических воззрений. Вполне возможно, что «роялизм» лучше всего определить просто как принципиальную интенцию конкретного лица поддерживать своего монарха в политических спорах, ибо не все роялисты были абсолютистами, — в равной мере, как и не все абсолютисты были роялистами. Во время Гражданской войны в Англии многие парламентарии утверждали, что в каждом государстве есть или, по крайней мере, должен быть некий «абсолютный суверен», они же одновременно отрицали, что в Англии суверенитет принадлежит именно королю. Однако по данному вопросу нас в первую очередь должны интересовать сторонники *королевского абсолютизма*, то есть роялисты.

Вооружившись всеми вышеприведенными определениями, мы теперь в состоянии исследовать природу абсолютистского мышления и проследить его развитие в начале Нового времени. Особое внимание мы сосредоточим на абсолютизме во Франции и в Англии, значит в странах, по ряду важных аспектов издавна сльвущих противоположными либо даже антагонистическими политическими системами. Но если в аргументах, выдвигаемых абсолютистами в этих передовых европейских странах, и существуют заметные различия в деталях, то очень многие фундаментальные абсолютистские утверждения в равной степени высказывались мыслителями по всей Европе и по обе стороны конфессионального рубежа между протестантами и католиками. Первым крупным эпизодом в истории абсолютистской мысли раннего Нового времени стала полемика об отношениях церкви и государства, ставшая следствием «Венецианского интердикта», наложенного на Венецию почти одновременно с принятием от английских католиков присяги на верность королю Якову I Стюарту (1603–1625), а не папе римскому, в 1606 году, то есть через год после печально известного «порохового заговора». В этой дискуссии ряд французских и венецианских католиков встали на сторону английских (а также французских и немецких) протестантов, подобные международные и межконфессиональные «союзы» повторялись и позже — на протяжении всего XVII столетия.

В 1644 году Синод гугенотов города Шарантона осудил действия своих английских единоверцев, поднявших оружие против своего короля, а в 1690 году и гугенот Пьер Бейль, и католик Жак-Бенинь Боссюэ раскритиковали теоретические воззрения Пьера Жюрье о народном суверенитете [см. подробнее: 5, р. 332–333]. Политическая аргументация Боссюэ иллюстрирует еще один существенный момент, касающийся абсолютистского мышления в начале Нового времени, а именно серьезный недостаток в его

положительном развитии, и если смена акцентов в указанный исторический период действительно имела место, то лежавшие в основе теории абсолютизма аргументы оставались, по большей части, инвариантными. Давайте теперь и мы перейдем к более подробному рассмотрению этих базовых аргументов.

Теоретическое осмысление феномена абсолютной монархии

Основные цели писателей-абсолютистов заключались в том, чтобы, во-первых, защитить независимость государя конкретной державы от иностранной (в особенности папской) юрисдикции во всех «мирских» вопросах; во-вторых, положить конец ограничениям на правление монарха в пределах подвластной страны. Обе поставленные авторами цели обычно достигались апелляцией к концепции суверенитета Жана Бодена. Суверенитет нередко рассматривали как логически необходимую черту любого государства, хотя чаще он изображался как единственная практическая альтернатива анархии и (учитывая «греховную и падшую» природу человека) беспределу хаоса. Только суверен должен обладать принудительной властью в государстве, утверждал Жак-Бенинь Боссюэ, «иначе все превратится в неразбериху, и государство вернется к анархии» [6, р. 111]. Разделить суверенную власть короля на отдельные ветви означало бы подорвать мир в государстве и нарушить библейскую заповедь, согласно которой никто не должен служить двум господам [6, р. 112–113]. «Невозможно, — заявлял ораторианец⁶ Жан-Франсуа Сено в 1661 году, — разделить власть и [при этом] сохранить мир» [7, р. 24]. «Без королей — провозгласил Х. Дю Буа в 1604 году, — человеческая жизнь была бы ни чем иным, как [ужасной] неразберихой и беспорядком» [8, р. 23]. «Уберите суверенитет с лица земли, — утверждал англичанин Роберт Болтон в 1621 году, — и вы превратите мир в арену петушиных боев. Люди стали бы головорезами и каннибалами друг для друга... У нас начался бы настоящий ад на земле, и лицо Земли было бы залито кровью, как некогда было [покрыто] водой» [9, р. 10]. Соглашение между людьми было бы возможно только в том случае, если бы они подчинялись единому правительству, которое объединяло бы их всех, подчеркивал Ж.-Б. Боссюэ, ибо даже [библейские патриархи] Авраам и Лот не смогли договориться, хотя они и были весьма благочестивыми людьми [6, р. 71–72].

Таким образом, необходимость суверенитета выводилась из рассуждений о человеческой природе и высших конечных целях человечества, а не просто из абстрактного понятия государства, что стало весьма важным моментом, поскольку он объясняет, почему появление боденовской доктрины суверенитета не заставило абсолютистов полностью отказаться от теоретизирования

⁶ Ораторианцы — католическое общество апостольской жизни, возникшее в 1558 году в Риме по инициативе святого Филиппа Нери.

в терминах божьих законов и человеческих потребностей. Концепция суверенитета сама по себе подкреплялась апелляцией к человеческой природе и потребностям людей: для выполнения божьих замыслов и своих собственных целей человеку требовалась защита абсолютного суверена, что относилось даже к состоянию первоначальной невинности райского сада, ибо там люди, естественно, были готовы повиноваться, однако после грехопадения гордыня привела человечество к непослушанию, а властное принуждение стало просто необходимым. Неограниченный и неделимый суверенитет оказывался обязательным фактором для безопасности государства и не имело большого значения, может ли политическое сообщество, в котором суверенитет был каким-либо образом разделен, быть строго классифицированным именно как государство. Существенным моментом в судьбе такого сообщества является то, что оно просто не смогло бы долго существовать. Согласно высказываниям Адриана Саравии (уроженца Фландрии, который провел последние годы своей жизни в Англии, защищая протестантский истеблишмент от критических нападок монархомахов), смешанное правительство означало бы неминуемую гибель для любого политического сообщества [10, р. 163–164]. По мнению известного гугенотского богослова Муаза Амиро, гражданская война в Англии возникла именно из-за того, что суверенитет был фактически разделен между королем и парламентом; во Франции, напротив, только один король был суверенной персоной, и государство находилось в относительной безопасности [11, р. 143]. «Ни один благоразумный человек не сомневается, — доказывал Исаак Касобон (гугенот, защищавший Венецию во времена Папского интердикта, а позже отправившийся в Англию, где он исправно служил королю Якову I в его политических спорах с католиками), — что благополучие государства не может быть обеспечено, если в нем не существует единого суверена; независимо от того, управляется ли государство одним человеком, как в монархии, либо большим числом [людей], как в аристократии или демократии. Ибо даже в этих последних формах суверенитет неразделим» [12, р. 89–90].

Правомерно было бы выдвинуть предположение, что стабильные государства в принципе должны отличаться *простыми* формами правления, представляя собой монархию, аристократию либо демократию, однако данный подход в корне противоречит известным политическим доктринам авторитетных античных теоретиков — вроде Аристотеля или Полибия, — всегда предпочитавших *смешанные* формы правления формам простым. В политической мысли раннего Нового времени форма правления в государстве определялась по большей мере конкретным локусом нахождения суверенитета, то есть государь, чья власть была каким-либо образом ограничена, не являлся тем самым суверенным монархом. Там, где народ мог призвать своих правителей к ответу, полагал Марк-Антонио де Доминис (венецианец, который также служил английскому королю Якову I в его антипапской полемике), государство было демократическим (ссылку на «смешанное

правительство» в трактате де Доминиса следует истолковывать в свете данного тезиса) [13, р. 531]. Подобным же образом король, получивший свою власть от папы римского, никоим образом не становился настоящим сувереном: короли Англии, рассуждал Карден Лебре, всегда получали свою власть от предстоятелей римско-католической церкви и вследствие этого они никогда не обладали подлинным суверенитетом [14, р. 10].

Из трех простых форм правления монархия обычно трактовалась как наилучшая, и данный тезис был подкреплён посредством и эмпирических, и метафизических оснований. Монархия на земле наиболее близко соответствовала владычеству Господа Бога над вселенной, господству орла над остальными представителями птичьего племени или владычеству льва над царством зверей и уподоблялась совершенно удивительному правлению «женственного монарха» из мира насекомых, — пчелиной матке над ульем — прекрасной модели образцового политического содружества [см. например: 15]. Подобные аналогии, подкреплённые неоплатонической концепцией вселенной как строгой иерархии, в которой каждая часть связана со всеми остальными посредством качества подобия либо соответствия, фигурировали в абсолютистских сочинениях на протяжении всего XVII столетия [использование подобий в английской политической мысли начала XVII века подробнее см.: 16, р. 1–94]. Указанные неоплатонические предпочтения авторов никоим образом не вступали в противоречие с аргументами из всемирной истории или социально-политической практики, поскольку и сама история в те времена интерпретировалась в свете этических либо метафизических предпосылок.

Жана Бодена порой рассматривают как ранний прообраз современного «политолога», но ясно, что его «научная» методология, даже если она и являлась бы в полной мере индуктивной, в действительности опиралась на выводы из тех первых принципов, некогда послуживших основанием его собственного мировоззрения, формировавшегося под сильным влиянием перипатетизма: теория а priori определила то, что Боден нашел в истории а posteriori. Известный трактат Ж.-Б. Боссюэ «*Рассуждения о всемирной истории*» (1681) также был весьма густо пропитан совершенно предвзятыми представлениями о многих событиях прошлого, кроме того, обильно наполнен религиозными идеями провиденциализма.

Можно было бы предположить, что использование авторами абсолютистами аналогий и цитат из Св. Писания несколько уменьшилось в течение XVII века, в то время как апелляция к разуму стала более распространенным явлением, хотя и масштабы таких изменений не следует преувеличивать. В 1661 году Ж.-Ф. Сено все еще придерживался традиционной идеи о том, что человек является микрокосмом внутри большой вселенной, и использовал аналогии с другими частями творения для выдвижения аргументов о человеческом обществе [см. подробнее: 7, р. 2–4]. В конце XVII века Ж.-Б. Боссюэ завершает свой политический *opus magnum* — «*Политика*,

составленная на основе слов, почерпнутых из Св. Писания» (трактат впервые опубликован в 1709 году), в котором он совершенно открыто и последовательно делал политические выводы из библейских текстов.

В то же время рационализм отчетливо проявляется в абсолютистских аргументах политических писателей с самого начала XVII столетия. В 1649 году Клод де Сомез вполне серьезно заявлял, что, апеллируя не к примерам, а к «разуму», он разработал совершенно «новый вид аргументации» [17, р. 314], хотя на самом деле ни методология де Сомеза, ни его конкретные аргументы не являлись ни в малейшей степени оригинальными, да и примеры из Св. Писания долгое время считались совместимыми с разумом как с законом природы. Св. Писание и естественный закон, заявил знаменитый Джон Милтон в ответ де Сомезу, «полностью совпадают». Великий поэт Британии особо подчеркивал, что это всегда было его выстраданной точкой зрения, коль скоро и Библия, и разум в равной мере служили проводниками к Божьему закону [18, р. 267].

Не подлежало сомнению, что Господь Бог управлял всей вселенной с помощью особых установлений или законов: некоторые из их числа были *позитивными* и применялись только в определенное время и в определенном месте, примерами чему могут служить судебные и церемониальные законы Моисея, данные Богом евреям в Ветхом Завете, и законы благодати, открытые христианам и разъясняющие природу и правомочия христианской церкви; другие божественные законы были *естественными*, применяемыми вечно и выводимыми из очевидных истин о человеческой природе. Повинуясь законам природы, люди могли бы поспособствовать своему собственному материальному благополучию и тем самым приобрести свободный досуг для достижения духовного блаженства как наивысшей мыслимой цели бытия, однако повиновение естественному праву не приводило людей ко спасению, ибо падший человек мог быть спасен одной только божьей благодатью. Протестанты расходились с католиками в понимании установлений теологии благодати, но это не помешало им прийти к согласию относительно содержания закона природы, ибо именно на законе природы — *разуме* (*voûς* или *λόγος*) — были основаны базовые политические принципы, которые делали объяснимой ту парадоксальную ситуацию, когда религиозным оппонентам удавалось довольно легко объединяться в политическом теоретизировании.

Цель закона природы состояла в том, чтобы привести человечество к материальному благосостоянию, в то время как содействие общественному благу являлось главной моральной обязанностью. «Целью законного короля, — подчеркивал Сено, — является общественная польза» [7, р. 18]. Касобон также придавал первостепенное значение обязательству суверена «обращаться к общественному благу» [12, р. 89]. В то же время считалось, что естественное право налагает абсолютные (но конкретные) обязанности, резюмированные в десяти библейских заповедях, и это неизбежно порождало вопрос: что следует делать, если соблюдение одной из этих заповедей

привело к общественному бедствию? Ответ заключался в том, что подобное совершенно невозможно, ибо повиновение божьим заповедям всегда было благотворно, в то время как божественное провидение неизменно насылало бедствие на тех, кто заповедям не повиновался, даже если намерением такого непослушания и было поспешествовать общественному благу. «Нечестие [государей] — причина всех несчастий государств», — утверждал Сено, тогда как благочестие даровало безопасность монархам и благоденствие их королевствам [7, р. 175, 162].

Только повинувшись божьим заповедям, государи могли способствовать благосостоянию своих подданных, и монарх был ответственен за свои действия лишь перед одним Господом Богом. Ж.-Б. Боссюэ напоминал королям, что это ужасное святотатство — злоупотреблять властными полномочиями, дарованными им самим Господом Богом [6, р. 150]. Жан де Лабрюйер подчеркивал всю тяжесть задачи монарха: государь был ответственен перед Богом за все свои действия, предпринимаемые ради благополучия своих подданных, и невежество государя никогда не смогло бы послужить ему оправданием [19, р. 249]. Карден Лебре подчеркивал всю «суровость кар», которые Бог будет налагать на правителей, не выполнивших свой долг, хотя верно было и то, что король, который был подотчетен своему народу, не был истинным монархом, и что все суверены были ответственны только перед Богом [14, р. 9].

Однако то обстоятельство, что правители не подчинялись никакой мирской власти, никоим образом не подразумевало, что их проступки и злодеяния останутся навечно сокрытыми и вовсе безнаказанными: все государи без изъятий и исключений всегда *были подчинены* ужасающему величию Божию. Идея о том, что все суверены подчиняются власти только лишь одного Господа Бога, была центральной в абсолютистской мысли. Зачастую, хотя и далеко не всегда, она сопровождалась представлением о том, что суверены получают свою власть непосредственно «из рук» Всевышнего. Существовал довольно широкий общественный консенсус в отношении того положения, что бог устроил человеческую природу таким образом, что людскому племени просто *необходимо* какое-либо правительство. «Правительство, — утверждал Роберт Болтон (в пассаже, который он, видимо, позаимствовал у француза Пьера Шаррона), — является опорой и столпом всех государств и королевств, цементом и душой человеческих дел, жизнью общества и порядком, тем самым жизненно важным духом, благодаря которому многие миллионы людей дышат жизнью в мире и достатке; и все естество [человеческих] вещей [поэтому] существует» [9, р. 10; сравните с: 20, р. 266]. Правительство, рассматриваемое абстрактно, было предопределено самим Провидением стать тем инструментом, с помощью которого люди могли достигать преходящих «мирских» целей, присущих человеческой природе и, таким образом, правительство было, в известном смысле, промыслом божьим.

Но из этого совсем не следует, что полномочия конкретных правителей исходили непосредственно от самого Господа Бога. Ибо данный тезис можно было бы оспорить в том смысле, что Бог сначала даровал политическую власть всякому независимому множеству, а монархии (или аристократии) возникали только тогда, когда суверенный народ передавал верховную власть одному лицу (либо нескольким лицам). Также вполне возможно, что передача публичной власти происходила на определенных условиях, оговоренных обществом. И если тот или иной суверен прямо бы нарушил эти условия, то власть снова бы вернулась к народу.

Абсолютисты полностью отвергали представления о том, что короли подчиняются договорным ограничениям, наложенным на них изначально суверенным народом, и что государям всегда возможно оказать сопротивление либо даже их низложить, если они проигнорируют эти ограничения. Некоторые абсолютисты утверждали, что власть монарха на самом деле не была получена в результате акта передачи власти народом, то есть, может быть первоначальное множество и могло бы назначить одного человека (или ряд лиц) своим правителем (или правителями), но все эти правители черпали свою власть только от одного Господа Бога. Власть мужа над своей женой и детьми была естественной, ибо Бог как бы запечатлел мужскую и отцовскую власть в человеческой природе; и хотя согласие жены делало определенного мужчину ее мужем, но только один Господь Бог даровал власть мужьям и отцам в семье [см. подробнее: 13, р. 527–528; 21, р. 113].

Точно так же нередко утверждалось, что королевская и папская власть исходят непосредственно от Господа Бога, хотя первоначально короли и могли избираться своим же народом, а римские понтифики, согласно давнему обычаю, избирались кардиналами папской курии в Ватикане. В обоих указанных случаях выборы лишь *выдвигали* кандидатуру того или иного правителя, но не *передавали* ему власть, а значит, и королевская власть исходила только от одного Господа Бога, и посему только перед Богом единым монарх был ответственен за ее осуществление [см. например: 22, р. 28; 23, р. 291]. Данная теория происхождения правительства была широко распространена на протяжении всего раннего Нового времени. По одной из ее версий, царская и отцовская власть были не просто сходны (в том смысле, что обе исходили только от Господа Бога), а *полностью тождественны*. Другими словами, *власть любого независимого отца над своим потомством была королевской властью, но и наоборот, власть короля над своими подданными была совершенно патриархальной*.

Отождествляя королевскую власть с патриархальной, политические мыслители смогли использовать традиционную социальную теорию, в которой подчеркивалась установленная богом обязанность детей повиноваться своим отцам, в интересах монарха. Писатели также смогли опровергнуть расхожее утверждение о том, что первые государства были независимыми, самоуправляющимися политическими сообществами, ибо если патриархальная

власть была тождественна царской, то из этого прямо следовало, что первые отцы — и в особенности сам великий патриарх Адам — были и первыми царями, а монархия, таким образом, оказывалась *первоначальной* формой правления на Земле вообще.

В то время как в материковой Европе, так и на Британских островах, многие авторы утверждали, что королевская власть исходит непосредственно от самого Господа Бога, другие соглашались с мнением, что община изначально была суверенной, но тем не менее делали из этой предпосылки абсолютистские выводы. Они утверждали либо то, что первоначальная передача власти общиной правителю была безоговорочной, либо то, что власть государя возникла в результате завоевания (что с точки зрения политической морали было эквивалентно абсолютной передаче власти), либо, наконец, что предполагаемые последствия любой попытки наложить на правителя договорные ограничения, вероятно, были бы настолько неприятны, что их всегда следовало бы избегать. Идея о том, что королевская власть возникает из дарования народа, нередко высказывалась в XVI столетии во Франции, — во время бушевавших религиозных войн, из которых как гугеноты, так и члены католической Лиги извлекли в полной мере радикальные выводы. Эта идея продолжала процветать и в XVII веке, хотя все чаще использовалась в целях обоснования абсолютизма.

Одно из главных изменений в католической идеологии в XVII столетии заключалось именно в неуклонно нараставшем консерватизме, в контексте которого интерпретировалась мысль первоначальной передачи власти от сообщества суверену, а во Франции такое развитие было связано с весьма успешным приравниванием королевскими протагонистами высказывания антиабсолютистских идей к исповеданию протестантизма.

В 1614 году Жан Барикав, французский католический священнослужитель, опубликовал (в духе эпохи) дословное опровержение знаменитого гугенотского трактата *«Защита [свободы] против тиранов»* (1579), автором которого принято считать легендарного «монархомаха» (названием «монархомахи» или «тираноборцы» история политико-правовой мысли обязана стороннику абсолютизма Барклаю, который в одном из своих сочинений назвал сторонников идеи о низложении или даже об убийстве государя тираноборцами) Филиппа Дюплесси-Морне, творившего под говорящим псевдонимом «Юний Брут». Согласно Барикаву, именно протестанты — Уиклиф, Лютер и Кальвин — первыми выдвинули идею о том, что подданные могут на вполне легальных основаниях поднять оружие против своего государя. Хотя сам Барикав признавал, что некоторые католики придерживались похожих взглядов, он настаивал на том, что они заимствовали эти вредоносные идеи именно у протестантов [см. подробнее: 24, р. 15, 91].

Ж. Барикав также утверждал, что намерение кальвинистов во Франции состояло в том, чтобы ввести в государстве республиканизм по образцу Женевы либо Соединенных провинций [24, р. 153; германский император

Фердинанд II сходным образом приравнивал протестантизм к политической нелояльности, — см. подробнее: Evans 1979, p. 68]. Более того, именно подобного рода политические идеи гугенотов оказали столь пагубное влияние на восприимчивое сознание радикально настроенного католика Франсуа Равальяка, на долгие времена «прославившегося» убийством знаменитого французского короля Генриха IV Бурбона (1589–1610). Доктрина видного испанского историка и политического мыслителя, иезуита Хуана де Марианы о сопротивлении тираническому правлению была совершенно справедливо осуждена в католической Франции, и все же ее аргументация оказалась менее губительной, чем аргументация протестантской «Защиты» [см. подробнее: 24, p. 91, 241].

Аргументы француза Барикава были аналогичны аргументам тех вполне лояльных английских протестантов, которые также осуждали теории сопротивления как папистских, так и пуританских монархомахов, хотя в большей степени обрушивали свою критику на папистов, то есть в обеих странах отождествление религиозного инакомыслия с антиабсолютистскими политическими идеями было обычной частью роялистской идеологической полемики. В Англии, однако, отождествление папства с мятежом против законной власти так никогда в полной мере и не превратилось в идеологический «mainstream», поскольку, начиная с 1620-х годов, противники абсолютизма не менее убедительно доказывали, что политика папства в действительности связана с произволом «легального» правительства, и французский опыт только подтверждал правоту их тезиса [см. например: 25; 26; 27].

Жан Барикав осуждал глубокое невежество таких людей, которые не понимали, что Господь Бог наделяет римских пап или королей их властью, используя для этого всех тех, кто их избирает, просто «для обозначения и наименования [конкретной властвующей] персоны» [24, p. 343]. Князья, таким образом, получали свою власть и суверенитет непосредственно от Господа Бога: между Богом и государем никогда не могло быть никаких посредников. Несмотря на высказанные Барикавом подозрения о нелояльности гугенотов, многие протестантские мыслители придерживались точно такой же позиции, которая была озвучена Национальным синодом гугенотов в 1617 году, и теории законного сопротивления власти нечасто формулировались французскими протестантами в XVII веке [см. подробнее: 28; p. 111–112; период после 1685 года и воззрения теоретика сопротивления П. Жюрье см.: 29]. Идея божественного права королей в принципе не ограничивалась какой-либо одной религиозной или профессиональной группой: согласно высказываниям известного юриста и правоведа Жана Домата, «власть государей исходит непосредственно от Господа Бога» [30, p. 142]. Галликанский епископ Пьер де Марка заявлял, что идея первоначальной передачи государственной власти от народа королю не только анархична по своей природе, но и прямо противоречит Св. Писанию, в котором ясно указано, что «королевская власть непосредственно даруется

Богом каждому государю». Пускай первоначально монархи и могли бы быть избранными, — хотя даже здесь Бог вдохновлял самих выборщиков, — но их власть исходила непосредственно от Бога как создателя закона природы [31, р. 147].

В Венецианской республике Паоло Сарпи аналогичным образом утверждал, что «в мирских делах абсолютные государи не подчиняются никому, кроме Бога, от которого непосредственно проистекает их власть» [32, р. 633]. Другой известный венецианец, Марк-Антонио де Доминис, подробно писал в защиту того же тезиса, оспаривая аргументы знаменитого испанского иезуита Франсиско Суареса в пользу первоначального переноса политической власти от содружества суверену, ибо, по мнению де Доминиса, было просто кощунственным предполагать, что Господь Бог изначально установил демократию, — эту *наихудшую из существующих форм правления* [13, р. 919–920]. Когда де Доминис в 1616 году приехал в Англию, там в общественном пространстве уже некоторое время циркулировали подобного рода идеи: английский король Яков I Стюарт полагал, что монархи получают свою власть только от Господа Бога, хотя личность короля иногда и определялась общенародными выборами. Томас Мортон (который защищал клятву верности Якова I против католицизма) вслед за венецианцем Иоганнесом Марсилием проводил четкое различие между происхождением королевского титула и источником монаршей власти, ибо «титул властителей никогда не бывает совершенно лишен человеческих установлений, но сама власть исходит непосредственно от Господа Бога» [33, р. 246]. Согласно мнению англиканского епископа и богослова Ланселота Эндрюса, земные владыки черпают свою власть только от одного Господа Бога и, по крайней мере, в некоторых случаях (израильские цари Саул или Давид) их персоны также были назначены Им Самим [см. подробнее: 34, р. 18–21]. Сэр Роберт Филмер (его тесть был предшественником Эндрюса на кафедре епископа Эли) считал, что Бог первоначально даровал патриарху Адаму царскую власть, хотя он и признавал, что не все последующие государи являлись прямыми потомками самого Адама. И хотя провидение могло сменить правящую династию и даже изменить саму форму правления в государстве, но, тем не менее, каким бы образом правитель ни приобрел свой княжеский титул, его власть по-прежнему исходила только от одного лишь Господа Бога [35, р. 62].

Теоретический аспект проблемы пределов абсолютизма

Абсолютистское мышление на протяжении раннего Нового времени было чрезвычайно разнохарактерным и зачастую совершенно неопределенным в отношении ключевого вопроса политической философии эпохи: существуют ли в принципе и каковы действительные пределы политической власти абсолютного монарха? К примеру, в Англии после драматических событий

1649 года некоторые бывшие роялисты смогли неплохо приспособиться к новому режиму, как будто вовсе и не поступаясь своими былыми монархическими принципами, а сторонники «политического» провиденциализма могли бы истолковать Индепендентскую республику лорда-протектора Оливера Кромвеля как испытание, предопределенное Провидением. В то же время последовательные сторонники правления легитимной династии Стюартов оказались вынужденными несколько модифицировать собственные политические доктрины, — вышеупомянутый нами сэр Роберт Филмер — адепт теории «божественного права королей» — превосходный тому пример. Если в своей самой известной политической работе *«Патриарх»* (впервые опубликована в 1680 году) он подчеркивал, что Провидение может *изменить линию преемственности* власти и даже *сменить саму форму правления*, то несколько позднее он переменял мнение по обоим пунктам.

В политическом трактате *«Наставления о повиновении правительству в опасные или сомнительные времена»* (1652) Р. Филмер утверждал, что «узурпатор никогда не сможет получить права из истинного старшинства», но, что и среди узурпаторов самый древний имеет наиболее почетный титул [35, р. 234]. Одно из очевидных следствий неукоснительно строгого проведения этих принципов заключается в том, что, если бы знатоки генеалогии обнаружили наследника или самого Адама (как первого легитимного правителя на Земле) или гипотетического потомка некоего древнего узурпатора, притязания княжеского дома Стюартов на английский трон были бы тем самым подорваны. Оспаривая легитимность правового титула республики, он приводил аргументы, которые не только противоречили его более ранней теории, но и прямо ставили под сомнение властные притязания как династии Стюартов, так и, по сути дела, каждого владетельного дома в Европе. «Наставления» Филмера были добавлены к работе *«Наблюдения за политикой Аристотеля, касающиеся форм правления»* (1652), в которой писатель утверждал, что существует только одна подлинная форма правления, а именно монархия, то есть, как только монархическая форма правления была в Англии упразднена, он пришел к мнению, что немонархические формы правления просто недействительны.

«Казус» Р. Филмера прекрасно иллюстрирует, что Английская буржуазная революция и Гражданская война в Англии (1640–1660) привели к весьма заметным идеологическим сдвигам в английском обществе XVII столетия, хотя порой трудно определить, насколько такие сдвиги являлись скорее сущностными, нежели поверхностными; проблема права собственности является тому показательный пример. Перед Гражданской войной юристы и священнослужители, находящиеся на службе у короля, нередко отстаивали право Его Величества изымать имущество у подданных, а в случае необходимости — и без их согласия. Однако с 1640 года протагонисты и пропагандисты Карла I особо подчеркивали королевское уважение к праву собственности и необходимость согласия собственников на возможное изъятие имущества,

ибо, по их словам, это вовсе не король, а так называемый «парламент» угрожал имуществу подданных [36, р. 97].

После Реставрации многие роялисты также довольно осторожно высказывались или писали по вопросу о праве собственности. Граф Кларендон, например, был не согласен с идеей Томаса Гоббса о том, что суверены могут по своему произволу отнимать имущество подданных, и напоминал ему о «тех пагубных последствиях, которые должно повлечь за собой даже одно представление о том, что Нация утратила свою Собственность» [37, р. 109]. Гражданская война ясно продемонстрировала, что англичане просто души не чают в своей собственности и могут стать крайне жестокими, если право на собственность окажется кем-либо подорвано. Хотя многие английские роялисты после Реставрации хорошо усвоили этот урок, все же некоторые из них продолжали с упорством, достойным лучшего применения, утверждать, что монарх обладает абсолютной властью над собственностью своих подданных [38, р. 42].

Если в Англии на протяжении XVII века роялисты все более неохотно отстаивали право короля взимать налоги без согласия подданных, то во Франции, напротив, представление о том, что налогообложение обычно требует согласия населения, было довольно быстро разрушено. Сам великий Ж. Боден настаивал на том, что короли обязаны получить согласие своих подданных, прежде чем взимать налоги, хотя и он признавал, что это правило теряло свою силу при чрезвычайных обстоятельствах; он же рассматривал Генеральные штаты как вполне подходящее учреждение для голосования по налогам во Франции [см. подробнее: 39, р. 663–665]. Однако после 1615 года это важнейшее политическое учреждение Французского королевства практически вышло из употребления, хотя еще до этого многие французские теоретики отказались от идеи о том, что для утверждения королевских сборов обычно требуется согласие подданных: так, ни Шарль Луазо, ни Пьер де л'Оммо вообще не считали согласие необходимым условием налогообложения [см. например: 40, р. 328].

Ж. Барикав утверждал, что король может реквизировать имущество своих подданных с целью сохранить само государство, хотя только лишь насущная необходимость и общественное благо могли оправдать суверенов в захвате богатств своих подданных. В то же время, даже если бы у них и не было такого оправдания, подданный ни при каких обстоятельствах не смог бы оказывать сопротивление законному государю. Позже Карден Лебре решительно отверг идею о том, что суверены могут произвольно отбирать имущество у подданных. Он даже настаивал, что король не должен преследовать свою личную выгоду за счет подвластного ему народа. Общественное благо, однако, имело приоритет и поэтому превалировало над любыми частными интересами и, следовательно, король мог взимать налоги без согласия населения всякий раз, когда общественное благо требовало именно подобного правительственного курса [24, р. 632–637].

Людовик XIV Бурбон — возможно, самый знаменитый абсолютный монарх Нового времени — был уверен, что короли имеют «полное и свободное распоряжение над всем имуществом, которым владеют как духовенство, так и миряне», дабы использовать эти богатства в соответствии с потребностями своего государства. При этом французский король не удосужился упомянуть старую «популистскую» идею о том, что налогообложение требует общенародного согласия [41, р. 209]. Не сделал этого и Жан-Франсуа Сено, хотя он деликатно подчеркивал, что монархи не владеют имуществом своих подданных и что они всегда обязаны править в интересах всего общества. Только крайняя необходимость может оправдать рост налогообложения, подчеркивал он, а благоразумный король должен объяснить своим подданным, почему налоги необходимы, — в противном случае возможен риск восстания. Однако Сено критиковал французское налогообложение не столько за то, что король игнорировал общенародное согласие, сколько за то, что его поборы непропорционально ложились на бедных, вызывая неизбывные нужду и лишения [7, р. 350–356]. Франсуа Фенелон также подвергал довольно суровой критике катастрофические последствия самодержавной политики французского короля, при этом нисколько не отрицая само суверенное право монарха финансировать свои политические мероприятия налогообложением даже и без согласия подданных [42, р. 143–157].

Французские политические теоретики XVI–XVII веков заявляли, что всякий подданный королевства обладает правом собственности на свои земли либо на любое иное имущество; также они утверждали, что в деспотической либо сеньориальной монархии только король — как суверенный феодальный сеньор — обладает правом собственности. Однако во Франции раннего Нового времени королевское правление было абсолютным, а не деспотическим, то есть, *король не мог распоряжаться имуществом своих подданных по своему произволению*, не преступив норм справедливости, а существовавшая некогда сеньориальная монархия рядом писателей объявлялась противостоящей основополагающим христианским принципам [см. например: 6, р. 115; 19, р. 247]. Только изредка некоторые политические авторы отмечали, что народ Франции обладает не титулом полной собственности, а всего лишь одним правом узурфрукта на все категории имущества [см. например: 40, р. 259–260; 43, р. 428]. Правда, мыслители в основном сходились на том, что суверен может произвольно облагать население налогом лишь тогда, когда того настоятельно требует общественная необходимость. Но коль властный авторитет абсолютного монарха был непреодолим, то это требование утрачивало действенную силу.

Политэкономическая доктрина, гласящая о том, что насущная необходимость всегда оправдывает произвольное налогообложение, оказалась гораздо легче усвоенной обществом, когда подобная необходимость стала очевидной, — так, как это произошло во Франции в 1630-х годах. Однако среди теоретиков данный тезис завоевал широкую популярность еще задолго

до начала войны с Испанией, — его популярность сохранялась даже после того, как победа Франции стала казаться весьма вероятной. В 1640 году некий советник Парижского парламента заявлял, что в подобной налоговой политике нет нужды, поскольку войска короля Людовика XIII повсюду одерживали победы, однако несколько позднее упомянутый советник был арестован и отправлен в ссылку [44, р. 116].

В период Фронды идея о том, что налогообложение требует обязательного общенародного согласия и одобрения, действительно ненадолго возродилась, но впоследствии она довольно быстро и угасла. В то же время на Британских островах процветала аналогичная идея, — отчасти потому, что когда король Карл I взимал с населения так называемые «корабельные деньги», в стране не было очевидной чрезвычайной ситуации. До 1640 года *английские священнослужители нередко отстаивали право короля взимать налоги без согласия населения*, и конкретные сборы были подтверждены в известных судебных прецедентах: юридические решения порой базировались на специальных технических основаниях, а королевские права на собственность подданных обосновывались иногда ссылкой на «нормандское завоевание» 1066 года (!).

Адриан Саравиа утверждал, что после того, как Вильгельм I Завоеватель (1066–1087) получил земли Англии по праву войны, он милостиво вернул их во владение прежним собственникам, но «сохранил за собой прямое господство» (*directo sibi dominio reservato*) над ними» [10, р. 288]. Дадли Диггес говорил, что Вильгельм I Завоеватель предоставил своим подданным практически лишь «*полезное обладание*» (*utile dominium*) землей, а за собой удержал прямое господство [см. подробнее: 45, р. 91–116]. Однако главный аргумент в пользу внепарламентской процедуры налогообложения был основан не на каком-либо особом прочтении средневековой истории; так же как и во Франции, английские абсолютисты утверждали, что власть государя править в интересах общества включает в себя и право изымать любое имущество своих подданных, когда того потребует насущная политическая необходимость, и только сам суверен выступал единственным судьей в случае возникновения подобной необходимости [см. подробнее: 46, р.160–163].

Хотя кража и была совершенно запрещена восьмой библейской заповедью, в *общественных интересах абсолютисты «разрешили» государям экспроприировать имущество без согласия подвластного населения*. Но потворствовали ли они тем самым нарушению божественного закона ради продвижения принципов общего блага? При английском короле Карле I иногда выдвигалось утверждение, что в целях защиты «*государственных интересов*» суверен может совершать действия, которые в любом ином случае были бы неоправданными. Подобные утверждения сделались обычными во Франции в годы правления министра-кардинала Ришелье. Те, кто высказывал подобные мнения, нередко черпали свои идеи у знаменитого Никколо Макиавелли. Примером этому может служить Луи Машон, который

подготовил «Апологию Макиавелли» по просьбе самого кардинала Ришелье. Но тот же Машон стремился переосмыслить взгляды флорентинца, чтобы привести их в соответствие с нормами традиционной христианской морали [47, р. 416–430].

Работа Машона осталась неопубликованной, а большинство из современных ему теоретиков были гораздо более осторожны в восхвалении или пропаганде идей «великого и ужасного» Макиавелли, хотя, возможно, некоторые из них все же и подпали под его опасные чары. Далеко не очевидно, — свидетельствует ли рост разговоров о «*ragione di stato*» (государственный интерес — *итал.*) среди абсолютистов в начале XVII века об усилении влияния Макиавелли или о каких-либо иных значительных изменениях в моральном мышлении, хотя здесь и важны два следующих момента. Во-первых, так называемая «традиционная мораль» сама по себе придавала большое значение общественному благу; во-вторых, большинство теоретиков, которые писали в пользу макиавеллиевской «*ragione di stato*», с определенной мерой осторожности подчеркивали, что политическая власть суверена должна быть все-таки несколько ограничена его «христианскими обязанностями».

В 1625 году два памфлетиста-иезуита выступили с критикой внешней политики Франции, утверждая, что правительство королевства «анти-религиозно» ставит узконациональные интересы выше общецерковного дела всех католиков [47, р. 121–123]. В конце 1620-х годов и в 1630-е годы ряд французских католиков также смотрели с подозрением на политические союзы кардинала Ришелье с «еретиками» против Испании — этого важнейшего оплота католицизма — и обвиняли его в макиавеллистских практиках, — в согласии с политическими рецептами Макиавелли, кардинал подчинял христианскую мораль «светским» ценностям общественной безопасности. Однако подобные обвинения не следовало воспринимать слишком серьезно, ибо набожные католики-испанофилы сами придавали весьма большое значение поддержанию общественного блага, хотя и отрицали, что «наименьший грех против Бога может быть совершен ради благополучия всего государства» [48, р. 493]. Тем не менее, некоторые авторы считали, что действия могут перестать почитаться греховными при условии, если они совершаются в пользу общего блага. «Такова сила общественного блага, — утверждал английский католический священник и полемист Эдвард Уэстон, — согласно его велению, многие вещи оказываются хорошими и законными, каковые в противном случае по своей природе противоречили бы здравому смыслу» [49, р. 240].

Иезуиты (впрочем, как и другие католические моралисты) оказались способны уклониться от более жестких божьих заповедей, перекалфицировав их содержание: «мысленная оговорка» (*reservatio mentalis*), например, отличалась от заурядной лжи и вполне допускалась, если ее причина считалась справедливой. Результатом такого развития событий стало разрешение таких действий, которые ранее бы квалифицировались как настоящая

ложь, но лишь при условии, что они привели к общественной пользе или, по крайней мере, к частной выгоде. В 1625 году английский бенедиктинец Джон Барнс убедительно доказывал, что некоторые из казуистов придавали столь большое значение «профанному» общественному благу, что их учение стало совершенно неотличимо от антиклерикальной по своему духу доктрины Макиавелли [50, р. 106]. Следует подчеркнуть, что многие из тех казуистов были принципиальными противниками внешней политики министра-кардинала Ришелье, поскольку принадлежали к членам процветавшего в те времена Ордена иезуитов.

Кардинал Ришелье и его политические протагонисты фактически настаивали на том, что государственные деятели всегда и во всем должны неукоснительно соблюдать требования христианской морали. «Истинные государственные интересы [никогда] не вступают в противоречие с принципами религии», — уверял Жан де Сильон [цит. по 47], а несколько позднее Жан-Франсуа Сено утверждал, что благочестие и благоразумие полностью совместимы [см. подробнее: 7, р. 123–125]. Лишь немногие авторы прямо отрицали существование незыблемых моральных правил, которым государь был обязан следовать; его долг и обязанность управлять в общественных интересах порой действительно вынуждали его игнорировать позитивные человеческие законы, когда они вступали в соперничество с общим благом. Некоторые предписания все же оставались навечно непреложными, а воля короля никак не определяла, что является справедливым, за исключением тех случаев, когда высшие законы об этом умалчивали [24, р. 505]. Тем не менее, законам божьим следовало повиноваться предпочтительно указам суверена, ибо если подданный ясно *понимал*, что указ суверена противоречит божественному предписанию, то он был обязан повиноваться Господу Богу, а не государю. Но там, где подданный лишь просто *подозревал*, что повеление государя несправедливо, у него возникала обязанность отдать правителю преимущество в сомнительных случаях, а также появлялась и сопутствующая обязанность преодолеть свои угрызения совести и таким образом избежать нетвердого повиновения власти [14, р. 193].

Если веления или приказы королей противоречили законам бога и природы, то они без всяких колебаний грешили, но поскольку божий закон требовал, чтобы они выполняли свои обещания, короли в равной мере грешили и тогда, когда нарушали человеческий закон (который они обещали свято блюсти во время своей коронации) — если, конечно, общественное благо не требовало от них подобных действий. Двумя другими разновидностями права, которые налагали ограничения на монархов, были основной закон и каноны церкви.

Французские абсолютисты придавали особое значение Основному закону государства, который обязывал суверена не отчуждать владения королевского домена и который {подобно Салической правде франкского короля Хлодвига I (481/482–511)} юридически регулировал процедуру

престолонаследия. Отметим, что введенный в оборот во Франции в 1570-х годах термин «основной закон» довольно скоро приобрел всеевропейскую популярность, хотя он долгое время оставался несколько неопределенным и интерпретировался в соответствии с теоретическими пристрастиями конкретного публициста. Абсолютисты иногда приравнивали основной закон к закону природы: Жером Биньон, например, полагал, что Салическая правда была заимствована «из самой природы», а Жан Боден однозначно заявлял, что правление женщин {подобное современному ему правлению английской королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603)} прямо противоречит законам природы [51, р. 746]. Другие авторы давали этому чисто библейское обоснование, так как если сам Иисус Христос говорил, что лилии полевые (здесь имеется в виду королевский дом Франции) не трудятся и не прядут, то это, очевидно, означало, что трудящиеся и женщины были исключены из порядка престолонаследия [см. например: 7, р. 44]. Третья же возможность заключалась в том, что Салическая правда была установлена изначально суверенным народом еще до того, как он передал власть легитимному монарху [см. подробнее: 52, р. 186; 14, р. 32–33].

Также возможно, что единственным константным элементом в абсолютистских интерпретациях основных законов государства является то, что все законы могли быть истолкованы как укрепляющие власть и корону. Подобно Бодену, Жан Саварон утверждал, что королю принадлежит только право узурфрукта на королевские земли во Франции, настаивая на том, что неотчуждаемое право суверена на домен совершенно необходимо для сильной монархической власти [см. подробнее: 53, р. 10–12]. Саварон подвергся серьезным нападкам за высказанные им взгляды, наводившие на мысль, что король подчиняется наложенным на него законам, а другие предпочитали истолковывать это ограничение монаршей воли как моральное, а не юридическое по своей сущности. Барикав, например, утверждал только то, что король *не должен* отчуждать королевский домен без уважительной причины, но подчеркивал, что только сам суверен является его истинным владельцем [см. подробнее: 24, р. 590, 610]. Подобным образом и Жак-Бенинь Боссюэ полагал, что основной закон в целом имеет только директивную силу в отношении монарха, то есть король мог законно отменить любой закон — «основной» либо иной другой, — хотя совершить подобную отмену, совсем не прегрешая, он мог лишь в том случае, когда это диктовалось общественным благом. Что же касается основных законов государства, то вряд ли было бы разумно их полностью отменять, коль скоро это были именно те законы, от которых зависела стабильность всего подвластного суверену сообщества [см. подробнее: 6, р. 111–114].

Основной закон налагал только лишь самые незначительные ограничения на королевскую власть, хотя, возможно, более серьезные ограничения могли быть наложены на свободу действий короля духовным авторитетом власти церковной. В Англии лишь наиболее радикальные из числа

теоретиков эрастианства отрицали, что клир располагает духовной властью независимо от государя. Большинство авторов действительно считали, что священнослужители не могли осуществлять такую власть без королевского дозволения, однако сама духовная власть, по их словам, была дарована церковникам непосредственно Богом, а не королем. Во Франции многие мыслители предоставляли духовенству еще более широкие полномочия: так, клерикально настроенные галликанцы поставили под сомнение те права на церковь, которые французский король получал согласно Болонскому конкордату; представители ультрамонтанского течения католицизма во Франции не пожелали осуждать (косвенно низлагающую монархов) власть римского папы. В 1614–1615 годах именно католическое духовенство торпедировало предложение третьего сословия по данному вопросу в Генеральных штатах.

Весьма терпимо относясь к возвышенно клерикалистскому стилю мышления церковников, французская корона добилась того, что ревностно исповедуемый католицизм был приравнен к политической лояльности [28, р. 50], а сохранение ультрамонтанских идей среди духовенства пошло на пользу короне, сблизив антиклерикализм с абсолютизмом. В 1639 году Пьер Дюпюи опубликовал сборник трактатов, в которых последовательно подчеркивался примат королевской власти над духовенством. Книга была осуждена собранием духовенства, доктор Сорбонны написал на нее ответ, а в 1640 году Парижский парламент, в свою очередь, осудил и работу вышеупомянутого доктора Сорбонны [см. например: 54, р. 99; 43, р. 360].

В том же году члены Английского парламента подвергли самой жесткой критике каноны духовенства, главным образом из-за выдвигаемых клириками абсолютистских доктрин, и в Англии абсолютизм начал отождествляться с узкими групповыми интересами духовенства. Во Франции, напротив, именно антиабсолютистские идеи отождествлялись с частными интересами, и на протяжении XVII столетия французское духовенство постепенно трансформировало свои позиции, пока в 1682 году совершенно не отвергло власть римского папы ниспровергать светских государей, а вкуче с этим и другие идеи ультрамонтанства [см. подробнее: 54, р. 461–474].

Священнослужители также активно помогали делу абсолютизма, руководя особым сакральным ритуалом, в ходе которого монархи должны были прикасаться к золотушным пациентам (и тем самым, как мы надеемся, их излечивать!), — эта чисто королевская способность являлась сверхъестественной и служила для того, чтобы отличать персоны королей (как божьих помазанников) от простых смертных. Английский король Яков I довольно скептически относился к своей способности излечивать «королевское зло», однако многие мыслители относились к священному ритуалу гораздо серьезнее. Так, капеллан короля Якова I Уильям Тукер утверждал, что именно от английских монархов короли Франции унаследовали свои таланты в указанной области (данный тезис был решительно отвергнут

Пьером де Ланкром в 1623 году [55, р. 24]). Жан-Франсуа Сено рассуждал о чудесной силе короля излечивать золотуху, утверждая, что она была приобретена государем в тот же час, когда Его Величество был помазан. «В [люббой] монархии, — подытоживал свою мысль Сено, — [всегда] есть нечто сверхъестественное». Другие авторы соглашались с данным тезисом, хотя и представляется вероятным, что указанные магические качества королевской власти больше проявлялись в чувствах широких народных масс, чем в продуманных систематических размышлениях политических теоретиков [7, р. 100–101].

В Англии королевское прикосновение продолжало пользоваться большим общественным спросом даже во второй половине XVII века, то есть после революционных для страны событий. Это находит подтверждение в том факте, что на протяжении двух десятилетий своего царствования король Карл II Стюарт (1660–1685) налагал руку в среднем более чем к двенадцати страдальцам в день [56, р. 228]. Но если народная вера в магические силы монархов, как кажется, вовсе и не спала к концу XVII века, то к исходу указанного столетия среди английских теоретиков абсолютистские идеи стали заметно менее популярными. Это произошло не вследствие общего роста скептицизма в пространстве общественной мысли, — основные альтернативы абсолютистскому мышлению были столь же уязвимы для жестких нападков скептически настроенных мыслителей. Абсолютизм парадоксальным образом полностью не исчез в Англии еще и потому, что его противники одержали верх в полемических дебатах, даже если публицисты, принадлежавшие к партии вигов, и утверждали обратное. Любое историко-правовое объяснение провала абсолютизма в Англии должно в полной мере учитывать очевидную политическую некомпетентность короля Якова II Стюарта (1685–1688) и его августейшего отца. Возможно, именно подобная некомпетентность государей побудила французов век спустя последовать историческому примеру англичан. Но если опрометчивые действия самодержцев Франции помогли убедить их подданных в истинности одной из идеологий, соперничавших с абсолютизмом, то в Англии на протяжении всего раннего Нового времени усилия наиболее влиятельных из идеологов были в большей степени сосредоточены на юридическом анализе норм древней «неписанной» конституции (*unwritten constitution*) и общего права (*common law*) Английского королевства.

Заключение

Проблематика данной статьи не должна представляться читателю устарелой и давно сданной в пыльный архив всемирной истории материей, поскольку многие ее аспекты не утратили своей актуальности и по сей день. С одной стороны, абсолютистская мысль раннего Нового времени поражает идейным разнообразием и яркостью, нередко обогащенной известной долей новаторства, а порой и невероятной эксцентричностью суждений

политических мыслителей рассматриваемой эпохи. С другой, — большое число мыслителей того времени творили в контексте давней и мощной традиции европейской политической философии, корни которой берут начало в античной мысли или христианстве, что придавало их творчеству необходимый масштаб и формировало серьезную идейно-теоретическую базу. А разброс мнений в сфере европейской политической мысли в период раннего Нового времени был настолько велик, что это не всегда легко представить даже в нынешнюю эпоху постмодерна. В то же время именно такой идейный плюрализм оказывал весомое влияние на разнообразие трактовок феноменов абсолютизма и роялизма, прямо связанных с определенным «возрастом» развития монархической формы правления в целом. Монархия — древнейшая форма государственного устройства, только кажущаяся на первый взгляд закоснелой и консервативной. На самом же деле в ходе длительного исторического развития она претерпела колоссальные сущностные модификации. Вектором ее эволюции выступало движение от древней восточной деспотии к современной парламентарной монархии.

В отечественной государственноведческой и юридической литературе издавна утвердился взгляд, что республика — это более совершенный и современный тип формы правления, гораздо адекватнее отвечающий актуальным политическим вызовам, чем монархия в любой ее разновидности. Нередко можно услышать и о принципиальной неустранимости «ахиллесовой пяты» монархической формы правления, заключающейся в том, что монархия — а priori автократия, то есть она политически слабо институализирована, поэтому часто перевоплощается в деспотические либо в тиранические формы. Данное обстоятельство связывается с отсутствием регулярно устроенного механизма трансляции публичной власти. Этот весьма расхожий тезис совершенно не подтверждается реальными наблюдениями, ибо монархия, проявляя немалую степень институциональной пластичности, может достаточно эффективно обеспечивать фундаментальные политические ценности свободы и демократии. Более того, сами республики нередко становятся жертвами эксцессов исторических реминисценций авторитаризма либо иных проявлений антидемократического режима (Венесуэла, Иран, КНР или КНДР) и по сущности оказываются гораздо ближе к канувшему в Лету истории абсолютизму, чем современные конституционные монархии.

Некоторые современные нам монархии выказали себя подлинными флагманами в деле строительства социальных и политических институтов, урегулированных актуальными либерально-демократическими ценностями (Великобритания, Бельгия, Дания, Швеция, Норвегия). В Новейшее время мы сталкивались и с таким парадоксальным феноменом, когда монархии приходили на смену республиканской (по внешним признакам) формы правления (хрестоматийный пример — реставрация конституционной монархии в Испании после падения фашистского режима каудильо Франсиско Франко). Таким образом, можно с высокой долей уверенности утверждать,

что история развития монархической формы правления в полной мере не завершена и мы даже можем явиться очевидцами «ренессанса» этого древнейшего механизма организации публичной власти, принципиально обновленного по своему содержанию.

Список литературы

1. Lossky A. The Absolutism of Louis XIV: reality or myth? // Canadian Journal of History. Volume 19. Issue 1. April 1984.
2. Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-century England // The Historical Journal, vol. 21. No. 2. (Jun. 1978).
3. Wootton D. Paolo Sarpi: Between Renaissance and Enlightenment. Cambridge, 1983.
4. Russell C. Parliaments and English Politics, 1621–1629. Oxford, 1979.
5. Yardeni M. French Calvinist Political Thought. 1534–1715 / in International Calvinism 1541–1715, ed. Prestwich M. Oxford, 1985.
6. Bossuet J.-B. Politique de Bossuet / textes choisis et presentes par J. Truchet. Paris, 1966.
7. Senault J.-F. Le monarque, ou Les devoirs du souverain. Paris, 1661.
8. Du Boys H. De l'origine et autorité des Roys. Paris, 1604.
9. Bolton R. Two Sermons Preached at Northampton. London, 1635.
10. Saravia H. De imperandi autoritate, in Diversi tractatus theologici. London, 1611.
11. Amyraut M. Discours de la souveraineté des Roys. Charenton, 1650.
12. Casaubon I. De libertate ecclesiastica liber singularis. Paris, 1607.
13. De Dominis M.-A. De republica ecclesiastica pars secunda. Frankfurt, 1620.
14. Le Bret C. De la souveraineté du Roy. Paris, 1632.
15. Butler Ch. The Feminine Monarchie (or a Treatise Concerning Bees). Oxford, 1609.
16. Greenleaf W. H. Order, Empiricism and Politics: Two Traditions of English Political Thought 1550–1700. Oxford, 1964.
17. Saumaise C. Apologie royale pour Charles I, roy d'Angleterre. Paris, 1650.
18. Milton J. The Works of John Milton / ed. Patterson, F.A. et al., 20 vols. New York, 1931–1940. Vol. VII.
19. La Bruyère J. Les Caractères. Paris, 1966.
20. Charron P. De la sagesse, 2nd edn. Paris, 1604.
21. Digges D. The Unlawfulness of Subjects taking up Arms against their Sovereigne, in what case soever. Oxford, 1643.
22. Barret W. Ius Regis. London, 1612.
23. Buckeridge J. De potestate papae in rebus temporalibus. London, 1614.
24. Baricave J. La Défence de la Monarchie Françoisie, et autres Monarchies. Toulouse, 1614.
25. Owen D. Herod and Pilate reconciled. Cambridge, London, 1610.
26. Maxwell J. Sacro-Sancta Regum Majestas, or the Sacred and Royal Prerogative of Christian Kings. Oxford, 1644.
27. Nalson J. The Common Interest of King and People. London, 1677.
28. Parker D. The Making of French Absolutism. London, 1983.

29. Dodge G. H. *The Political Theory of the Huguenots of the Dispersion, with Special Reference to the Thought and Influence of Pierre Jurieu*. New York, 1947.
30. Domat J. *Les lois civiles dans leur ordre naturel, le droit public, et legum delectus*, 2 vols. Vol. II. Paris, 1705.
31. Marca P. *De concordia sacerdotii et imperii seu de libertatibus ecclesiae Gallicanae*. Paris, 1641.
32. Sarpi P. *Apologia adversus oppositiones factas ab illustrissimo & reverendiss. Domino Card. Bellarmino, in Controversiae memorabilis inter Paulum V. Pontificem Max. & Venetos. Villa Sanvincentiana, 1607*.
33. Morton Th. *The Encounter against M. Parsons, by a Review of his Last Sober Reckoning*, 2 vols. Vol. I. London, 1610.
34. Andrewes L. *A Sermon Preached before his Majestie, on Sunday the Fifth of August last*. London, 1610.
35. Filmer R. *Patriarcha and Other Political Works* / ed. Laslett, P. Oxford, 1949.
36. Digges D. *An Answer to a Printed Book, intituled, Observations upon some of his Maiesties late Answers and Expresses*. Oxford, 1642.
37. Hyde Ed. Earl of Clarendon. *A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors to Church and State in Mr. Hobbes's book, entitled Leviathan*. London, 1676. P. 109.
38. Leslie Ch. *The Best Answer ever was made and to which no Answer will be made*. London, 1709.
39. Bodin J. *The Six Books of a Commonweale* / trans. Knolles, R., ed. McRae, K. D. Cambridge, 1962.
40. Church W. F. *Constitutional Thought in Sixteenth Century France*. Cambridge, 1941.
41. Louis XIV. *Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin* / ed. Dreys, C., 2 vols. Vol. I. Paris, 1860.
42. Fénelon F. de S. M. *Fénelon: écrits et lettres politiques*, ed. Urbain, C. Paris, 1920.
43. Lacour-Gayet G. *L'Education politique de Louis XIV*. Paris, 1898.
44. Bonney R. *Political Change in France under Richelieu and Mazarin, 1624–1661*. Oxford, 1978.
45. Digges D. *The Unlawfulness of Subjects taking up Arms against their Sovereigne, in what case soever*. Oxford, 1643.
46. Sommerville J. P. *Politics and Ideology in England 1603–1640*. London, 1986.
47. Church W. F. *Richelieu and Reason of State*. Princeton, 1972.
48. Coquaeus L. *Examen praefationis monitoriae*. Freiburg-im-Breisgau, 1610.
49. Weston Ed. *Juris Pontificii Sanctuarium. Defensum ac propugnatum contra Rogerii Widdringtoni in Apologia & Responso Apologetico Impietatem*. Douai, 1613.
50. Barnes J. *Dissertatio contra Aequivocationes*. Paris, 1625.
51. Bignon J. *De l'excellence des Roys et du Royaume de France*. Paris, 1610.
52. Nicole P. *De l'éducation d'un prince*. Paris, 1670.
53. Savaron J. *De la Souveraineté du roy, et que sa Maiesté ne la peut souzmettre à qui que ce soit*. Paris, 1620.
54. Martimort A.-G. *Le Gallicanisme de Bossuet*. Paris, 1953.
55. Thuau E. *Raison d'état et pensée politique à l'époque de Richelieu*. Paris, 1966.
56. Thomas K. *Religion and the Decline of Magic*. Harmondsworth, 1973.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ЖАНА КАЛЬВИНА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию режима, установленного Жаном Кальвином в Женеве в середине XVI века. Также исследуется феномен религиозного тоталитаризма в целом. Рассматриваются психологические предпосылки формирования, установления и закрепления тоталитарных режимов. Изучается роль террора и идеологии в установлении тоталитаризма, в том числе религиозного, а также их влияние на определенные стороны человеческой природы.*

Ключевые слова: *религиозный тоталитаризм, кальвинизм, диктатура, свобода воли, веротерпимость, Реформация, протестантизм.*

POLITICAL THEOLOGY OF JOHN CALVIN

Abstract. *The article is devoted to the study of the regime established by Calvin in Geneva in the middle of the XVI century. The phenomenon of religious totalitarianism in general is also investigated. The psychological prerequisites for the formation, establishment and consolidation of totalitarian regimes are considered. The role of terror and ideology in the establishment of totalitarianism, including religious, as well as their influence on certain aspects of human nature is studied.*

Keywords: *religious totalitarianism, calvinism, dictatorship, free will, religious tolerance, reformation, protestantism.*

Исследователи тоталитаризма в основном сходятся на том, что классическими моделями тоталитарных обществ являются режимы, установленные в середине XX века в некоторых европейских странах, в первую очередь, в Германии и Италии. Считается, что до этого построение тоталитарного общества и государства было невозможно с учетом ряда факторов, в том числе, уровня развития научно-технического прогресса. На этом основании предшествующие попытки создания режимов, хотя бы отчасти подпадающих под соответствующие признаки, большинством теоретиков не рассматриваются как примеры тоталитарных государств.

Одним из первых теоретиков тоталитаризма можно назвать Платона с его трудом «Государство», который может восприниматься одновременно как коммунистический, кастовый и тоталитарный проект. Но в то же время описанное Платоном государство нельзя рассматривать как пример тоталитарного общества по той простой причине, что он не был реализован.

ЖИЛИНСКАЯ Валерия Сергеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

История человечества знает варианты общественного устройства, которые по определенным критериям можно назвать тоталитарными. К ним можно отнести разнообразные религиозные диктатуры, которых многие классики теории тоталитаризма отказываются рассматривать как варианты тоталитарного общественного устройства. Правда, существует и противоположная позиция. Некоторые исследователи считают, что диктатура одного из крупнейших реформаторов XVI века Жана Кальвина, построенная в Женеве, по жестокости и всеохватывающей регламентации жизни как общества, так и отдельной личности, не только не уступает Италии Муссолини или Германии Гитлера, но и по определенным моментам превосходит их. «Женевская Республика при Кальвине показала пример такого тоталитаризма и тотальной манипуляции, что по сравнению с нею бледнеют разновидности тоталитаризма XX века» [1].

Такая позиция заслуживает внимания и нуждается в более подробном исследовании в том числе и для ответа на вопрос, можно ли рассматривать в качестве тоталитарных режимов модели общества, созданные до XX столетия. Изучение религиозных диктатур в свете данной задачи представляется нам довольно перспективным. На наш взгляд, диктатура Кальвина наиболее показательна как пример религиозного тоталитаризма.

«Десятилетняя диктатура Кальвина в Женеве отличалась жесточайшим регулированием частной жизни, нравственности и религиозных взглядов граждан, проводились фальсифицированные выборы в стиле... нацистско-фашистских государств. Поскольку республика Кальвина ограничивалась пределами одного города и пригородов, то тоталитаризм мог быть осуществлен достаточно основательно» [2, с. 30].

История власти Ж. Кальвина началась 21 мая 1536 года, с того, что граждане Женевы, собравшись на городской площади, общим голосованием приняли решение узаконить на всей территории Женевской Республики реформистскую религию в качестве единственного и разрешенного вероисповедания.

Любому религиозному направлению, особенно на этапе его зарождения требуются лидеры, способные превратить его из абстрактных идей в основу общественного строя. Для Женевы таким лидером стал Жан Кальвин, хотя и не он стоял у истоков ниспровержения католической веры на территории республики. «Духовному движению всегда необходим гений, который его начинает, и гений, который его завершает. Лютер, вдохновитель, привел Реформацию в движение, а Кальвин, организатор, остановил ее, прежде чем она раздробилась на тысячи сект» [3, с. 57].

Удивительно, что протестантизм, который зарождался как религия свободы, возвышающая человека в его отношениях с богом, оказался потенциально способным принять уродливые формы бесчеловечной диктатуры, свойственные правлению Кальвина. По сути, таким образом учение вырождалось в свою противоположность.

На заре своей деятельности Жан Кальвин позиционировал себя сторонником и защитником религиозной свободы и веротерпимости. Женева с исторически присущим ей свободолюбием вряд ли призвала бы в качестве духовного лидера такого человека, каким он проявил себя позже, — когда получил власть в городе и республике.

* * *

В первом издании своих «Наставлений в христианской вере» [4] Кальвин писал, что преследование еретиков является преступлением, истребление их «огнем и мечом» — это отречение от всех принципов гуманизма. Но добившись власти, он вычеркнул из своего сочинения призыв к веротерпимости и гуманизму. Невероятная концентрация власти, сосредоточившаяся со временем в его руках не была бы возможной, если бы протестантское вероучение сохранило идеалы свободы и веротерпимости, присущие ему в период зарождения и начального формирования. «Тем самым произвол превращается в догму, свобода в диктатуру, душевный подъем — в жестокую духовную норму» [3, с. 58].

Десятилетнее правление Кальвина характеризуется жесточайшей регламентацией не только духовной, но и частной жизни граждан. Женевская Республика включала в себя территорию самого города Женевы и его окрестностей, а потому Кальвину удалось с должной основательностью установить и осуществить тоталитарное управление и полный контроль.

Свою деятельность на посту главы города он начал с написания трактата «Исповедание веры». В трактате описывалась структура женевской общины, обозначались обязанности проповедников, учителей и церковных старейшин. Кальвин отвергал классическую церковную иерархию с епископами и кардиналами, не говоря уже о верховном понтифике. «Исповедание» предписывало жителям Женевы придерживаться аскетизма во всех сферах жизни. Поначалу городской совет отнесся к новым правилам довольно благосклонно. «Эта простота подкупала. В реформированной церкви она проявлялась во всем: новый проповедник рекомендовал отказаться от бытовой роскоши, не носить богатых одежд, не чревоугодничать, почетным считалось много трудиться, жить бережливо и без конца молиться. Из церквей удалили все иконы, кресты, сняли колокола. Отменили все праздники, даже Рождество и Пасху» [5]. Представителей совета смутил лишь пункт об обязательном еженедельном причастии, к которому могли не допускать «согрешивших». Они должны были либо понести наказание, либо изгоняться из города. Совет потребовал компромисса, согласно которому причастие должно было проводиться не каждую неделю, а раз в три месяца. Таким образом, с благословения городского совета жизнь церковной общины, состоявшей из всех жителей Женевы, была жестко регламентирована. Горожан обязали присягать на верность новому катехизису, с которым отныне им предстояло согласовывать каждый свой шаг.

Легко представить, насколько быстро последовали первые нарушения данного свода правил и наказания за них. Это вызвало недовольство и обновленного городского магистрата, и жителей города. Вскоре после инцидента во время Пасхальной службы 1537 года Кальвин вместе со своим главным последователем Гийомом Фарелем был изгнан из Женевы. После этого он обосновался в Страсбурге, прославившемся веротерпимостью и религиозными диспутами. Благосклонно принятый Кальвин создал в городе французскую общину и ввел в ней «женевские правила». Его лекции имели большой успех, и вскоре ему было даровано гражданство Страсбурга.

Тем временем в отсутствие Кальвина в Женеве начались беспорядки. Сторонники изгнанного лидера пугали горожан перспективой возвращения к власти католиков, тем более, что к этому имелись реальные основания. Напуганные перспективой хаоса и возвращения католицизма женевицы призывали Кальвина обратно. Однако тот не спешил уступать покорным и униженным просьбам жителей Женевы, выжидая в течение года и добиваясь того, чтобы не просто вернуться в Женеву, а, возвратившись, обрести там, по сути, ничем не ограниченную власть. «Но чем более затягивал Кальвин с возвращением, тем сильнее и фанатичнее Женева стремилась вернуть его. Он стал ее мифом, легендарным героем, власть которого над умами росла все сильнее. Женевицы вновь клялись исполнять его „катехизис“, обещали повиноваться дисциплине и когда он, наконец, дал согласие вернуться, весь город раболепно простерся у его ног. 13 сентября 1541 года, спустя всего лишь три года после изгнания, Кальвин вошел в Женеву триумфатором, полноправным хозяином и законодателем» [5].

С момента его возвращения в Женеву начинается один из самых страшных социальных экспериментов всех времен. По замыслу Кальвина живое человеческое общество должно было стать застывшим механизмом. Он жаждал полной унификации и безоговорочного подчинения ради воплощения того, что кажется ему созданием Царствия Божия на земле.

Подавив остатки сопротивления в городе, Кальвин превратил Женеву в основной центр европейской Реформации, а сам сделался «женевским папой» и был повсеместно признан главой протестантского движения. С момента возвращения Кальвина в городе над всем господствовала только его воля, подкрепляемая узаконенным безжалостным насилием. «Любая диктатура немыслима и невозможна без насилия. Кто хочет сохранить власть, должен иметь средства принуждения, кто хочет повелевать, должен в то же время обладать и правом карать» [3, с. 66].

Изначально действенным орудием диктатуры Кальвина стало право отлучать нарушителей правил от причастия: «...он превратил эту ужасную угрозу в почти регулярное наказание и, как психолог, точно определивший результат воздействия террора, неизмеримо увеличил свою личную власть с помощью страха перед этим наказанием» [3, с. 64].

Подобное наказание для христиан того времени страшно само по себе, но в кальвиновской Женеве духовные страдания от отлучения дополняются весомыми социальными последствиями. Отлученный как бы исключался из общества и становился изгоем. Никто не имел права разговаривать с ним, покупать и продавать, совершать прочие деловые сделки. По сути это означало гражданскую смерть. Если же отлученный продолжал упорствовать в своем «грехе» и отказывался принести публичное покаяние, он высылался из города. Однако сколь бы суровыми ни казались такие меры, вскоре оставшиеся жители города имели все основания позавидовать участи изгнанных.

Постепенно женевцы начинают понимать, что за новый порядок им приходится расплачиваться собственной свободой, личными и гражданскими правами. В начале диктатуры, пока сознание и совесть людей еще не полностью поработаны, сопротивление имеет определенную силу. В городе с давними республиканскими традициями нашлись люди, заявляющие, что не позволят пришлому французскому проповеднику отчитывать себя, «будто они уличные разбойники». В ответ Кальвин, не задумываясь, пускает в ход более действенные и страшные орудия террора.

Для неукоснительного следования гражданами всем параграфам «Наставлений» Кальвином учреждается консистория: особый орган, в задачи которого входит тотальный контроль частной и общественной жизни и слежка за горожанами. Основная функция консистории формулируется предельно расплывчато — «наблюдать за общиной, чтобы по-настоящему чтить Бога». Однако ошибкой было бы считать, что сфера деятельности консистории включала лишь религиозные аспекты. Строя «град Божий» на земле, Кальвин не отделяет мирского от небесного, считая, что даже мельчайшие аспекты земного существования человека влияют на его отношения с Богом, а следовательно, нет ничего, что должно быть исключено из сферы внимания наблюдателей учрежденной им консистории. В этом плане он обошел даже проклинаемую протестантами католическую инквизицию.

От людей требуется не только безукоризненное знание Священного Писания, посещение всех проповедей Кальвина и выражение мнения, строго соответствующего кальвиновской трактовке святых текстов. Этим отнюдь не исчерпывается вмешательство в частную жизнь горожан. В любое время дня и ночи смотрители из консистории могут пожаловать к ним «в гости», и тот, кто откажется впустить их, априори будет объявлен виновным. «...Эта полиция нравов вмешивается во все. Она ощупывает женские платья: не слишком ли они длинны или коротки, нет ли на них лишних оборков и рискованных вырезов; она осматривает прическу: не чересчур ли замысловато она сооружена, и пересчитывает кольца на пальцах и туфли в шкафу. Из комнат идут к кухонному столу — не готовится ли супчик или кусок мяса сверх единственного дозволенного блюда, не спрятаны ли где-нибудь сладости или варенье... Они влезают в книжный шкаф: нет ли там какой-нибудь

книги без штампа августейшей цензуры консистории. Они роются в ящиках: не спрятаны ли там икона или четки. Они выспрашивают слуг о господах, детей — об их родителях» [3, с. 83–84].

Жизнь людей была чрезмерно детально регламентирована, вплоть до самых незначительных бытовых мелочей. А потому даже при самой искренней, крепкой вере и стремлении к праведности, было совершенно невозможно хоть в чем-то, да не нарушить строжайших предписаний сочиненного Кальвином устава.

Кальвин постарался запретить все или предельно ограничить все, что придает земной жизни человека хоть малейшую радость. Были запрещены все увеселения, театры, любые танцы и игры, даже катание на коньках. Упразднены были не только народные праздники, но и традиционно христианские торжества, такие как Пасха или Рождество. Портные не имели права шить одежду без специального разрешения магистрата. Девушкам младше пятнадцати лет нельзя было носить шелковые платья, старше пятнадцати — бархатные. Был наложен запрет на кружевные чепчики, рюши, перчатки, ботинки с разрезом. Были запрещены любые ювелирные украшения из драгоценных металлов, а также одежда с золотым и серебряным шитьем, золотые пуговицы и пряжки. Мужчинам запрещалось отращивать волосы, женщинам — завивать их. Даже в плане еды Кальвин ввел строгие ограничения. Запрещено было подавать на стол дичь, птицу, паштеты, тем более любые сладости, компоты, варенья; пить за чье-либо здоровье, дарить подарки молодоженам на свадьбе, а через шесть месяцев после свадьбы даже супруги не имели права дарить что-либо друг другу. Жители города были лишены права переступать порог гостиниц. Хозяева гостиниц и трактиров не могли обслуживать постояльцев, пока те не прочтут предписанных молитв; а также им в обязанность вменялось шпионить за постояльцами и доносить на них. Горожане больше не были свободны выбирать имена для собственных детей при крещении. Веками бытовавшие имена находились под запретом, лишь потому, что они не упомянуты в Библии. Вместо них навязывались библейские имена, такие как Адам или Исаак.

Судить о том, сколь строгим был устав и как неукоснительно он соблюдался, можно на основании протоколов консистории и совета. «Один горожанин улыбнулся во время обряда крещения, — три дня тюрьмы. Другой, утомленный летней жарой, заснул во время проповеди, — тюрьма. Рабочие ели на завтрак паштет, — три дня на воде и хлебе. Два других поспорили на четверть вина, — тюрьма. Один человек отказался окрестить своего сына именем Авраам, — тюрьма. Слепой скрипач играл музыку для танцев, — изгнан из города. Другой горожанин хвалил перевод Библии, выполненный Кастеллио, — изгнан из города. Девушку уличили в катании на коньках, женщина бросилась на могилу своего мужа, горожанин во время богослужения предложил своему соседу щепотку табаку, — вызов в консисторию, строгое предупреждение и покаяние» [3, с. 89].

Вершиной жестокости и произвола Кальвина принято считать сожжение Мигеля Сервета. Это деяние вызвало наибольший резонанс среди современников и осталось в веках. Однако при всей чудовищности злодеяния нельзя лишь по нему одному судить о том, что творилось в Женеве во время десятилетней диктатуры. Жертв было неизмеримо больше, хотя в истории они поименно не сохранились. «Уже за первые пять лет господства Кальвина в относительно небольшом городе тринадцать человек были повешены, десять обезглавлены, тридцать пять сожжены, кроме того, семьдесят шесть изгнаны из своих домов... Вскоре все темницы в „Новом Иерусалиме“ были настолько переполнены, что комендант вынужден был сообщать магистрату, что он больше не может принимать новых заключенных. Не только приговоренные, но и просто подозреваемые подвергаются столь ужасным мучениям, что обвиняемые предпочитают кончать жизнь самоубийством» [3, с. 88].

* * *

При детальном рассмотрении положения, сложившегося в Женеве в годы правления Ж. Кальвина, можно прийти к выводу, что там был установлен и поддерживался именно тоталитарный режим во всей его силе, жестокости и неприглядности. Следовательно, тоталитаризм в мире появился задолго до XX века. До возникновения таких средств массовой информации, как радио, установление подобных форм правления технически возможно лишь на небольших территориях, которые легко и контролировать, и подвергать террору. Женева при Кальвине или Флоренция при Савонароле — яркие тому примеры.

Однако наибольший научный интерес представляет вопрос — каким образом общество позволяет затянуть себя в тоталитаризм? Почему люди не оказывают сопротивления тирании, почти добровольно жертвуют своими свободами? «И невольно спрашиваешь себя: как же могло случиться, чтобы республиканский город, на протяжении десятилетий живший ... свободой, вынес подобную Савонаролову диктатуру, как мог южный веселый народ терпеть подобное удушение радостей жизни? Как смог один-единственный аскет-интеллектуал лишиться радости бытия тысячи и тысячи? Не следует заблуждаться: насилие, которое ничего не страшится, которое высмеивает как слабость любое проявление гуманности, — ужасающая сила. Систематически продумываемый, деспотически проводимый террор парализует волю единиц, ослабляет, подтачивает любую общность. ...Всеобщая трусость вскоре становится ему помощником и укрывателем, потому что, если каждый чувствует себя подозреваемым, он начинает подозревать и других, а устрешенные из страха с еще большим рвением стремятся следовать за претами и приказам своих тиранов...» [3, с. 87].

Неусыпный тотальный контроль и террор постепенно разрушают внутреннее достоинство как отдельного человека, так и общества в целом. Массовый страх со временем заражает и самых мужественных граждан. Воля

к самоутверждению ослабевает в безнадежной борьбе. Любой человек постоянно чувствует себя подозреваемым, а потому начинает подозревать других, спеша донести на ближнего, чтобы хоть на время отвести подозрения от себя.

Безусловно, террор, массовые репрессии и запугивание делают свое дело, подавляя волю людей и превращая большинство из них либо в жертв, либо в пособников режима. Все же было бы ошибкой учитывать только внешние факторы, способствующие установлению и поддержанию тоталитарных диктатур.

Очень важно понимать, на какие внутренние механизмы в сознании и психике человека опираются диктаторы. Очевидно, что используя религию и ее догматы, легче поработить сознание, нежели с помощью строгой логичности научных постулатов. Чем проще аргументация, тем она действеннее. Потому века спустя люди с энтузиазмом будут принимать за чистую монету лженаучные теории о расовом превосходстве и исторической миссии истинных арийцев. Поработать людей, сковывая их волю с помощью религиозных догматов еще проще, ибо они традиционно считаются не требующими доказательств. Вопрос лишь в убедительности и харизматичности диктатора. А в этих качествах Жану Кальвину не откажешь. Более того, рассматривая его деятельность, сочинения, записи и свидетельства современников, можно прийти к выводу, что сам он с искренним фанатизмом верил как в непреложную истинность своих концепций, так и в правильность методов их воплощения в жизнь.

Кальвин искренне ненавидел любую свободу, считая ее не божьим даром, а скорее проклятием рода человеческого. Грехопадение сделало природу людей порочной, и лучшее, что можно сделать для этих испорченных созданий, — предельно ограничить любые проявления свободной воли, загнать их в рамки, где они просто не смогут грешить, и тем самым спасти их души. «Тот, кто рассматривает человека в философском смысле как подобного рода неудачное и нелепое создание Бога, будучи богословом и политиком, разумеется, никогда не согласится с тем, что Бог предоставил такому чудовищу хотя бы малейшую степень свободы и самостоятельности. Значит, такое существо, испорченное и подвергающееся опасности из-за своей жадности жизни, следует безжалостно взять под опеку, ибо если человека предоставить самому себе, душа его способна только на зло... Чем суровее ломают это своеволие, чем больше человека подчиняют и обуздывают, тем лучше для него. Только не давать никакой свободы, потому что человек всегда будет злоупотреблять ею!» [3, с. 82].

Жители Женева добровольно и даже с охотой принимали столь жесткие «правила игры» и с энтузиазмом повиновались им, по крайней мере, поначалу. Надо отметить, что подобный социально-психологический феномен присущ практически всем тоталитарным режимам. Более того, его демонстрировали все участники экспериментов по моделированию локального тоталитарного общества.

* * *

Почему у людей находит положительный отклик система жестких ограничений, подкрепленных наказаниями? Почему они приветствуют ограничение собственной свободы? Часть психологов считает, что для многих свобода сопряжена с необходимостью постоянно делать выбор и нести за него ответственность. Жесткая регламентация всех сфер жизни освобождает человека как от выбора, так и от последующей за ним ответственности, которая, таким образом, перекладывается на плечи государства, властителей, представителей церкви и тому подобное. А суровые наказания за нарушения мешают человеку уклониться от того, что он готов воспринимать как свой долг. В итоге люди начинают испытывать нечто вроде благодарности к нависшему над ними мечу, подспудное присутствие которого помогает им следовать правилам.

Истоки подобного восприятия можно отыскать уже в Новом Завете: «...ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Послание к Римлянам 13:4).

Людей веками приучали к мысли, что им крайне сложно собственными силами сдерживать дурные проявления человеческой природы, испорченной первородным грехом. Свобода воли воспринималась, скорее, как обременение, нежели как благо. А страх наказания служил мотивацией. Таким образом, феномен одобрения суровых правил и наказаний основан на нежелании прилагать сознательные усилия для познания того, что именно является хорошим или дурным, а также задействовать свободную волю для следования тому, что считается правильным. Отказ от свободы равен отказу от ответственности как за сами действия, так и за их последствия.

Кроме того, сам по себе культ дисциплины и аскетизма связывается в христианской традиции с праведниками. Реформация отказалась от поклонения святым, но фанатично склонялась перед праведностью, при этом уделяя куда больше внимания аскетизму и самоотречению праведников, чем делам, совершаемым во благо ближнего. В целом протестантам присуща опора скорее на суровые догматы Ветхого Завета, нежели Нового, утверждающего ценности любви, милосердия, прощения.

Под влиянием Ж. Кальвина и других идеологов Реформации протестанты фанатично поддерживали самые строгие правила жизни, причем не только и не столько в отношении себя, сколько в отношении других. Внимательно следить за ближним стало одним из проявлений христианского долга перед господом: «...святые, чувствуя себя передовым отрядом божественного воинства, которое призвано Всевышним для защиты веры, настаивали на всеобщем следовании вытекающим из религиозных обязательств нормам. Самодисциплина праведников дополнялась универсальным насильственным навязыванием дисциплины со стороны светских властей» [6, с. 23].

У Кальвина идеи тотальной регламентации и контроля жизни христианина доходят до полного абсолюта. «Ему совершенно недостаточно, что учение сформулировано, ибо вместе с тем все же для каждого отдельного человека сохраняется некоторая свобода выбора: подчиняться ли учению и если да, то в какой степени. А Кальвин никогда и ни в коей мере не терпит свободы в делах веры и жизни. Он не соглашается отдать внутреннему убеждению человека ни пяди свободного пространства в религиозных и духовных делах; по его представлению, церковь не только имеет право, но и должна силой навязывать всем людям авторитарное повиновение и неумолимо наказывать даже элементарное равнодушие» [3, с. 62].

Жан Кальвин, подобно последующим тоталитарным диктаторам, убеждает подвластных ему людей в том, что свобода вредна и опасна. И вот они уже сами готовы быть связанными и жить в постоянном страхе, веря, что такие меры приведут в конечном счете к спасению души, важнее которого для человека того времени нет практически ничего. Люди перестают верить в себя, в возможность достигнуть спасения собственными силами, в то, что свобода воли — дар божий. Всем и каждому внушается мысль о собственной слабости и порочности, и люди, принимая этот догмат за аксиому, покорно отдают во власть тиранов не только тела, но и сознание.

Люди снова и снова показывают, что не готовы склоняться перед теми, кто проповедует терпимость, справедливость, уважение свободы и человеческого достоинства. Куда чаще и проще массы покоряются одержимым, провозглашающим свои идеи как единственно возможную истину, а свою волю — как непреложный закон. Основываясь на этих свойствах индивидуального и массового сознания к власти приходили Савонарола, Кальвин, Муссолини, Гитлер и другие, им подобные. И именно такой взгляд человека на себя и общество следует искоренить, чтобы не допустить повторения тоталитарных диктатур прошлого.

Список литературы

1. Первушина В.Н., Савушкин Л.М. Тоталитарный феномен власти и его типология // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2018. № 2.
2. Поспеловский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедания. М., 2003.
3. Цвейг С. Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина. М., 1986.
4. Кальвин Жан. Наставление в христианской вере / пер. с фр. А.Д. Бакулов. В 3-х томах. Москва: Издательство РГГУ, 1997.
5. Филатова Н.В. Жан Кальвин: диктат ради свободы. М, 2019.
6. Стародубровская И. Исламская реформация: эвристическая ценность подхода. Государство. Религия. Церковь. № 3(35). 2017.

И.Е. МИНТУСОВ
А.Г. ДОРУШ

АНАЛИЗ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье представлен анализ избирательной системы Веймарской республики после принятия конституции (1919) и закона «О выборах в Рейхе» (1920). В рамках работы были исследованы пять избирательных кампаний, состоявшихся в период с 1928 по 1933 год, которые позволяют рассмотреть процесс прихода А. Гитлера к власти в более широком контексте. Задача статьи заключается в подробной иллюстрации избирательного процесса Веймарской республики и получения Гитлером абсолютного контроля над властью в результате победы на выборах 5 марта 1933 года.

Ключевые слова: политическая партия, выборы, рейхстаг, НСДАП, Веймарская республика.

ANALYSIS OF THE ELECTORAL SYSTEM IN THE WEIMAR REPUBLIC

Abstract. The article analyzes the electoral system of the Weimar Republic after the adoption of the Constitution in 1919 and the Reich Election Law in 1920. Within the framework of the article 5 electoral campaigns from 1928 to 1933 have been investigated, allowing the process of Adolf Hitler's rise to power to be examined in a broader context. The purpose of the article is to illustrate in detail the electoral process of the Weimar Republic itself and to distinguish between Hitler's gaining absolute control of power and his victory in the March 5, 1933.

Keywords: political party, election, Reichstag, NSDAP, Weimar republic.

Данная статья написана на основе закона «О выборах в Рейхе» (Приложение 1), переведенного на русский язык авторами. Предметно исследовать деятельность избирательной системы Германии позволил анализ документа, определяющего процесс формирования избирательных комиссий на всех ее уровнях (Приложение 2). Для удобства восприятия информации читателю предложено схематичное изображение избирательного процесса (Приложение 3.1), в котором было задействовано 4 уровня избирательных комиссий: избирательные участки; округа; ассоциации округов; рейх (Приложение 3.2). Количество голосов для получения одного места в рейхстаге

МИНТУСОВ Игорь Евгеньевич — президент Европейской ассоциации политических консультантов, доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, г. Москва
ДОРУШ Анастасия Геннадьевна — политолог-юрист, г. Минск

равнялось 60-и тысячам. Также при наличии заявления можно было передать оставшиеся голоса на уровне выше окружного для дальнейшего их распределения и получения дополнительных мест. Функции избирательных комиссий каждого уровня изложены в Приложении 3.3.

* * *

После принятия Веймарской конституции в июле 1919 года можно было говорить о становлении Веймарской республики как демократического государства. Принятие в последующем закона «О выборах в Рейхе» 27 апреля 1920 года позволило сформировать основу для демократических выборов.

Интерес к названному закону вызывает наличие в нем ряда особенностей. Основные характеристики избирательного процесса, который проводился по пропорциональной избирательной системе по закрытым спискам, можно описать следующим образом. Фиксированное количество мест в рейхстаге отсутствовало; оно зависело от явки и количества поданных голосов на самих выборах; при формировании как избирательных округов, так и их ассоциаций для последующего распределения депутатских мест на каждом из уровней подавались свои списки кандидатов; наличие связанных окружных списков в ассоциации округов позволяло суммировать количество голосов, поданных за такие списки и предоставить дополнительные места.

Однако было предусмотрено и ограничение, действующее на уровне ассоциаций округов и рейха: оставшиеся голоса не учитывались, если на уровне округа за список было отдано менее 30 тысяч голосов. Предлагалась возможность подачи заявления для передачи оставшихся голосов на распределение мест на уровне рейха. В данном случае количество оставшихся голосов, превышающее 30 тысяч, автоматически приравнивалось к 60 тысячам голосов и список получал дополнительное место. На уровне рейха списку могло быть выделено столько же депутатских мандатов, сколько он получал при распределении голосов по округу.

Закон «О выборах в Рейхе» действовал на протяжении 13 лет без существенных изменений, — в 1922, 1923 и 1924 годах в него вносились лишь незначительные технические правки. С 1928 по 1933 год было проведено пять выборов в рейхстаг, при этом ни один из рейхстагов не действовал весь срок полномочий, — всякий раз находились причины для их роспуска. Надо сказать, что избирательные кампании сопровождались реальной конкуренцией за голоса избирателей. Так как исследование процесса выборов и сопутствующих им событий велось в период самих избирательных кампаний, его выводы позволяют взглянуть на их результаты в достаточно масштабном контексте и проследить ситуацию в течение 5 лет как с количеством избирателей и партий, с голосованием и уровнем активности граждан, так и с частностями вроде испорченных бюллетеней.

Выборы 20 мая 1928 года

Весной 1928 года Рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург распустил рейхстаг из-за того, что прежнее правительство так и не смогло решить вопрос с законом о школьном образовании [1]. По итогам внеочередных выборов СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) получила большинство голосов избирателей, а НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) удалось провести лишь 12 депутатов (табл. 1). Впервые с 1920 года рейхсканцлером стал социал-демократ — представитель Партии центра, не имеющей большинства в составе рейхстага, Генрих Брюнинг. Это обстоятельство сильно пошатнуло положение партий правого центра [2].

Таблица 1

Результаты выборов за 20 мая 1928 года¹

Количество избирателей	Проголосовавшие избиратели	Испорченные бланки	Явка на выборы	Количество партий-участников
41 224 678	31 165 789	412 542	75,6%	43

Политическая партия	СДПГ	ДНВП	Партия центра	КПГ	ДВП ²	НСДАП	Другие партии	Итоги
Голоса избирателей (в %)	29,8	14,3	12,1	10,7	8,7	2,6	20,6	98,7
Места в рейхстаге	153	73	61	54	45	12	93	491

Выборы 14 сентября 1930 года

Отклонение проекта годового бюджета рейха, представленного Г. Брюнингом, привело к тому, что 16 июля 1930 года рейхстаг вновь был распущен [3]. Последующие за этим выборы состоялись 14 сентября 1930 года: резко улучшив свое положение и уступив СДПГ, НСДАП заняла второе место (табл. 2). Рост ее авторитета можно объяснить экономическим кризисом, затронувшим тогда многие страны мира. Время с 1928 по 1930 год принято называть периодом «Великой депрессии», когда в отдельных государствах капиталистического мира, включая Германию, общество перестало доверять власти, обвиняя ее в проблемах, с которыми столкнулась основная масса людей. Избиратели готовы были отдавать свои голоса за любую альтернативу, которая обещала хотя бы стабильность [3].

¹ Das Deutsche Reich. Reichstagswahl 1928. URL: <https://gonschior.de/weimar/Deutschland/RT4.html>.

² Немецкая народная партия — правая партия.

В марте 1930 года правительство «большой коалиции», возглавляемое представителем СДПГ Германом Мюллером, развалилось из-за нерешенного вопроса о повышении страхового взноса по безработице.

Право назначения рейхсканцлера рейхспрезидентом и формирования правительства меньшинством в период чрезвычайного положения было закреплено конституцией (Приложение 6). С марта 1930 года в Германии не было сформировано ни одного правительства, которое поддерживалось большинством в парламенте. Когда рейхстаг не соглашался с тем или иным законом, рейхспрезидент распускал его по предложению рейхсканцлера [2].

Таблица 2

Результаты выборов за 14 сентября 1930 года³

Количество избирателей	Проголосовавшие избиратели	Испорченные бланки	Явка на выборы				Количество партий-участников	
42 982 912	35 224 499	268 028	81,9%				37	
Политическая партия	СДПГ	ДНВП	Партия центра	КПГ	ДВП	НСДАП	Другие партии	Итоги
Голоса избирателей (в %)	24,5	7,1	11,8	13,1	4,8	18,3	19,7	99,2
Места в рейхстаге	143	41	68	77	30	107	111	577

Выборы 31 июля 1932 года

В июне 1932 года Гинденбург опять распустил рейхстаг, теперь уже по просьбе нового Рейхсканцлера Франса фон Папена, так как большинство партий не поддерживали правительство [1].

Последующая за этим избирательная кампания стала самой кровавой в истории республики из-за массовых столкновений между представителями НСДАП и КПГ (Коммунистическая партия Германии). Началом для беспорядков послужила отмена Папеном запрета на деятельность СС и СА. Это привело к конфликтам между партиями НСДАП и КПГ. 17 июля 1932 года в городе Альтон, известном как оплот социал-демократов и коммунистов, штурмовики НСДАП в качестве провокации провели марш. При противостояниях представителей левых и правых партий, постепенно переросших в общегородские столкновения, были использованы не только физическая сила и дубинки, но и огнестрельное оружие, в итоге погибло 17 человек [4].

³ Das Deutsche Reich. Reichstagswahl 1930. URL: <https://gonschior.de/weimar/Deutschland/RT5.html>.

Явка избирателей на выборах в июле 1932 года составила 84,06 процента — наивысший показатель за всю историю Веймарской республики. На ее уровне могла сказаться высокая конкурентность выборов, ставшая причиной пристального внимания и особого интереса граждан. НСДАП получила 37,36 процента голосов, став сильнейшей партией парламента (табл. 3). Такое развитие событий оказалось наихудшим исходом для будущего республики.

Таблица 3

Результаты выборов за 31 июля 1932 года⁴

Количество избирателей	Проголосовавшие избиратели	Испорченные бланки	Явка на выборы				Количество партий-участников
44211 216	37 162 081	279 727	84,1%				62
Политическая партия	СДПГ	ДНВП	Партия центра	КПГ	НСДАП	Другие партии	Итоги
Голоса избирателей (в %)	21,6	7,4	12,4	14,6	37,4	5,9	99,3
Места в рейхстаге	133	45	75	89	230	36	608

Выборы 6 ноября 1932 года

Исходя из того, что предыдущие выборы правительству большинства не принесли, 12 сентября 1932 года Пауль фон Гинденбург принял решение о роспуске парламента и назначении новых выборов. Франс фон Папен собирался зачитать решение об этом во время заседания, но действующий на тот момент Президент рейхстага Герман Геринг, проигнорировав его, вынес вотум недоверия правительству. Результат голосования оказался достаточно убедительным, — 513 голосов против 43. Формально данный акт был недействительным, так как Папен положил приказ о роспуске парламента на стол Геринга до окончания голосования [5]. Получилось так, что в этой ситуации президент рейхстага и рейхспрезидент были проигнорированы друг другом.

На выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года НСДАП, потеряв 4 процента голосов, лишилась возможности сформировать независимое от рейхспрезидента правительство национал-социалистической партии (табл. 4). КПГ и НСДАП отказались сотрудничать как между собой, так и с другими партиями. Поскольку они в сумме получили абсолютное большинство мест, то

⁴ Das Deutsche Reich. Reichstagswahl Juli 1932. URL: <https://gonschior.de/weimar/Deutschland/RT6.html>.

могли себе позволить блокировку формирования коалиции любого парламентского большинства, не нуждающегося в поддержке рейхспрезидента. Иначе говоря, опасность вотума недоверия кабинету оставалась актуальной.

Таблица 4

Результаты выборов за 6 ноября 1932 года⁵

Количество избирателей	Проголосовавшие избиратели	Испорченные бланки	Явка на выборы	Количество партий-участников
44 374 085	35 758 259	287 471	80,6%	52

Политическая партия	СДПГ	ДНВП + ДВП	Партия центра	КПГ	НСДАП	Другие партии	Итоги
Голоса избирателей (в %)	20,4	10,7	11,9	16,9	33,1	6,2	99,2
Места в рейхстаге	121	63	70	100	196	34	584

Выборы 5 марта 1933 года

В 1932 году Франс фон Папен был смещен со своего поста своим союзником Куртом фон Шлейхером, который и занял его должность. Месть Папена вылилась в заключение союза с Адольфом Гитлером и в помощи ему в на пути к позиции рейхсканцлера [2]⁶.

30 января 1933 года Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии. Это случилось не сразу: сначала рейхспрезидент склонялся к другим кандидатурам, но после договоренностей с отдельными политиками-консерваторами (с тем же Папеном, надеявшимся на сохранение собственного контроля над деятельностью Гитлера) решение было принято [2].

1 февраля 1933 года рейхстаг был распущен в очередной раз, — формально по просьбе рейхсканцлера. Реальным основанием послужила невозможность сформировать работоспособное большинство как в парламенте, так и само правительство. На тот момент партия Гитлера лишь для вида вела переговоры с Партией центра. Новый рейхсканцлер с самого начала планировал назначение новых выборов для получения большинства. Здесь стоит отметить гибкость политики Гинденбурга, который на протяжении 5 лет раз за разом соглашался на роспуск парламента по просьбе рейхсканцлеров.

28 февраля — в разгар избирательной кампании — в здании рейхстага произошел пожар. В последующем НСДАП активно использовала эту тему

⁵ Das Deutsche Reich. Reichstagswahl November 1932. URL: <https://gonschior.de/weimar/Deutschland/RT7.html>.

⁶ Там же.

в свою пользу, устами Гитлера обвинив в поджоге коммунистов и социалистов. В итоге последовали соответствующие аресты. В силу состоявшегося роспуска рейхстага парламентская неприкосновенность переставала действовать, следовательно, аресты бывших депутатов от КПП и СДПП укладывались в рамки законодательства [6].

В поджоге обвинили коммуниста Маринуса ван дер Люббе, задержанного на месте преступления, лидера парламентской фракции КПП Эрнста Торглера и трех коммунистов из Болгарии: Георгия Димитрова, Василя Танева и Благоя Попова. Димитров сыскал наибольшую славу в процессе судебных заседаний, выступив в роли собственного защитника во время допроса одного из самых важных свидетелей, — Г. Геринга, который на тот момент, помимо поста председателя рейхстага, занимал должность премьер-министра Пруссии. Димитрову удалось заставить усомниться присутствовавших в достоверности показаний Геринга [7].

Обвинительный приговор был вынесен 23 декабря 1933 года только в отношении М. ван дер Люббе, который был приговорен к смертной казни и 10 января 1934 года казнен на гильотине. То есть «поджигатель» по официальной версии не только был найден, но и предан суду и наказан, но все же ходили упорные слухи о причастности к поджогу членов НСДАП.

Как бы там ни было, Гитлер сумел использовать случившееся для того, чтобы убедить Гинденбурга в необходимости издания указа «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 года (Приложение 4). Этот указ отменял гражданские права, установленные конституцией, ограничивал личные права и свободы граждан, свободу слова и печати, свободу собраний и митингов [8]. Документ разрешал просмотр корреспонденции и прослушивание телефонов, обыски и арест имущества; критика в адрес правительства стала преступлением; указ позволял проводить так называемые защитные аресты, которые могли быть осуществлены без суда и следствия [9].

Были уничтожены остатки свободы, в том числе и те, которые обеспечивали функционирование избирательной системы. Все печатные издания СДПП были запрещены сначала на территории Пруссии, затем и на остальных землях. 3 марта 1933 года был арестован председатель КПП, далее последовали многочисленные аресты ее членов. Специальным постановлением была запрещена деятельность КПП, мандаты ее членов в парламенте были аннулированы.

Последующие за этими событиями выборы в уже новых условиях 5 марта 1933 года нельзя было назвать свободными, так как в ходе избирательной кампании НСДАП откровенно и активно запугивала и подавляла несогласных. По итогам выборов она получила относительное большинство голосов (табл. 5). Чтобы получить абсолютное большинство в рейхстаге, после выборов ей пришлось объединиться с ДНВП (Немецкая национальная народная партия — правая партия).

Различного рода исследования до сих пор не выявили данные о фальсификации выборов или жалобах на результаты выборов со стороны граждан, поэтому высокие показатели НСДАП сложно подвергать каким-либо обоснованным сомнениям. Хотя понятно, что тогда люди были сильно запуганы, а сами выборы проходили в условиях преследования членов коммунистической и социал-демократической партий. Да и поддержка других партий могла обернуться негативными последствиями для конкретного избирателя.

Таблица 5

Результаты выборов за 5 марта 1933 года⁷

Количество избирателей	Проголосовавшие избиратели	Испорченные бланки	Явка на выборы		Количество партий-участников		
44 685 764	39 655 029	311 698	88,7%		14		
Политическая партия	СДПГ	ДНВП	Партия центра	КПГ	НСДАП	Другие партии	Итоги
Голоса избирателей (в %)	19,1	7,9	11,3	12,3	43,9	4,7	99,2
Места в рейхстаге	125	52	73	81	288	28	647

Конец эпохи свободных выборов

Выборы 1933 года стали последними свободными выборами в истории Веймарской республики. Мандаты КПГ были аннулированы 8 марта 1933 года; независимой оставалась лишь СДПГ, которая была единственной партией, проголосовавшей против принятия закона «О защите бедственного положения народа и Рейха» от 2 марта 1933 года (Приложение 5), предоставлявшего рейхсканцлеру и кабинету министров право принимать законы и контролировать их исполнение без участия парламента и рейхспрезидента [10]. Уже 14 июля деятельность всех партий, кроме НСДАП, была запрещена законом, носившим название «Против образования партий». Выборы проводились и в период Третьего рейха, однако они были не свободными и не демократическими: альтернатива полностью отсутствовала, для голосования был представлен лишь один партийный список от НСДАП.

* * *

НСДАП получала поддержку относительного большинства электората начиная с 1932 года, но абсолютная власть в рейхстаге ей была недоступна. Активно участвуя в пяти избирательных кампаниях, на выборах в 1928 году

⁷ Das Deutsche Reich. Reichstagswahl 1933. URL: <https://gonschior.de/weimar/Deutschland/RT8.html>.

она получила 2,8 процента голосов избирателей; в 1930 году — 18,3; в июле 1932 года — 37,4; в ноябре того же года — 33,1; в марте 1933 года — 43,9 процента голосов. Даже на наиболее успешных последних выборах ей не удалось получить абсолютное большинство голосов. Оно было достигнуто партией только после выборов и лишь с помощью эффективных политических коммуникаций с ДНВП по объединению депутатских мест. Приход НСДАП к власти с пятой попытки говорит о наличии высокой конкуренции среди политических партий. Ведь ей благоприятствовали такие объективные факторы, как экономическая нестабильность, успешные переговоры с рейхспрезидентом, консерваторами и ДНВП, то есть, более чем удачные внутриполитические коммуникации.

А. Гитлер пришел к власти в 1933 году на основе демократических выборов, если не принимать во внимание репрессии. К абсолютному контролю над страной он начал стремиться после своего назначения на должность рейхсканцлера. Иницилируемые им и принимаемые в последующем указы и законы позволили ему осуществить переход к единоличной диктатуре. И все же Гитлеру пришлось потратить 5 лет, чтобы в рамках эффективных выборных процедур завоевать относительное большинство, а затем — посредством коалиции с ДНВП — и абсолютное большинство в рейхстаге. После этого, добившись своей цели, он уже перестал видеть необходимость в наличии системы выборов в Германии и положил конец демократической Веймарской республике.

Reichswahlgesetz **Закон «О выборах в Рейхе» от 27 апреля 1920 года**

Учредительное Национальное собрание Германии приняло настоящий закон, который после одобрения Комитетом штатов подлежит обнародованию:

1. Избирательное право и избрание

§ 1. 1. Правом избирать обладает любой гражданин Рейха, которому на день проведения выборов исполнилось 20 лет.

2. Каждый избиратель обладает одним голосом.

§ 2. 1. Избирательным правом не обладают:

– недееспособные или находящиеся под временной опекой или под опекой в связи психическим расстройством;

– лица, утратившие свои гражданские права по решению суда.

2. Военнослужащие не могут реализовывать избирательное право в течение всего срока службы в вооруженных силах.

3. Не допускаются к осуществлению избирательного права лица, находящиеся в санатории или доме престарелых по причине наличия психического заболевания или умственной отсталости, а также лица, находящиеся под следствием, и лица, содержащиеся под стражей по приговору суда или решению полиции. Исключение составляют лица, находящиеся под стражей по политическим мотивам.

§ 3. Голосовать могут только те, кто внесен в список избирателей или избирательный регистр, или обладает избирательным бюллетенем.

§ 4. Пассивным избирательным правом обладает любой человек, которому на день выборов исполнилось 25 лет, и срок пребывания в гражданстве составляет более 1 года.

§ 5. 1. Депутат теряет свое место:

– в результате отставки;

– в результате последующей потери избирательного права;

– в результате лишения права голоса на государственных выборах по решению уголовного суда;

– в результате признания выборов недействительными или иного снятия в результате процедуры пересмотра результатов выборов;

– в результате последующего изменения результатов выборов.

2. Отзыв должен быть объявлен Рейхспрезидентом. Он не может быть отменен.

2. Подготовка к выборам

§ 6. День всеобщих выборов назначается Рейхспрезидентом.

§ 7. Деление на избирательные округа и образование ассоциаций избирательных округов регулируется Приложением.

(Дополнение: в Приложении к Закону говорится о делении территории на 35 избирательных округов и 17 ассоциаций округов.)

§ 8. Для предварительного контроля и определения выборов на всей территории Рейха Рейхсминистр внутренних дел назначает Рейхсминистра по выборам и его заместителя.

§ 9. Для голосования каждый избирательный округ делится на более мелкие избирательные участки, каждый из которых по возможности совпадает с муниципалитетом. Крупные муниципалитеты могут быть разделены на несколько избирательных участков. Более мелкие могут быть объединены с соседними муниципалитетами или их частями в отдельный избирательный участок.

§ 10. 1. На каждом избирательном участке назначается председатель и заместитель.

2. Председатель назначает от трех до шести заседателей и секретаря из числа избирателей данного участка.

3. Председатель, заседатели и секретарь образуют избирательный совет участка.

§ 11. 1. На каждом избирательном участке составляется список избирателей или регистр избирателей, проживающих в данном округе.

2. Государственные служащие и работники государственных предприятий, обладающие избирательным правом и проживающие за границей вблизи границ Рейха, и члены их семей, обладающие избирательным правом, по их заявлению вносятся в список избирателей или регистр избирателей соседней немецкой коммуны.

3. Положение о выборах определяет условия, при которых избиратель по его заявлению вычеркивается из списка избирателей или регистра избирателей, и ему выдается избирательный бюллетень.

§ 12. 1. Списки избирателей и их регистр должны быть доступны для общественности не позднее чем за 4 недели до выборов, в течение 8 дней. Муниципальный орган публично объявляет о месте и времени выборов и обращает внимание на сроки подачи возражений.

2. Возражения подаются в муниципальный орган до истечения срока обнародования списков и должны быть рассмотрены в течение 14 дней. После этого списки или регистры избирателей закрываются.

§ 13. Избиратель может голосовать только на том избирательном участке, где он числится в списках или регистре. Обладатели избирательного бюллетеня могут голосовать в любом округе (*пояснение: гражданин имеет право написать заявление о предоставлении ему бюллетеня и об исключении его из списков избирателей или картотеки*).

§ 14. 1. Для каждого избирательного округа назначается председатель по окружным выборам и его заместитель.

2. Списки выдвигаемых кандидатов по округу должны быть представлены председателю по окружным выборам не позже чем за 21 день до дня выборов.

3. Для выдвижения списка кандидатов необходимо собрать подписи не менее 50 избирателей округа. Фамилии кандидатов должны быть расположены в общепринятом порядке.

4. В список выдвигаемых кандидатов могут быть включены только заявившие письменно о своей согласии кандидаты. Заявление должно быть предоставлено председателю по окружным выборам не позднее чем за 21 день до выборов, в противном случае кандидат выбывает.

5. Кандидат может выдвигаться в отдельном избирательном округе только один раз.

§ 15. 1. Для каждой ассоциации округов назначается председатель по выборам ассоциации округов и его заместитель.

2. В рамках одной ассоциации округов может быть несколько связанных окружных списков кандидатов. Объединение будет действовать, только если они будут связаны со списком для выборов на государственном уровне.

3. Не позднее чем за 14 дней до выборов представитель от списка кандидатов или его заместитель должны также предоставить свое согласие председателю по окружным выборам в письменной форме.

§ 16. 1. Списки кандидатов для выборов на уровне Рейха должны быть поданы председателю по выборам на уровне Рейха не позднее чем за 16 дней до выборов. Фамилии кандидатов должны быть расположены в общепринятом порядке.

2. В список могут быть включены только те кандидаты, которые письменно заявили о своем согласии председателю по выборам на уровне Рейха не позднее чем за 16 дней до выборов, в противном случае кандидат выбывает.

3. Кандидат может быть выдвинут только в списке для выборов на уровне Рейха. Выдвижение в списках на выборы на уровне Рейха не запрещает выдвижение в списках по округам, если заявление было предъявлено в соответствии с § 18.

§ 17. 1. В каждом списке кандидатов как для окружных выборов, так и для выборов на уровне Рейха, должен быть определен представитель и его заместитель, которые вправе обращаться с заявлениями к председателю по окружным выборам и в избирательные комиссии. Они также уполномочены предоставлять списки кандидатов для выборов на уровне Рейха председателю комиссии по выборам данного уровня и избирательной комиссии Рейха. Если представитель не был назначен, им выступает первый кандидат из списка, второй кандидат займет место его заместителя.

2. Если более половины лиц, подписавших список кандидатов, заявляют в письменной форме о необходимости замены представителя или его заместителя другим лицом, то это лицо должно занять место прежнего представителя или заместителя, как только заявление поступит к председателю по выборам данного уровня.

§ 18. Лица, предоставляющие списки кандидатов по округам, могут заявить о том, что их оставшиеся голоса должны быть отнесены к спискам по выборам на уровне Рейха. Необходимо предоставить заявление председателю по окружным выборам не позднее чем за 10 дней до выборов. В противном случае остатки исключаются из процедуры их распределения на выборах на уровне Рейха.

§ 19. Заявление, поданное посредством телеграфа, считается письменным заявлением в рамках подразделов 2 и 4 раздела 14; подраздела 3 раздела 15; подраздела 1 раздела 16; раздела 18, в том случае, если оно подтверждено письменным заявлением, полученным не позднее чем на второй день после истечения установленного срока.

§ 20. Для проверки списков кандидатов по окружным выборам в каждом округе формируется избирательная комиссия. В нее входят председатель и 4 заседателя, которые назначаются из числа избирателей. Избирательная комиссия принимает решение большинством голосов.

Внесение изменений или снятие кандидатур после утверждения списка невозможно.

§ 21. 1. Для рассмотрения связанных списков по окружным ассоциациям формируется избирательная комиссия по выборам в ассоциации: председатель по выборам на уровне ассоциаций и 4 заседателя. Решение принимается большинством голосов.

2. Председатель обязан уведомлять председателей по окружным выборам о наличии связанных списков по мере их поступления.

§ 22. 1. Для рассмотрения списка кандидатов на уровне Рейха создается избирательная комиссия Рейха: председатель по выборам на уровне Рейха и 6 заседателей, назначаемых из числа избирателей. Решение принимается большинством.

2. Председатель по выборам на уровне Рейха публикует списки кандидатов для выборов в Рейх по мере их поступления не позднее чем за 13 дней до выборов. После публикации внесение изменений и отзыв кандидатов невозможен.

§ 23. Не позднее чем за 4 дня до выборов председатель по окружным выборам публикует списки кандидатов от округа и Рейха, уведомляет о наличии объединенных списков по утвержденной форме.

§ 24. 1. В избирательный бюллетень могут быть включены имена только из списков по данному округу. Достаточно одного имени из каждого списка.

2. Вместо фамилий или рядом с ними в бюллетене может также содержаться обозначение списка кандидатов округа с указанием его номера из официального опубликования.

§ 25. 1. Указание политической партии в бюллетене допускается.

2. Любая другая информация делает бюллетень недействительным.

3. Порядок проведения выборов и определения их результатов

§ 26. Проведение выборов и определение их результатов являются публичными.

§ 27. Голосование проводится с помощью бюллетеней в официальных запечатанных конвертах. Не явившиеся на выборы избиратели не могут быть представлены или иным образом участвовать в выборах.

§ 28. Избирательная комиссия участка принимает решение о действительности бюллетеней большинством голосов. В случае равенства голосов решающий голос остается за председателем избирательной комиссии. Право на обжалование процедуры проверки выборов остается за избирателями.

§ 29. Для определения результатов выборов избирательная комиссия округа должна определить итоговое количество голосов избирателей и количество голосов, отданных за каждый список.

§ 30. Каждый список получает 1 место за каждые 60 тысяч голосов. Голоса, количества которых недостаточно для выделения еще одного места для списка по округу, в случае, когда были поданы заявления о связанных списках, передаются в избирательную комиссию ассоциации. Если связанные списки отсутствуют, то оставшиеся голоса идут в избирательную комиссию Рейха.

§ 31. 1. Избирательная комиссия ассоциации суммирует оставшиеся голоса, поданные за связанные списки. На каждые 60 тысяч полученных таким образом голосов — 1 дополнительное место. Эти места распределяются по округам в соответствии с количеством оставшихся голосов. Оставшиеся голоса не учитываются, если за список в округе было отдано менее 30 тысяч голосов. В случае равного числа оставшихся голосов по нескольким спискам в округе очередность получения места разрешается жеребьевкой.

2. Оставшиеся голоса, которые не были использованы или учтены при подсчете избирательной комиссией ассоциации округов, передаются избирательной комиссии Рейха.

§ 32. Избирательная комиссия Рейха суммирует оставшиеся голоса, поданные во всех избирательных округах или ассоциациях округов по спискам для выборов

Рейха. За каждые 60 тысяч голосов выделяется 1 место для списка кандидатов по Рейху. Оставшиеся голоса суммой свыше 30 тысяч автоматически приравниваются к 60 тысячам. Списку по выборам Рейха может быть выделено максимум столько же депутатских мест, сколько было выделено окружным спискам, к которым он относится.

§ 33. Места распределяются между кандидатами в соответствии с порядком списка.

§ 34. 1. Если окружной список содержит меньше имен, чем было получено мест, то оставшиеся места распределяются по связанному списку ассоциации округов. Если в данном случае также остаются места, то они распределяются между кандидатами из списка Рейха.

2. Если количество мест будет больше оставшихся имен в списке, то мандаты остаются незанятыми.

§ 35. 1. Если лицо, получившее мандат, отказывается быть избранным, или, если один из кандидатов выбывает, то комиссия Рейха определяет, кто должен быть назначен на его место.

2. Процедура соответствует разделам 33 и 34.

§ 36. 1. Если выборы в избирательном округе признаны недействительными в ходе процедуры проверки результатов выборов, избирательная комиссия Рейха распределяет все оставшиеся голоса заново на основании результатов повторных выборов.

2. Если в результате этого количество мест, приходящихся на связанные списки или списки Рейха, выросло, то соответствующее количество новых депутатских мандатов распределяется в соответствии с разделом 32.

Если на связанные списки или списки Рейха вышло меньше мест, чем было раньше, то избирательная комиссия Рейха объявляет соответствующее количество мест в парламенте утраченными.

При выбывании применяются те же принципы, что и при включении заменяющих кандидатов. Однако те кандидаты, которые вошли последними, будут выходить из состава первыми.

§ 37. 1. Если выборы не были проведены должным образом на отдельных избирательных участках, то суд по пересмотру результатов выборов может принять решение о повторном проведении выборов в этом округе. Рейхсминистр внутренних дел должен привести в исполнение решение в кратчайшие сроки.

2. Если на отдельных избирательных участках было установлено наличие препятствия для надлежащего проведения выборов, Рейхсминистр внутренних дел может по просьбе окружной избирательной комиссии и с согласия комиссии Рейха распорядиться о проведении повторных выборов в данном округе.

3. Распоряжение Рейхсминистра подлежит проверке в суде в рамках процедуры пересмотра результатов выборов.

4. Повторные выборы должны проводиться не позднее чем через 6 месяцев после основных выборов.

5. На повторных выборах голосование проводится по тем же спискам для окружных выборов и на основании тех же списков избирателей или регистров, что и на основных выборах.

6. На основании повторных выборов результаты по всему избирательному округу или ассоциации определяются заново, как и на основных выборах (разделы 29–32, 36).

4. Переходные и заключительные положения

§ 38. 1. Рейхспрезидент может назначить специальный день выборов для отдельных частей Рейха, что связано с голосованием, предусмотренным Мирным договором (дополнение: Версальский договор), в той мере, в какой это представляется целесообразным с учетом районов для голосования. В этом случае Рейхсминистр внутренних дел уполномочен на внесение изменений в деление избирательных округов и определение подробных положений о выборах, которые должны быть проведены в дальнейшем. Он также правомочен принимать решения об использовании оставшихся голосов в соответствующих избирательных округах и ассоциациях округов.

2. Рейхстаг должен быть осведомлен об отсрочке выборов.

3. Если выборы откладываются, то члены парламента, избранные в избирательных округах 1 (Provinz Ostpreußen), 10 (Regierungsbezirk Oppeln) и 14 (Provinz Schleswig-Holstein und oldenburgischer Landesteil Lübeck), считаются членами Рейхстага до проведения новых выборов. В отношении части бывшего избирательного округа 2 (Provinz Westpreußen) к востоку от Вислы, которая не отошла ни к Польше, ни к Вольному городу Данциг, избирательная комиссия Рейха выделяет по одному месту двум спискам, получившим наибольшее количество голосов на выборах в парламент. Раздел 33 и первая часть раздела 35 применяются аналогично.

§ 39. Четыре пятых расходов, понесенных муниципалитетами в связи с выборами, возмещает Рейх. Все иные расходы по выборам несет только Рейх.

§ 40. 1. Для возмещения расходов на закупку необходимых для выборов бюллетеней Рейх выплачивает представителям списков кандидатов по округу сумму, рассчитанную исходя из официально установленного количества действительных голосов, поданных за данный список. Правительство по согласованию с Рейхстагом и Рейхсратом определяет размер отдельной суммы после каждого выборов.

2. В правилах проведения выборов должны быть определены меры, облегчающие закупку и в частности транспортировку бюллетеней.

3. Если бюллетени централизованно распределяются по землям, то сумма, подлежащая выплате представителям, в соответствии с частью 1 распределяется между землями. В этом случае сумма рассчитывается в соответствии с официально установленным общим числом поданных действительных голосов.

§ 41. Рейхсминистр внутренних дел с согласия Рейхсрата издает положение для исполнения закона (Избирательный кодекс).

§ 42. Закон вступает в силу в день, когда Рейхспрезидент назначает выборы в Рейхстаг первого созыва.

Reichswahlordnung **Положение о выборах в Рейхе от 1 мая 1920 года**

Раздел о формировании избирательных комиссий

На общенациональном уровне — Избирательная комиссия Рейха состоит из 7 членов: председатель комиссии по выборам на уровне Рейха назначается Рейхс-министром внутренних дел. Председатель назначает 6 членов комиссии.

На уровне ассоциаций округов — избирательная комиссия ассоциации округов состоит из 6 членов: председатель избирательной комиссии по выборам на уровне ассоциации округов и его заместитель. Назначаются:

- регирунг-президентом (в Пруссии, если избирательный округ охватывает один административный округ);
- обер-президентом (в Пруссии, если избирательный округ охватывает несколько административных округов);
- правительствами земель;
- председатель ассоциации избирательных округов № 4 назначается обер-президентом земли Померания;
- председатель ассоциации избирательных округов № 6 назначается правительством земли Тюрингия;
- председатель ассоциации избирательных округов № 7 назначается правительством земли Гамбург;
- председатель ассоциации избирательных округов № 10 назначается правительством земли Гессен;
- председатель ассоциации избирательных округов № 17 назначается правительством земли Вюртемберг. Четыре заседателя назначаются председателем.

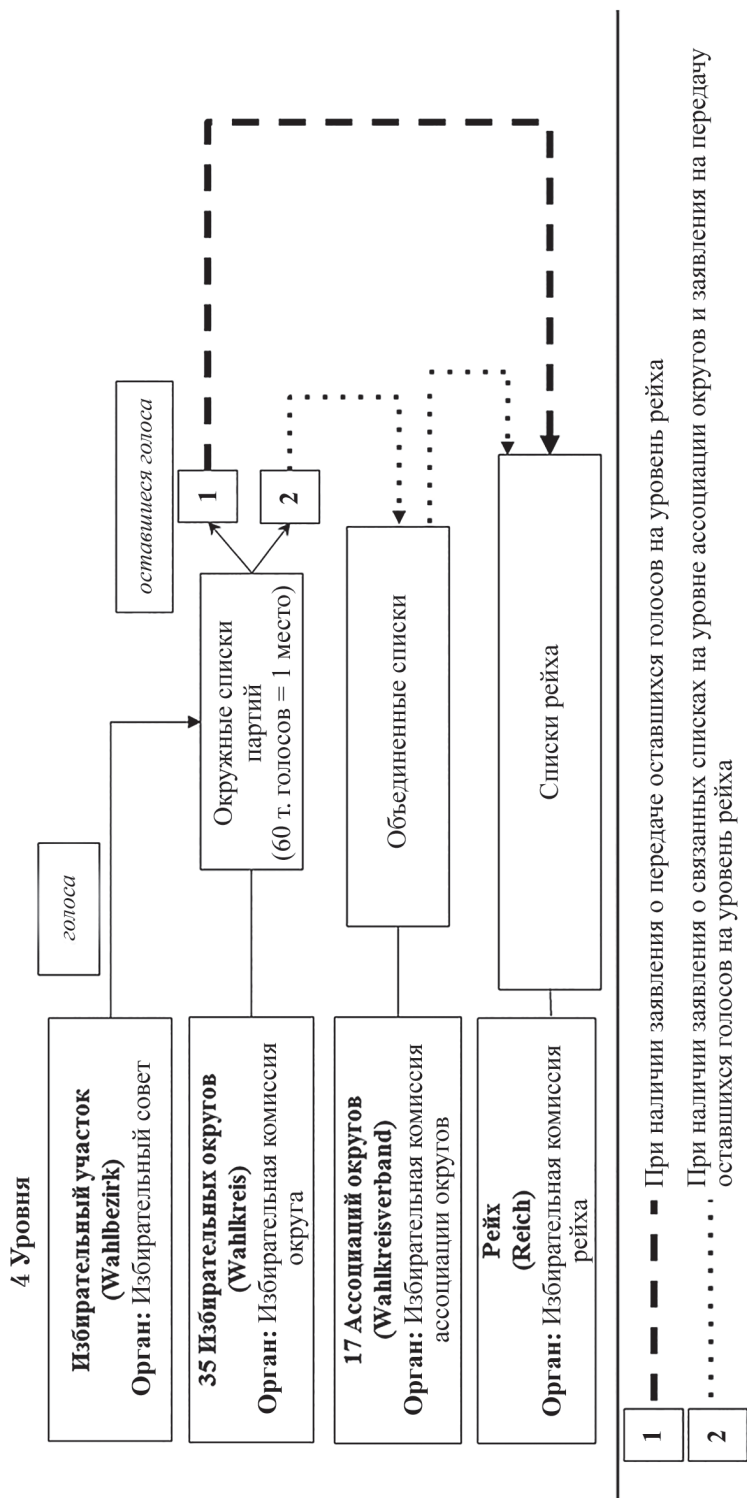
На уровне округа — избирательная комиссия округа, состоит из 6 членов: председатель окружной избирательной комиссии и его заместитель. Назначаются:

- регирунг-президентом (в Пруссии, если избирательный округ охватывает один административный округ);
- обер-президентом (в Пруссии, если избирательный округ охватывает несколько административных округов);
- правительством земель;
- председатель выборов в избирательном округе № 35 назначается правительством земли Мекленбург-Шверин;
- председатель выборов в избирательном округе № 12 назначается правительством земли Тюрингия;
- председатель в избирательном округе № 31 назначается правительством земли Вюртемберг;

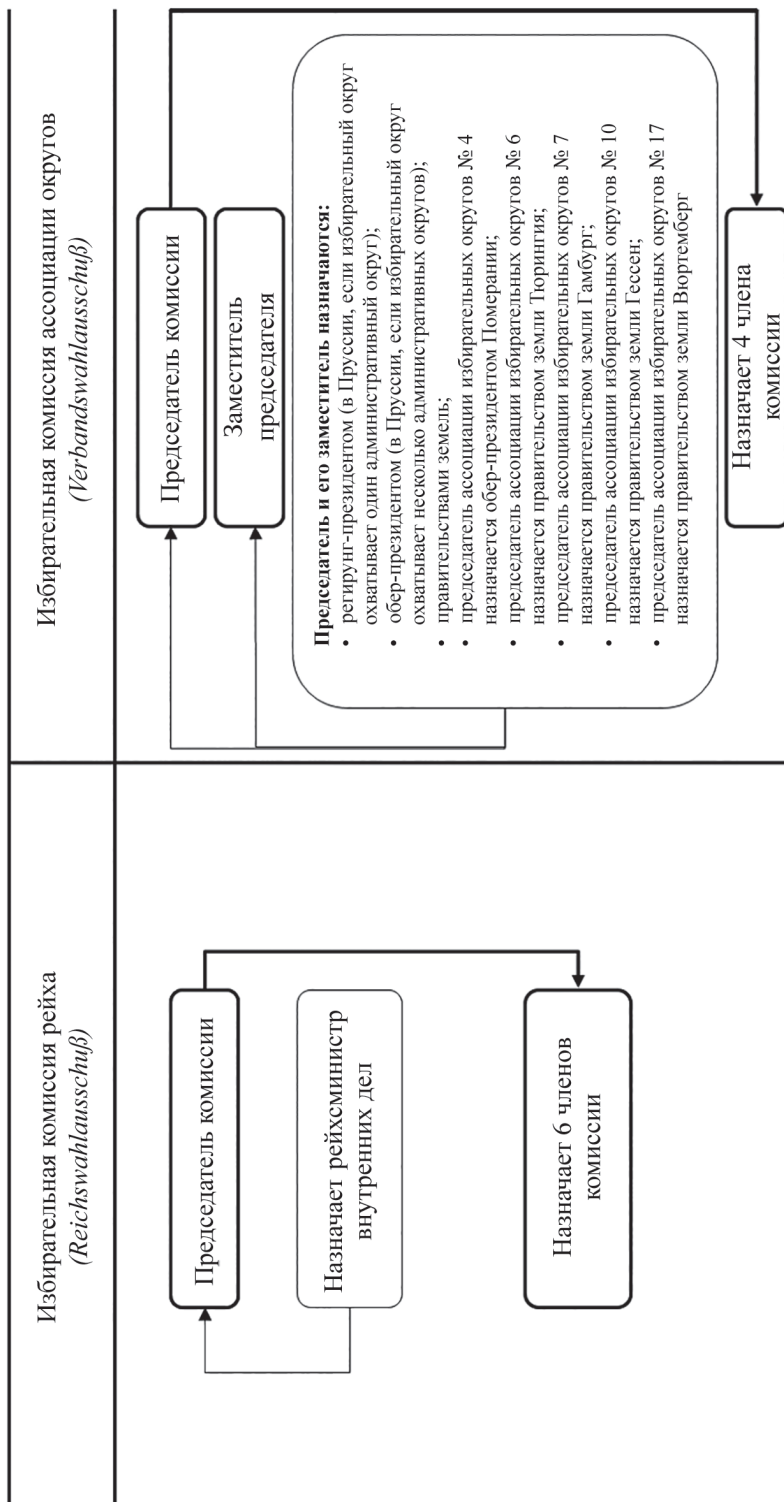
Четыре заседателя назначаются председателем окружной комиссии.

На уровне избирательного участка — избирательный совет состоит из 5–8 человек: председатель совета и его заместитель назначаются ландратом или бургомистром города окружного подчинения. Члены комиссии в количестве от 3 до 6 человек назначаются самим председателем.

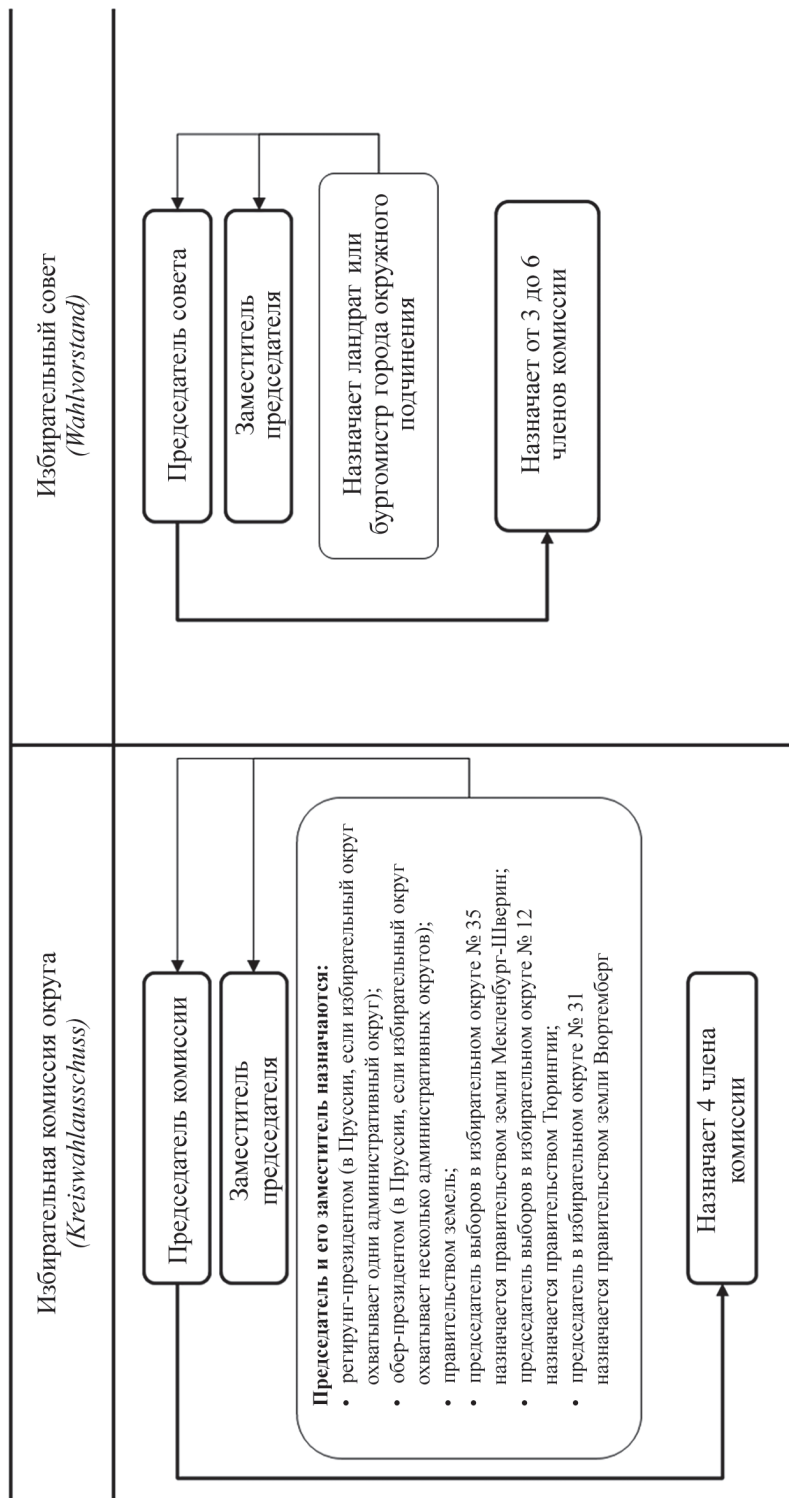
Избирательный процесс согласно Закону «О выборах в Рейхе» от 27 апреля 1920 года

Структура избирательных комиссий (Wahl Ausschuss) на 4-х уровнях

Структура избирательных комиссий (Wahlausschuß) на 4-х уровнях

Приложение 3.3

Функции избирательных комиссий (Wahlausschuß)

<p>Избирательная комиссия рейха (Reichswahlausschuß)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • принимает списки кандидатов для выборов на уровне рейха, осуществляет их проверку; • распределяет места среди списков исходя из суммы оставшихся голосов 	<p>Избирательная комиссия ассоциации округов (Verbandswahlausschuß)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • принимает списки кандидатов для выборов на уровне ассоциации, осуществляет их проверку; • распределяет места среди списков исходя из суммы оставшихся голосов 	<p>Избирательная комиссия округа (Kreiswahlausschuß)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • принимает списки кандидатов для выборов в округе, осуществляет их проверку; • принимает заявления на передачу оставшихся голосов на уровень ассоциаций округов и уровень рейха; • распределяет места среди списков исходя из суммы поданных голосов 	<p>Избирательный совет (Wahlvorstand)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • проводит голосования и осуществляет контроль за ними
--	---	---	--	--	---	---	--

**Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat.
«Reichstagsbrandverordnung»
Указ Рейхспрезидента «О защите народа и государства»
от 28 февраля 1933 года**

На основании статьи 48 пункта 2 Конституции Рейха для защиты от коммунистических актов насилия, угрожающих государству, принимается следующий указ:

§ 1

Действие статей 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 Конституции приостанавливается до особого распоряжения. Поэтому ограничение личной свободы, прав на свободное выражение мнений, включая свободу печати, права на свободу объединений и союзов, нарушение тайны переписки, почты, телеграфа и телефона, постановления об обысках и арестах, а также ограничение собственности допустимы вне пределов, установленных законом для этой цели.

§ 2

Если на территории какой-либо из земель не принимаются меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, Правительство Рейха может временно осуществлять полномочия как высшая земельная власть в этом отношении.

§ 3

Органы власти земель и муниципалитетов (объединенных муниципалитетов) должны выполнять распоряжения Правительства Рейха, изданных на основании параграфа 2, в пределах своей компетенции.

§ 4

1. Лица, нарушающие распоряжения высших земельных властей или подчиненных им властей по выполнению настоящего указа или распоряжения Рейхсминистра в соответствии с параграфом 2, а также подстрекающие или поощряющие такое нарушение, подлежат, если только за это преступление не предусмотрено более строгое наказание, тюремному заключению на срок не менее одного месяца или штрафу в размере от 150 до 15 000 рейхсмарок.

2. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное пунктом 1, повлекшее за собой опасность для жизни человека, наказывается лишением свободы на срок не менее шести месяцев, а если преступление повлекло за собой смерть человека, то смертной казнью; при наличии смягчающих обстоятельств наказание назначается в виде лишения свободы на срок не менее двух лет. Кроме того, может быть назначена конфискация имущества.

3. Лицо, подстрекающее или поощряющее совершение преступления, опасного для общества (п. 2), наказывается тюремным заключением на срок не менее трех месяцев, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок менее трех месяцев.

§ 5

1. К преступлениям, наказываемым смертной казнью относятся те, за которые уголовный кодекс в § § 81 (государственная измена), 229 (отравление), 307 (поджог), 311 (взрыв), 312 (наводнение), 315 п. 2 (повреждение железнодорожных сооружений), 324 (опасное отравление) предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы.

2. Наказанием назначается смертная казнь или, если ранее не применялось иное строгое наказание, пожизненное заключение или лишение свободы на срок до 15 лет:

– лицу, которое собирается убить Рейхспрезидента или члена или уполномоченного Правительства Рейха или земельного правительства, или тому, кто подстрекает, предлагает, принимает такое предложение или вступает в сговор с другим лицом для совершения такого убийства;

– лицу, которое в случаях, предусмотренных статьями 115 (п. 2) Уголовного кодекса (массовые беспорядки при отягчающих обстоятельствах) или статьей 125 (п. 2) Уголовного кодекса (нарушение общественного порядка при отягчающих обстоятельствах), совершает это деяние с оружием или в сознательном и преднамеренном соучастии с вооруженным лицом;

– лицу, осуществляющему незаконное лишение свободы (ст. 239) с намерением использовать удерживаемое лицо в качестве заложника в политической борьбе.

§ 6

Настоящий указ вступает в силу со дня его обнародования.

Приложение 5

Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich.

«Ermächtigungsgesetz»

Закон «О защите бедственного положения народа и Рейха»

от 24 марта 1933 года

Рейхстаг принял следующий закон, который вводится в действие с согласия Рейхсрата после того, как будет установлено, что соблюдены требования, предъявляемые к законодательству, вносящему изменения в Конституцию:

Параграф 1

Законы Рейха могут приниматься правительством Рейха в дополнение к процедуре, предусмотренной Имперской конституцией. Это относится и к законам, указанным в статьях 85 и 87 Конституции Рейха.

Параграф 2

Законы Рейха, принимаемые Правительством Рейха, могут отступать от Имперской конституции в той мере, в какой они не касаются институтов Рейхстага и Рейхсрата как таковых. Права Рейхспрезидента при этом не затрагиваются.

Параграф 3

Законы Рейха, принятые Правительством Рейха, оформляются Рейхсканцлером и публикуются в «Вестнике законодательства Рейха». Если в них не предусмотрено иное, они вступают в силу на следующий день после их обнародования. Статьи 68–77 Конституции Рейха не распространяются на законы, принятые Правительством Рейха.

Параграф 4

Договоры Рейха с иностранными государствами, касающиеся предметов законодательства Рейха, не требуют согласия законодательных органов. Правительство Рейха издает постановления, необходимые для исполнения этих договоров.

Параграф 5

Настоящий закон вступает в силу со дня его обнародования. Он утрачивает силу с 1 апреля 1937 года; он также утрачивает силу после смены нынешнего правительства Рейха другим.

Приложение 6

Рейхсканцлеры и президенты рейхстага в период с 1928 по 1933 год

Год	Рейхсканцлер ⁸	Президент рейхстага ⁹
С июня 1928 по март 1930 года	Герман Мюллер	Пауль Лёбе
С марта 1930 по май 1932 года	Генрих Брюнинг	Пауль Лёбе
С июня 1932 по ноябрь 1932 года	Франц фон Папен	Пауль Лёбе (до августа) Герман Геринг (с августа)
С декабря 1932 по январь 1933 года	Курт фон Шлейхер	Герман Геринг
С 30 января 1933 года	Адольф Гитлер	Герман Геринг

⁸ List of chancellors of Germany. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_chancellors_of_Germany.

⁹ Reichstagpräsident (Weimarer Republik). URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Reichstag_\(Weimarer_Republik\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Reichstag_(Weimarer_Republik)).

Список литературы

1. Wahlen in der Weimarer Republik: Vom Aufbruch in die Demokratie zum Faschismus [Электронный ресурс] // Bundesarchiv. URL: <https://www.bundesarchiv.de/WEIMAR/DE/Content/Virtuelle-Ausstellungen/Nach-dem-grossen-Krieg/wahlmarathon.html> (дата обращения: 30.08.2023).
2. Хафнер С. Некто Гитлер: Политика преступления. Изд. 3-е. / Пер. с нем. Н. Елисеева под ред. Г. Снежинской. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. 320 с.
3. Шарапова В.А. Экономический кризис 1920-х гг. в Германии как причина установления национал-социалистического режима и политической катастрофы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 4.
4. The coup of altona bloody sunday [Электронный ресурс] // Bartered history. URL: <https://barteredhistory.wordpress.com/2018/03/15/the-coup-of-altona-bloody-sunday/> (дата обращения: 30.08.2023).
5. Die Weimar Republic – Deutschlands erste Demokratie. September 1932 [Электронный ресурс] // Weimarer Republic. URL: <https://www.weimarer-republik.net/en/weimar-gateway/timeline-of-the-weimar-republic/1932/september-1932/> (дата обращения: 30.08.2023).
6. The True Story of the Reichstag Fire and the Nazi Rise to Power [Электронный ресурс] // Smithsonian magazine. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/true-story-reichstag-fire-and-nazis-rise-power-180962240/> (дата обращения: 30.08.2023).
7. The Reichstag Fire Trial, 1933–2008: The Production of Law and History [Электронный ресурс] // Monthly review. An indeoendent socialist magazine. URL: <https://monthlyreview.org/2009/03/01/the-reichstag-fire-trial-1933–2008-the-production-of-law-and-history/> (дата обращения: 30.08.2023).
8. Verordnung des Reichspräsidenten zum Schutz von Volk und Staat. «Reichstagsbrandverordnung» [Электронный ресурс] // Dokumentarchiv. URL: <http://www.documentarchiv.de/index.html> (дата обращения: 30.08.2023).
9. Поджог Рейхстага: как сгорела немецкая демократия [Электронный ресурс] // Информационный портал germania-online. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/Gedenkdaten/reichstagsbrand-85-jahre/1949430> (дата обращения: 30.08.2023).
10. Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich. «Ermächtigungsgesetz» [Электронный ресурс] // Dokumentarchiv. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr.html> (дата обращения: 30.08.2023).

О ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме проведения предвыборной агитации посредством агитационных публичных мероприятий в современных условиях. В ней основное внимание уделяется праву кандидатов на осуществление предвыборной агитации в форме публичных мероприятий: собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетов, а также распространения агитационных материалов с использованием сборно-разборных конструкций. Сделан вывод, что современные условия, сложившиеся как на международной арене, так и в российском обществе, порождают необходимость пересмотра некоторых норм действующего избирательного законодательства.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, предвыборная агитация, публичные мероприятия.

ON CONDUCTING PRE-ELECTION CAMPAIGNING THROUGH PUBLIC EVENTS

Abstract. The article is devoted to the problem of conducting election campaigning through public campaigning events in modern conditions. The main attention is paid to the right of candidates to conduct election campaigning in the form of public events: meetings, rallies, processions, demonstrations, and picketing, as well as the distribution of election campaign materials using collapsible structures. It is concluded that the current conditions prevailing both in the international arena and in Russian society give rise to the need for legislative revision of some norms of the current electoral legislation.

Keywords: electoral law, electoral process, election campaigning, public events.

При рассмотрении проблематики проведения предвыборной агитации посредством публичных мероприятий в современных условиях целесообразно начать с определения понятия «предвыборная агитация». Предвыборная агитация представляет собой официальную деятельность, которая реализуется в установленный законом период избирательной кампании. Ее ключевая цель заключается в побуждении избирателей отдать голос тому или иному кандидату, кандидатам или списку кандидатов либо против кандидата или кандидатов [1, с. 52].

СОШНИКОВ Валентин Викторович — член Избирательной комиссии Самарской области с правом решающего голоса; аспирант кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, г. Самара

Главный избирательный закон России, коим, несомненно, является Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) закрепляет официальное определение предвыборной агитации, согласно которому под данным понятием понимается деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них).

Из анализа норм Закона об основных гарантиях следует, что предвыборная агитация может проводиться на каналах организаций телерадиовещания, в периодических печатных изданиях и сетевых изданиях, посредством проведения агитационных публичных мероприятий, изготовления и распространения, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет, печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов, а также иными не запрещенными законом методами.

Юридическая литература располагает множеством работ, посвященных исследованию форм предвыборной агитации. В данной статье рассматривается порядок проведения предвыборной агитации посредством агитационных публичных мероприятий и распространение предвыборных агитационных материалов с использованием сборно-разборных конструкций.

Понятие «публичное мероприятие» закреплено законодателем в Федеральном законе от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹ (далее — ФЗ № 54) как акция, которая проходит в определенной законом форме и имеет ограниченный круг организаторов. На основе буквального толкования закона можно выделить ее признаки: открытость, мирный характер, всеобщая доступность, добровольность участия, отсутствие ограничения по составу участников, но с установленным ограничением в части инициаторов [2, с. 270].

Избирательное право России, закрепляющее условия проведения предвыборной агитации посредством агитационных публичных мероприятий, отсылает участников избирательного процесса к законодательству, устанавливающему такой порядок, то есть к ФЗ № 54, а также предписывает государственным органам, органам местного самоуправления обязанность оказывать содействие зарегистрированным кандидатам, избирательным объединениям в организации и проведении агитационных публичных мероприятий и определяет порядок предоставления последним помещений, пригодных для проведения агитационных публичных мероприятий в форме собраний.

¹ Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета. 2004. № 131.

Из буквального толкования положений ФЗ № 54 следует, что организатор публичного мероприятия в установленные законом сроки уведомляет орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления и на основе полученного ответа о согласовании проводит заявленное мероприятие.

Однако на практике, сложившейся в России в последние годы, возникают ситуации, когда органы исполнительной власти субъектов Федерации или органы местного самоуправления отказывают организаторам публичных мероприятий в их проведении под различными основаниями, а точнее, исходя из внутренней обстановки. Такими основаниями являются негативная санитарно-эпидемиологическая обстановка, вызванная распространением коронавирусной инфекции, и ведение специальной военной операции.

2 августа 2020 года Президентом России был подписан Указ № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»², руководствуясь которым исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации издали свои нормативно-правовые акты, направленные на реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий.

Например, 22 октября 2021 года Губернатором Самарской области было принято постановление № 258 «О комплексе мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Самарской области»³, которое ограничило до особого распоряжения проведение театрально-зрелищных, культурно-просветительских, зрелищно-развлекательных, спортивных и других массовых мероприятий.

Учитывая, что понятие «массовость» участников публичных мероприятий предполагает невозможность точного (арифметического) подсчета предполагаемого количества участников этих акций, действующее законодательство связывает проведение публичных мероприятий с массовым присутствием или прохождением граждан.

Таким образом, по нашему мнению, санитарно-эпидемиологическая обстановка, а также нормативно-правовые акты, направленные на реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, принятые исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, лишили кандидатов, участвующих в выборах 2022 года, права проведения

² Указ Президента РФ от 02 апреля 2022 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14 (часть I). Ст. 2082.

³ Постановление Губернатора Самарской области от 22 октября 2021 года № 258 «О комплексе мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Самарской области» // Волжская коммуна. 2021. № 173 (31172).

предвыборной агитации посредством проведения агитационных публичных мероприятий.

Согласно сведениям ЦИК России⁴, в период с 22 октября 2021 года по 11 сентября 2022 года на территории Самарской области проводились следующие избирательные кампании: 17 апреля 2022 года — повторные выборы депутата Думы городского округа Тольятти VII созыва по одномандатному избирательному округу № 17; 15 мая 2022 года — дополнительные выборы депутатов Думы городского округа Жигулевск Самарской области седьмого созыва по одномандатным избирательным округам № 3, 19, 20 и другие; 11 сентября 2022 года — дополнительные выборы депутата Самарской Губернской Думы седьмого созыва по Красноярскому одномандатному избирательному округу № 14 и другие.

23 февраля 2022 года В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции, которая направлена на защиту людей, на протяжении восьми лет подвергавшихся издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. 19 октября 2022 года Президентом России подписан Указ № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года»⁵, согласно которому в четырех субъектах России введено военное положение, в ряде других субъектов особые режимы: средний уровень реагирования, уровень повышенной готовности, уровень базовой готовности. В связи с этим исполнительными органами государственной власти субъектов Федерации были изданы свои нормативно-правовые акты, направленные на реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий.

В частности, решением оперативного штаба Самарской области в соответствии с пунктами 5–8 приведенного выше Указа Президента ограничено до особого распоряжения проведение публичных акций, за исключением тех, которые проводятся органами государственной власти Самарской области, органами местного самоуправления и подведомственными им организациями, а также публичных мероприятий, организованных в соответствии с законодательством о выборах и референдумах.

* * *

Исходя из приведенных выше положений можно сказать, что ограничения, вводимые исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года, не отразились на запрете проведения предвыборной агитации посредством проведения агитационных публичных

⁴ Календарь выборов // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: <https://http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

⁵ Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года» // Российская газета. 2022. № 238.

мероприятий участниками избирательного процесса в период действия нормативно-правовых актов.

В заключение остановимся на распространении предвыборных агитационных материалов с использованием сборно-разборных конструкций.

С учетом анализа действующего законодательства, а конкретно, ФЗ № 54 распространение предвыборных агитационных материалов кандидатами, избирательными объединениями с использованием сборно-разборных конструкций формально можно отнести к проведению публичного мероприятия в форме пикетирования, но только формально.

Юридически же распространение предвыборных агитационных материалов в ходе избирательного процесса не может являться пикетированием, так как пикетирование — это форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции.

Из указанной формулировки следует, что формат агитационного мероприятия, при котором осуществляется распространение предвыборного агитационного материала кандидата, избирательного объединения, в том числе с использованием сборно-разборных конструкций, не является пикетом, так как при этом отсутствуют пикетируемый объект, а также иные признаки, определяющие форму публичного мероприятия в качестве пикетирования.

Между тем сложившаяся в настоящее время судебная практика свидетельствует о фактах признания судами распространения предвыборного агитационного материала кандидата с использованием сборно-разборных конструкций пикетированием. Например, 11 октября 2023 года решением Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области кандидат в депутаты Думы городского округа Тольятти восьмого созыва, распространявший в ходе избирательной кампании 14 августа 2023 года предвыборные агитационные материалы кандидата с использованием сборно-разборных конструкций, признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, то есть в проведении публичного мероприятия с использованием средств наглядной агитации, — плаката, без подачи в установленном порядке уведомления о его проведении [3].

Резюмируя изложенное, автор приходит к выводу, что современные условия, сложившиеся в российском обществе, порождают необходимость законодательного пересмотра некоторых норм действующего избирательного законодательства.

В настоящее время необходимо установление дополнительной защиты права кандидатов и избирательных объединений на осуществление предвыборной агитации посредством проведения агитационных публичных мероприятий, а также распространение предвыборного агитационного материала

кандидата, избирательного объединения, в том числе с использованием сборно-разборных конструкций. Автор выражает надежду, что сделанные им выводы помогут в совершенствовании избирательного законодательства.

Список литературы

1. Андреева Л.А., Перетягина Л.В. К вопросу об агитации в избирательном процессе // Вопросы современной юриспруденции: сб. статей по матер. LXVI междунар. науч.-практ. конф. 2016. № 10(60).
2. Рубцов О.И. Понятие и признаки публичного мероприятия // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.
3. Решение Автозаводского районного суда города Тольятти Самарской области от 11 октября 2023 года // URL: https://avtozavodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=sf&delo_id=1540005.

А.В. ИЛЬИНЫХ
А.Ю. КУЗЬМИНА

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОТКАЗА ОТ ВЫБОРНОЙ ДОЛЖНОСТИ И ДЕПУТАТСКОГО МАНДАТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

***Аннотация.** В статье рассматриваются правовые основы отказа от выборной должности и депутатского мандата. Анализируется предыдущий опыт законодательного регулирования данной правовой категории. Исследуется судебная практика по вопросу возмещения расходов, связанных с проведением повторных выборов. Предлагается способ законодательного регулирования процедуры отказа от выборной должности и депутатского мандата.*

***Ключевые слова:** отказ, выборная должность, депутатский мандат, возмещение расходов, повторные выборы, избирательная комиссия, избранный кандидат.*

THE LEGAL GROUNDS FOR THE REFUSAL OF ELECTIVE OFFICE AND DEPUTY MANDATE: THEORY AND PRACTICE

***Abstract.** The article is devoted to consideration of the legal grounds for the refusal of elective post, deputy mandate. The author analyzes the previous experience of legislative regulation of this legal category. The judicial practice on the issue of reimbursement of expenses related to the conduct of repeated election is researched. The author offers the way of regulation of the procedure for refusal of deputy mandate, elective position.*

***Keywords:** refusal, elected position, deputy mandate, reimbursement of expenses, repeated election, election commission, elected candidate.*

Специалистами по избирательному праву уже давно поднимается проблема отсутствия правового регулирования вопросов, связанных с процедурой отказа от выборной должности или депутатского мандата. Так, Э.И. Девицкий указывает, что право отказаться от замещения выборной должности или депутатского мандата является важной гарантией реализации избирательных прав, однако отсутствие законодательного регулирования процесса отказа приводит к неблагоприятным последствиям для государства [1, с. 2–9].

В современном российском законодательстве практически не уделено внимание рассматриваемой сфере общественных отношений. Единственный

ИЛЬИНЫХ Александр Владимирович — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск
КУЗЬМИНА Анна Юрьевна — студент Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

федеральный акт, в котором в общем виде затронуты данные отношения, — это Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹. Согласно статье 92 данного Закона, лицо, избранное депутатом Государственной Думы, имеет право представить письменное заявление о своем отказе от мандата в ЦИК России, которая в таком случае передает мандат следующему в федеральном списке кандидату.

Отсутствие законодательного регулирования категории отказа от выборной должности, депутатского мандата порождает множество проблем, а также злоупотреблений в процессе выборов.

Во-первых, практика отказов от депутатского мандата, как далеко не новое явление для российских выборов, нередко становится причиной частого использования различных политических технологий. После выборов в Государственную Думу 1999 года от мандатов отказались 12 кандидатов, в 2003 году — 38, в 2007 году — 132, в 2011 году — 111, в 2016 году — 30 кандидатов, а в 2021 году — 72 кандидата. Как правило, от мандатов отказываются лица, которые при регистрации в качестве кандидата уже занимают какую-либо высокопоставленную должность. Из этого следует, что партии включают некоторых кандидатов в список лишь ради привлечения голосов.

Во-вторых, в ряде случаев при отказе от должности или депутатского мандата избирательная комиссия проводит повторные выборы. А это ведет не только к дополнительным затратам на подготовку и проведение выборов, но и к увеличению времени отсутствия выборных должностных лиц или органов власти, что, в свою очередь, может привести к дестабилизации в работе органов государственной власти или местного самоуправления.

В-третьих, поскольку из-за отказа от должности или мандата приходится проводить повторные выборы, на их проведение из государственного бюджета приходится выделять новые средства, которые впоследствии должны взыскиваться в судебном порядке. И то, и другое порождает проблемы: взыскание средств может занять немало времени; а выделение новых средств обременительно для бюджета.

В-четвертых, отказ от должности может явиться причиной напряженной атмосферы в обществе, так как, если мы говорим о выборах в представительный орган, то простая передача мандатов следующим в списке кандидатам может не удовлетворять интересы избирателей. Возможно, если бы эти кандидаты находились в лидирующей части списка, электорат не проголосовал бы за них.

Исходя из вышеперечисленных позиций можно сказать, что вопрос закрепления процедуры отказа от выборной должности или депутатского мандата в национальном законодательстве актуален.

¹ Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 28.06.2022) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740; СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4621.

В юридической науке должным образом не определено содержание отказа от выборной должности, депутатского мандата, а также не выработано положений о том, в каком порядке необходимо производить подобную процедуру.

До настоящего времени в российском законодательстве отражалось только общее представление об отказе от депутатского мандата. Ни Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» 1997 года², ни законы о выборах президента Российской Федерации 1995 и 1999 годов³ не содержали каких-либо норм об отказе от выборной должности.

В Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 1999 года⁴ закреплялось право кандидата отказаться от депутатского мандата по результатам выборов: кратко излагался порядок, в котором происходил отказ, а также — каким образом в данном случае распределялись депутатские мандаты. Так, для отказа от своего мандата депутат должен был представить заявление об отказе. В этом случае депутатский мандат передавался следующему кандидату из того же списка кандидатов. Если заявление об отказе представлялось кандидатом, занимавшим одно из трех первых мест в общефедеральной части федерального списка кандидатов, то ЦИК России должна была передать этот мандат другому федеральному списку кандидатов, который принимал участие в распределении депутатских мандатов в Государственной Думе. Также закон устанавливал, что участие в выборах только для побуждения избирателей голосовать за определенный список кандидатов без намерения его представителей участвовать в распределении депутатских мандатов не может являться основанием для признания выборов недействительными.

Понятие отказа от депутатского мандата в дальнейшем было отражено в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 2005 года⁵. Положения данного закона закрепляли то же самое, что и предыдущий акт о выборах депутатов Государственной думы. Однако, было добавлено несколько уточнений: во-первых, в данном законе отражалось, в какой орган необходимо подавать заявление об отказе, и в качестве такого органа определялась ЦИК

² Федеральный закон от 19.09.1997 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 10.07.2001) // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339; СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2944; (утратил силу).

³ Федеральный закон от 17.05.1995 № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1924; (утратил силу).

Федеральный закон от 31.12.1999 № 228-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ред. от 21.03.2002) // СЗ РФ. 2000. № 1 (Ч. II). Ст. 11; СЗ РФ. 2002. № 12. Ст. 1093; (утратил силу)

⁴ Федеральный закон от 24.06.1999 № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 21.03.2002) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3178; СЗ РФ. 2002. № 12. Ст. 1093; (утратил силу).

⁵ Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. 05.10.2015) // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919; СЗ РФ. 2015. № 41 (с. II). Ст. 5641; (утратил силу).

России; во-вторых, указывалось, что заявление об отказе не является основанием для исключения отказавшегося от депутатского мандата кандидата из федерального списка кандидатов.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское законодательство как в прошлом, так и сегодня рассматривает отказ от депутатского мандата исключительно в качестве права избранного кандидата. Однако, такая позиция представляется не совсем корректной. По нашему мнению, данную юридическую категорию можно рассматривать в трех аспектах: как право; как вид злоупотребления избирательным правом; и как юридическую процедуру.

Конечно, лицо, которое выдвигает свою кандидатуру на выборах или дает согласие на внесение своей кандидатуры в список кандидатов, должно понимать, что в случае избрания ему придется пойти на некоторые ограничения, связанные с особенностью своего нового статуса. Однако существуют обстоятельства, которые баллотирующиеся лица не могут предвидеть, например, болезнь, смерть и иные. Эти обстоятельства могут повлиять на возможность осуществления полномочий депутата или выборного должностного лица. В таком случае отказ действительно должен восприниматься как право избранного кандидата.

Отказ от выборной должности или депутатского мандата может рассматриваться в качестве вида злоупотребления избирательным правом. Под злоупотреблением здесь понимается вид неправомерного поведения, при котором участники выборов намеренно осуществляют свои субъективные избирательные права в противоречии с их назначением, что влечет нарушение избирательных прав других участников выборов.

Довольно часто на выборах можно наблюдать ситуацию, когда лица, обладающие определенным влиянием в обществе или уже занимающие какие-либо должности в органах государственной власти, принимают участие в выборах, а по прошествии выборов отказываются от должности или мандата, на которые баллотировались. В итоге их мандат переходит к следующим за ними в списке кандидатам. При этом к отказавшимся кандидатам не применяется никаких санкций. Такая практика получила название техники кандидатов-«паровозов». Данная техника используется для того, чтобы привлечь внимание избирателей к определенной политической партии; обойти запрет агитировать лицам, замещающим государственные должности и должности государственной службы.

В результате подобных технологий избиратели фактически утрачивают право на справедливые выборы, так как вместо кандидатов, за которых они отдавали голоса, выборную должность или депутатские мандаты получают иные лица. Такой практике способствует в том числе и современное законодательство, которое позволяет ЦИК России передавать мандаты следующим в списке кандидатам.

Существуют и другие ситуации, при которых кандидаты могут злоупотреблять возможностью отказаться от выборной должности. Это бывает связано в том числе и с необходимостью закрепления определенного политического курса в стране. Лица, обладающие значительным весом в обществе, могут использовать практику отказа для повторного проведения выборов, если они видят, что образовавшийся круг кандидатов способен повредить их будущим планам.

Отказ от выборной должности или депутатского мандата может рассматриваться и в качестве юридической процедуры. По мнению Э.Е. Исаева, юридическая процедура — это юридически значимые действия, совершаемые в определенной последовательности; каждое из них имеет правовые последствия для всей процедуры. Юридическую процедуру отличают следующие признаки: *государственно-властный характер; ее закрепление в правовых или индивидуальных актах; выражение в поэтапном совершении определенных действий; обеспечение реализации норм материального и процессуального права* [2, с. 127–130].

В силу того, что порядок осуществления отказа от выборной должности должен определяться нормами законодательства, то есть в нем должны принимать участие субъекты с властными полномочиями — избирательные комиссии или суд, а также того, что этот порядок выражается в совершении определенных действий как со стороны властных субъектов, так и со стороны избранного кандидата, то можно заключить, что отказ от выборной должности или депутатского мандата можно рассматривать в качестве юридической процедуры.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что отказ от выборной должности, депутатского мандата — это не только право избранного кандидата, но и вид злоупотребления избирательным правом, а также юридическая процедура.

На наш взгляд, целесообразно закрепить легальное определение отказа от выборной должности или депутатского мандата. Выше были обозначены три аспекта данной юридической категории. На практике особую важность приобретают два из них: в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁶ (далее — Закон об основных гарантиях) необходимо закрепить право избранного кандидата отказаться от депутатского мандата или выборной должности, а также отразить, что отказ от выборной должности или депутатского мандата — юридическая процедура.

Подобный отказ может быть обусловлен различными обстоятельствами, которые можно разделить на две группы: уважительные причины, вынуждающие кандидата отказаться принять должность или депутатский мандат;

⁶ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 28.06.2022) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4621.

иные моменты, не являющиеся вынуждающими. Современное законодательство закрепляет следующий перечень вынуждающих обстоятельств, в связи с которыми кандидат может снять свою кандидатуру с выборов: *недееспособность; ограниченная дееспособность; смерть кандидата; тяжелая болезнь; стойкое расстройство здоровья зарегистрированного кандидата или его близких родственников; избрание на государственную или муниципальную должность.*

Представляется, что этот перечень можно использовать и при отказе избранного кандидата от выборной должности или депутатского мандата. Однако, необходимо внести изменения в данный список, поскольку при их толковании некоторые из перечисленных обстоятельств вызывают затруднения.

Следовательно, *необходимо разобраться с тем, что законодатель понимает под тяжелой болезнью и стойким расстройством здоровья. Данные понятия по своей сути описательные.* Ни одна квалификация болезней не выделяет такую группу как «тяжелые болезни». Таким образом, данное понятие может вызывать существенные затруднения при его толковании на практике. Кроме того, *российское законодательство не дает разъяснения понятия «стойкое расстройство здоровья».* Неопределенности в идентификации вышеназванных понятий могут привести к затруднениям при проведении выборов, поскольку нет ясности, чем необходимо руководствоваться, чтобы определить, какая болезнь является тяжелой, а что относится к стойкому расстройству здоровья. В связи с этим возникает вопрос: можно ли рассматривать данные понятия как синонимы, поскольку болезнь и есть расстройство здоровья.

Таким образом, перечень вынуждающих обстоятельств требует уточнения, так как *необходимо исключить из него такое обстоятельство как стойкое расстройство здоровья.*

Конечно, если в процессе выборов кандидат чем-либо заболевает и в связи с этим не может выполнять обязанности в качестве депутата или выборного должностного лица, то он должен иметь право отказаться от выборной должности или депутатского мандата без каких-либо отрицательных последствий. В силу этого болезнь должна признаваться обстоятельством, вынуждающим избранного кандидата отказаться от депутатского мандата или выборной должности. Но как определить критерии, на основании которых болезнь будет характеризоваться как вынуждающее обстоятельство. Здесь, по нашему мнению, можно использовать следующие признаки: *влияние болезни на способность мыслить аналитически, то есть болезнь должна препятствовать избранному кандидату осуществлять свои полномочия [З, с. 35–40]; прогрессивный характер болезни, который может причинять страдания человеку, то есть с течением времени болезнь будет влиять на возможность осуществления полномочий депутата или выборного должностного лица.*

* * *

Запрет выдвижения в качестве кандидата одновременно на различных выборах является одной из гарантий справедливых выборов. Особенно популярна такая практика на муниципальном уровне. Выдвижения в качестве кандидата одновременно на различных выборах говорит лишь о политических мотивах, а не о заинтересованности в развитии конкретного муниципального образования. Регистрация в качестве кандидата одновременно на нескольких выборах несет отрицательные последствия для бюджетов, поскольку после отказа кандидатов от депутатского мандата избирательные комиссии назначают повторные выборы, затрачивая дополнительные средства. Кроме того, такая практика искажает результаты выборов, так как место депутата или выборную должность занимает кандидат, которого поддерживает меньшее количество избирателей.

Таким образом, к обстоятельствам, вынуждающим избранного кандидата отказаться от должности можно отнести следующее: *недееспособность; ограниченная дееспособность; смерть кандидата; заболевание избранного кандидата или его близких родственников.*

При отказе от депутатского мандата избранные кандидаты ссылаются на то, что полномочия депутата начинаются со дня избрания, поэтому их отказ представляет собой отставку по собственному желанию. Ответчики, возражая на требования избирательных комиссий, указывают, что избранным депутат становится в день подсчета голосов, однако отечественное законодательство о выборах подобной нормы не содержит. Суды в ответ на доводы поясняют, что до регистрации и получения удостоверения депутата лицо является избранным кандидатом в депутаты. Депутатом избранный кандидат может стать только после представления соответствующих документов о том, что у него нет обязанностей, несовместимых со статусом депутата. Соответственно, право на отставку возникает со дня регистрации лица в качестве депутата избирательной комиссией и получения им удостоверения. Поэтому, в законодательстве необходимо отразить временные пределы, когда лицо является избранным кандидатом, и какой день считается днем избрания кандидата в качестве депутата или выборного должностного лица⁷.

Согласно Закону об основных гарантиях, избирательная комиссия на основании протоколов нижестоящих избирательных комиссий принимает решение о результатах выборов. Соответственно, день принятия решения о результатах выборов и должен считаться днем избрания кандидата в депутаты или на выборную должность. После этого избирательная комиссия извещает избранного кандидата путем опубликования решения о результатах выборов. Следовательно, с момента принятия решения о результатах выборов и до момента регистрации кандидата и выдачи ему документа, удостоверяющего

⁷ Решение Чердаклинского районного суда Ульяновской области от 25 февраля 2020 г. по делу № 2-2028/2020 № 2-2028/2020 2-2028/2020-М-13/2020 М-13/2020 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.10.2022).

его статус, он будет являться избранным кандидатом. Неотъемлемой частью статуса депутата являются его полномочия. Поскольку соответствующий статус депутата будет приобретаться лицом только после регистрации и выдачи удостоверения, то и полномочия начнутся с этого момента.

Для того, чтобы полностью урегулировать процедуру отказа от выборной должности или депутатского мандата, необходимо отразить в законодательстве следующее: *порядок подачи кандидатом заявления об отказе; процедуру рассмотрения избирательной комиссией заявления избранного кандидата об отказе; порядок определения расходов, связанных с проведением выборов, связанных с отказом избранного кандидата; процедуру возмещения избранным кандидатом расходов, связанных с проведением выборов.*

Закон об основных гарантиях устанавливает, что кандидат извещается соответствующей избирательной комиссией о его избрании и после этого он в течение пяти дней должен представить в эту избирательную комиссию документ об освобождении его от обязанностей, которые несовместимы с его новым статусом. Представляется, что в этот же период времени кандидат должен представить избирательной комиссии, оповестившей его, заявление о том, что он отказывается от должности или депутатского мандата, на которые он избран. При этом заявление кандидата должно содержать причину, вследствие которой он принял решение об отказе, так как от этого будет зависеть, придется ли ему возмещать расходы, связанные с проведением выборов.

Необходимость отражения в заявлении кандидата обстоятельства, в связи с которым он отказывается от выборной должности или депутатского мандата, продиктована следующими условиями. Судебная практика изобилует примерами, когда избирательные комиссии обращаются в суд с требованием о возмещении расходов, произведенных в связи с проведением повторных выборов из-за отказов кандидатов от депутатского мандата. При подобном обращении избирательные комиссии, обосновывая свои требования, указывают, что избранный кандидат при подаче заявления не обозначает обстоятельства, вынуждающие его отказаться от депутатского мандата. В связи с этим целесообразно обязать избранных кандидатов называть причину отказа от должности или депутатского мандата. На основании обстоятельства, указанного в заявлении избранного кандидата об отказе от выборной должности или депутатского мандата, будет разрешаться вопрос о том, должен ли избранный кандидат возмещать расходы избирательной комиссии на проведение повторных выборов⁸.

После получения заявления избранного кандидата избирательная комиссия начинает его рассмотрение, чтобы определить, вызван ли отказ вынуждающими обстоятельствами. Такое заявление должно быть рассмотрено

⁸ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2021 по делу № 88-8761/2021, 2-3-112/2020 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 05.10.2022); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2021 по делу № 88-9174/2021 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 05.10.2022).

комиссией в течение трех дней со дня его поступления. По рассмотрении заявления избирательная комиссия выносит решение, в котором устанавливает, является ли обстоятельство вынуждающим. Данное решение должно быть доведено до кандидата не позднее дня, следующего за днем принятия. На наш взгляд, оперативность принятия решения избирательной комиссии и доведение данного решения до избранного кандидата обеспечит скорое проведение повторных выборов или передачу освободившегося мандата другому кандидату.

* * *

Как правило, после отказа избранного кандидата от депутатского мандата или выборной должности, избирательные комиссии проводят повторные выборы. По мнению избранных кандидатов и судов, такие действия избирательных комиссий нельзя считать верными во всех случаях. Например, при избрании выборного должностного лица действительно должны быть проведены повторные выборы. Однако, кандидаты, отказавшиеся от депутатского мандата, указывают на то, что избирательные комиссии должны проводить не повторные, а дополнительные выборы. Ответчики полагают, что путем подачи заявления об отказе от депутатского мандата они прекращают полномочия досрочно. Поэтому целесообразно уточнить момент о проведении повторных выборов в законодательстве.

Как уже отмечалось, полномочия депутата должны начинаться со дня его регистрации в качестве депутата и получения соответствующего удостоверения, так как до предоставления документов о сложении несовместимых со статусом депутата полномочий избранный кандидат не может приступить к их исполнению. Значит, нельзя говорить, что при отказе от депутатского мандата избранный кандидат досрочно прекращает полномочия. Следовательно, при отказе от депутатского мандата также должны проводиться повторные выборы.

Однако вопрос о занятии освободившегося депутатского мандата можно решить и без проведения повторных выборов. Если кандидат был избран по единому или одномандатному избирательному округу и он отказывается от выборной должности, депутатского мандата, то избирательная комиссия должна проводить повторные выборы. Но если кандидат был избран в составе списка кандидатов, то вопрос в отношении освободившегося депутатского мандата после отказа избранного кандидата можно решить иным способом. Если последний отказывается в связи с вынуждающими обстоятельствами, то его мандат будет передаваться следующему кандидату из этого списка кандидатов. В случаях, когда отказ происходит без вынуждающих обстоятельств, то освободившийся депутатский мандат будет передаваться депутату из следующего по количеству набранных голосов списка кандидатов. В итоге, во-первых, не будет необходимости привлекать дополнительные средства на проведение повторных выборов, во-вторых, избранные канди-

даты и избирательные объединения будут нести ответственность за недобросовестные действия.

Необходимо установить определенные меры ответственности в отношении недобросовестных кандидатов. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации» (далее — Закон о выборах депутатов) предусматривает, что подача заявления об отказе избранного кандидата от депутатского мандата не влечет его исключения из федерального списка кандидатов, допущенного к распределению депутатских мандатов⁹. Такая позиция со стороны законодателя представляется сомнительной, так как исключение такого кандидата из федерального списка кандидатов могло бы служить одной из мер конституционно-правовой ответственности.

Процедура выборов — дело затратное, поэтому отказ кандидата от должности или депутатского мандата, на которые он избран, может оказаться причиной образования «дыр» в бюджете. Однако, если отказ происходит без вынуждающих обстоятельств, то расходы на проведение выборов должны возмещаться избранным кандидатом.

* * *

Большую важность имеет вопрос о том, в каком порядке должны возмещаться расходы при проведении выборов в связи с отказом от выборной должности или депутатского мандата. На наш взгляд, кандидату должна быть предоставлена возможность возместить произведенные из бюджета соответствующего уровня расходы добровольно. После проведения повторных выборов избирательная комиссия должна установить сумму расходов и предъявить кандидату требование о возмещении расходов. Далее возможны два варианта: кандидат добровольно соглашается возместить соответствующие расходы; кандидат отказывается возмещать расходы, затраченные на проведение выборов.

В последнем случае избирательной комиссии следует предоставить право обращения в суд с требованием о возмещении произведенных расходов. При анализе судебной практики обращает на себя внимание то, что ответчик в качестве возражения на требования комиссии о возмещении расходов указывает, что ни гражданское процессуальное законодательство, ни избирательное законодательство не содержит норм, предусматривающих право избирательных комиссий обращаться в суд от имени казны Российской Федерации, субъекта Федерации или муниципального образования с требованиями о взыскании расходов, понесенных в связи с организацией и проведением выборов, в связи с чем заявление избирательной комиссии должно быть оставлено без рассмотрения. Но поскольку избирательная комиссия является распорядителем бюджетных средств, она и должна иметь

⁹ Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 28.06.2022) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740; СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4621.

право выступать в качестве истца от соответствующего публично-правового образования в суде¹⁰.

После проведения повторных выборов, избирательная комиссия, проводившая выборы, должна определить сумму расходов для возмещения кандидатом, которая должна устанавливаться в отчете комиссии о произведенных расходах. При этом такой отчет, помимо сведений о произведенных затратах, должен содержать сведения о сумме, которая была выделена для проведения повторных выборов. К расходам должны относиться расходы: *на оплату труда; на изготовление печатной продукции; на использование и эксплуатацию средств автоматизации; на приобретение оборудования и других материальных ценностей; на канцелярские товары; на связь; на подготовку и изготовление необходимой избирательной документации; расходы, связанные с заключенными гражданско-правовыми договорами, направленными на материальное обеспечение повторных выборов; иные расходы, возникшие в связи с проведением повторных выборов.*

К расходам не относятся затраты на развитие средств автоматизации, обучение организаторов выборов и избирателей, — они не могут относиться к расходам, которые могут взыскиваться с избранного кандидата, так как производятся для повышения качества проведения выборов в целом.

Для возмещения расходов имеет значение то обстоятельство, в каком размере избранный кандидат будет производить возмещение. Закон об основных гарантиях устанавливает, что кандидат, без вынуждающих обстоятельств не сложивший с себя полномочий, должен возместить расходы избирательной комиссии полностью или частично. Ситуация, при которой избранный кандидат будет возмещать расходы не в полном объеме, выглядит не совсем справедливой, учитывая то, что своими действиями такие кандидаты наносят вред соответствующему бюджету, а также избирателям.

Законом о выборах депутатов устанавливается, что кандидат, не выполнивший требование о предоставлении документа, который подтверждает его освобождение от обязанностей, не совместимых со статусом депутата, должен возместить расходы федерального бюджета в полном объеме. Таким образом, следует изменить нормы федерального Закона об основных гарантиях. При этом обязанность по возмещению затрат должна возлагаться не только на отказавшегося кандидата, но и на избирательное объединение, если он выдвигался избирательным объединением. В случае если будет установлено, что у избранного кандидата нет возможности возместить избирательной комиссии всю сумму расходов, такая комиссия должна иметь право потребовать возмещения от избирательного объединения.

¹⁰ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 13 июля 2021 года по делу № 33-2506/2021 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 05.10.2022); Апелляционное определение Иркутского областного суда от 25.10.2013 по делу № 33-8750/13 // Государственная автоматизированная система «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 05.10.2022).

При предъявлении требования о возмещении расходов может возникнуть затруднение. Что делать, если у избранного кандидата не хватает средств для возмещения расходов избирательной комиссии? В таком случае, если кандидат выдвигался в порядке самовыдвижения, нужно предоставить ему возможность выплатить данную сумму постепенно путем внесения ежемесячных платежей с начислением процента (рассрочка). Если кандидат выдвигался избирательным объединением, то можно привлечь к возмещению расходов соответствующее избирательное объединение. Если кандидат после предъявления требований избирательной комиссией заявляет о том, что он не может возместить указанную сумму в силу отсутствия у него средств для возмещения или их недостаточности, он должен предоставить документы, подтверждающие данные обстоятельства. Кроме того, избирательной комиссии должно быть предоставлено право обращения в налоговые органы для проверки предоставленных избранным кандидатом сведений. Если указанные сведения подтверждаются, то кандидат может рассчитывать на предоставление права ежемесячно вносить платежи или на привлечение к делу о возмещении расходов избирательного объединения. При этом избирательное объединение может воспользоваться правом кандидата на ежемесячную уплату платежей.

После установления расходов избирательная комиссия обязана направить требование избранному кандидату, который отказался от выборной должности или депутатского мандата, о возмещении произведенных ею затрат на проведение повторных выборов. При этом требование должно содержать номер счета, на который кандидату в течение определенного времени надлежит производить перечисление денежных средств. Если по истечении этого срока кандидат не производит оплаты расходов избирательной комиссии либо не представит сведений о невозможности произвести уплату единовременно, то начинается процедура судебного взыскания расходов, произведенных избирательной комиссией. Представляется, что для разрешения подобного рода споров суду необходимо установить следующие обстоятельства:

- 1) регистрацию избирательной комиссией, организующей выборы, граждан в качестве кандидатов в депутаты или на выборные должности;
- 2) отказ избранного кандидата от замещения выборной должности или депутатского мандата, который подтверждается представлением соответствующего заявления;
- 3) принятие избирательной комиссией, организующей выборы, решений об аннулировании результатов выборов и о назначении повторных выборов;
- 4) выделение избирательной комиссии дополнительных средств для проведения повторных выборов;
- 5) размер расходов, произведенных на проведение повторных выборов, отраженных в утвержденном отчете избирательной комиссии;
- 6) наличие у избранного кандидата, отказавшегося от замещения выборной должности или депутатского мандата, вынуждающих обстоятельств;

7) возможность единовременной уплаты суммы, необходимой для возмещения расходов избирательной комиссии, и некоторые другие.

* * *

Таким образом, существует объективная необходимость закрепления института отказа от выборной должности, депутатского мандата в законодательстве Российской Федерации. Она продиктована не только участвовавшими злоупотреблениями со стороны кандидатов, но и трудностями, возникающими при разрешении споров о возмещении избирательным комиссиям расходов, произведенных в связи с проведением повторных выборов.

При отражении норм об отказе от выборной должности, депутатского мандата в законодательных актах необходимо учитывать то, что это не только право избранного кандидата, но и юридическая процедура, выражающаяся в строго определенной последовательности действий как самого избранного кандидата, так и избирательных комиссий и иных органов, которые могут принимать участие в данной процедуре.

При определении процедуры отказа от выборной должности, депутатского мандата необходимо учитывать обстоятельства, которые могут вынуждать кандидата к отказу, а также предоставить право избранному кандидату добровольно возместить расходы избирательной комиссии.

Судебная практика показывает, что отсутствие права у избирательных комиссий обращаться в суд с иском о возмещении расходов на проведение повторных выборов, может затормозить ход возмещения избранным кандидатом расходов. Поэтому необходимо закрепить за избирательными комиссиями право на обращение в суд в качестве истца от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования.

Рассмотрение судами споров о возмещении расходов избирательным комиссиям должно происходить в особом порядке, поскольку в данной ситуации на суд возлагается обязанность установить определенные законом обстоятельства, на основании которых должно выноситься решение. Кроме того, важным является разрешение вопроса об ответственности не только избранного кандидата за отказ от выборной должности, депутатского мандата, но и избирательного объединения, которым он выдвигался.

Список литературы

1. Девицкий Э.И. Особенности рассмотрения судами дел о возмещении расходов, понесенных при подготовке и проведении выборов // Избирательное право и правосудие. 2008. № 1.
2. Исаев Э.Е. Юридический процесс и юридическая процедура // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9.
3. Суликоевна А.С. Стойкая неспособность главы государства осуществлять принадлежащие полномочия // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 7(58).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН. ВЫБОРЫ. ВЛАСТЬ» ЗА 2023 ГОД

Конституционное право

Головин А.Г. Делегирование власти народом в зеркале практики конституционного суда (теоретико-методологические аспекты) № 1(27)

Теория права

Веденеев Ю.А. Юриспруденция в концептуальном и дисциплинарном контекстах № 1(27)

Пучков В.О. Научное познание государства и права и его понятийно-терминологические основания: опыт методологической реконструкции № 2(28)

Веденеев Ю.А. Юриспруденция развития в определениях языка исторической эпохи № 4(30)

Избирательное право

Борисов И.Б., Лысенко В.И. Избирательные права в системе прав человека и гражданина. Правовые приоритеты № 1(27)

Макаров И.И. Прощание с муниципальными избирательными комиссиями № 1(27)

Муниципальное право

Хабаров И.А. Соуправление и «дело общее»: к политико-административным практикам современных локальных сообществ № 3(29)

Избирательный процесс

Перевышин Н.В. Общественные выборы как основа демократизации в России № 1(27)

Ниточкин Ф.В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право № 2(28)

Нигметзянов А.А. Правовое мотивирование как способ воздействия на участников избирательного процесса № 4(30)

Актуальные проблемы правоприменения

Борисов И.Б. Обеспечение и защита государственного суверенитета в электоральной сфере № 4(30)

Электоральные технологии

Минтусов И.Е., Ячменева О.А. О практике электронного голосования в странах Южной Америки № 2(28)

Актуальная трибуна

Цыганков П.А., Слуцкий Л.Э. Дискурс о борьбе демократий против автократий как новое издание теории демократического мира № 1(27)

Стригунов К.С. Контрмеры России в геокультурном конфликте с коллективным Западом № 1(27)

- Оленченко В.А.** Политические технологии отделения от СССР как источник современной антироссийской политики стран Прибалтики № 1(27)
- Бочарников И.В., Овсянникова О.А.** Трансформация современного мирового порядка в документах стратегического планирования США и НАТО № 2(28)
- Го Фэнли** Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции № 2(28)
- Туманян Г.В., Ширинкина А.В.** Консолидация россиян в период «крымского» и «донецкого» консенсусов: социальный и электоральный эффект № 2(28)
- Политические институты**
- Ерыгин А.А.** О взаимодействии общественных палат субъектов Российской Федерации с региональными органами власти № 4(30)
- Политические процессы**
- Катков И.Е.** Анализ политических вызовов при поставках российских углеводородных ресурсов № 3(29)
- Политические технологии**
- Абылгазиев И.И., Кошмаров М.Ю., Манойло А.В., Трубецкой А.Ю.** Политические технологии и пропаганда в контексте глобальных революционных трансформаций № 1(27)
- Колокольцева Е.В.** СМИ как инструмент информационного противоборства (на примере украинского кризиса) № 1(27)
- Ковалев М.К.** Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды № 2(28)
- Данилин П.В.** Фактчекинг как новый инструмент в пропагандистских войнах № 3(29)
- Партийная жизнь**
- Мазуревский К.С.** Процедура первичного голосования как средство качественного подбора партийных кандидатов № 2(28)
- Кротова А.С.** Трансформация идеологических конструктов в программах политических партий России № 2(28)
- Палюлин А.Ю., Царев А.М., Логинов С.А.** Отчетность региональных отделений политических партий в налоговые, страховые, статистические органы и органы юстиции в 2023 году № 2(28)
- Международное избирательное право и стандарты**
- Лысенко В.И.** Выборы в Монако в ретроспективе и развитии № 3(29)
- Лысенко В.И.** Избирательный залог на президентских выборах: зарубежный опыт № 4(30)
- Мировая практика**
- Иванченко М.А.** Отношения Латинской Америки и Китая в условиях глобализации № 1(27)

- Щербаков И.М.** Российское неоевразийство и турецкий неоосманизм в отечественном политическом дискурсе: теория и практика № 3(29)

Дорожная карта: идеи и концепции

- Чистобородов И.Г.** Роль политико-правовой науки в государственном управлении общественно-политической сферой № 3(29)
- Егоров А.А.** Духовная природа государства в политико-правовых воззрениях Ивана Ильина № 3(29)
- Цветкова О.В.** Национальная и гражданская идентичность: проблемы формирования в России № 4(30)
- Чистобородов И.Г.** Государственное управление общественно-политической сферой в условиях становления многополярного мира № 4(30)

Ракурс

- Добкин А.Г.** «Окольные пути» пересмотра конституции? № 2(28)
- Осипов М.Ю.** К вопросу о соотношении юридической науки и правовой аналитики № 2(28)

Реплика

- Сошников В.В.** Предвыборная программа — основной ресурс избирательной кампании или проблема политических партий № 1(27)
- Сошников В.В.** О проведении предвыборной агитации посредством публичных мероприятий № 4(30)

Продолжение темы

- Чистобородов И.Г.** Характеристика управленческих решений в общественно-политической сфере № 1(27)

За рубежом

- Караваев С.Г., Мушкет И.И.** Международное наблюдение за внеочередными выборами президента Республики Казахстан: подходы миссий СНГ и БДИПЧ ОБСЕ № 1(27)
- Бочаров Ю.Б.** Причины недемократического управления страной при полностью демократических выборах № 2(28)

Связь времен

- Волков В.П.** Историческая роль СССР в отечественной и всемирной истории № 1(27)

Экскурс в историю

- Авакян Д.А.** Качество жизни в XIX веке: французский опыт взаимодействия власти и граждан № 2(28)
- Галкин И.В.** Феномен абсолютизма в западноевропейской политико-правовой мысли раннего Нового времени № 4(30)
- Жилинская В.С.** Политическая теология Жана Кальвина № 4(30)

Минтусов И.Е., Доруш А.Г. Анализ избирательной системы в Веймарской республике	№ 4(30)
Пространство молодого ученого	
Зеленова В.А. Технологическая революция в сфере информационных войн: до и после крымских событий 2014 года	№ 2(28)
Глуздак Г.Н. Административная наказанность как моральный ценз в избирательном законодательстве	№ 3(29)
Поздняков Е.И. Актуальные методы противодействия фейковым новостям	№ 3(29)
Конкурс «Атмосфера»	
Жуковская Н.Ю., Шурупова Е.И. «Детская тема» в избирательном процессе: теория и современная политическая практика	№ 3(29)
Чуб Н.В., Ирмакова Д.А. Дистанционное электронное голосование: опыт Курской области	№ 3(29)
Ильиных А.В., Кузьмина А.Ю. Правовые основы отказа от выборной должности, депутатского мандата: вопросы теории и практики	№ 4(30)
Событие	
Владимиру Евгеньевичу Сафонову — 70	№ 3(29)
К 30-летию ЦИК России	
Биктагиров Р.Т. Эволюция избирательной системы России: от выборов царской думы к выборам палат Федерального Собрания Российской Федерации	№ 3(29)
Памфилова Э.А. Биография центральной избирательной комиссии Российской Федерации: промежуточные итоги	№ 4(30)
Конституции Российской Федерации — 30 лет	
Хорунжий С.Н. Конституционные ценности демократии или правовая природа юридических процедур в избирательном процессе: промежуточные итоги	№ 3(29)
Раздьяконова Е.В. Принципы современного социального государства в контексте конституционной модернизации	№ 3(29)
Аствацатурова М.А. Этноидентификационные аспекты конституционного тренда полиэтничного российского общества	№ 3(29)
Официальная информация	
ВАК уполномочена заявить	№ 1(27)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

БОРИСОВ Игорь Борисович, кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП) заслуженный юрист Российской Федерации; BORISOV Igor Borisovich, Candidate of Law, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIP), Honored Lawyer of the Russian Federation; borisov@roiip.ru

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации; VEDENEV Yuri Alekseevich, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation; yuravedeneev@yandex.ru

ГАЛКИН Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); GALKIN Ivan Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL); gakckinvanya@rambler.ru

ДОРУШ Анастасия Геннадьевна, политолог-юрист, выпускница Белорусского государственного университета; DORUSH Anastasia Gennadievna, Political Scientist-Lawyer, Graduate of the Belarusian State University; ndorush@gmail.com

ЕРЫГИН Алексей Алексеевич, кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина; ERYGIN Alexey Alekseevich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilina; ery-aleks@mail.ru

ЖИЛИНСКАЯ Валерия Сергеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры государства и права МГЮА имени О.Е. Кутафина; ZHILINSKAYA Valeria Sergeevna, Candidate of Law, Lecturer of the Department of State and Law, Kutafin Moscow State Law University; litta386@yandex.ru

ИЛЬИНЫХ Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета; ILYINYKH Alexander Vladimirovich, Senior lector of State and Legal Disciplines Department, Pacific National University; 008245@pnu.edu.ru

КУЗЬМИНА Анна Юрьевна, студент кафедры общих и специальных юридических дисциплин Тихоокеанского государственного университета; KUZMINA Anna Iurevna, Student of General and Special Legal Disciplines Department, Pacific National University; 12345678910akuzmina@gmail.com

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; LYSENKO Vladimir Ivanovich, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; vlysenko@cikrf.ru

МИНТУСОВ Игорь Евгеньевич, президент Европейской ассоциации политических консультантов (ЕАПС), доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ; MINTUSOV Igor Evgenevich, President of the European Association of Political Consultants (EAPC), Docent of Higher School of Journalism and Mass Communication in SPbSU; mintusov@nikkolom.ru

НИГМЕТЗЯНОВ Алмаз Альбертович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета; NIGMETZYANOV Almaz Albertovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law of Kazan (Volga Region) Federal University; diamondnig@mail.ru

ПАМФИЛОВА Элла Александровна, Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; PAMFILOVA Ella Aleksandrovna, Chairman of the Central Election Commission of the Russian Federation

СОШНИКОВ Валентин Викторович, член Избирательной комиссии Самарской области с правом решающего голоса, аспирант кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета; SOSHNIKOV Valentin Viktorovich, Member of the Election Commission of the Samara Region with the right to vote; Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law of Togliatti State University; soshnikoff.valentin@yandex.ru

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна, кандидат политических наук, заместитель заведующего кафедрой российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; TSVETKOVA Ol'ga Viktorovna, Candidate of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; tsvetkovaov@mail.ru

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, доктор юридических наук; CHISTOBORODOV Ilya Grigorievich, Doctor of Law; I.Chistoborodov@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 4(30)
2023

ОКТАБРЬ–ДЕКАБРЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала — 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 05.12.2023.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 73а